САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

П. М. КОЛЫЧЕВ

РЕЛЯТИВНАЯ ОНТОЛОГИЯ

Издательство С.-Петербургского университета
2006

ББК 87.21
К61

Рецензенты: д-р филос. наук, проф. *В. Н. Сагатовский* (Республиканский гуманитарный институт); д-р филос. наук, проф. *Ю. М. Романенко* (Санкт-Петербургский государственный университет)

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Республиканского гуманитарного института
С.-Петербургского государственного университета

Колычев П. М. Релятивная онтология. — СПб.: Изд-
К61 во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 227 с.
ISBN 5-288-04009-5

В монографии представлен онтологический взгляд на мир, при котором в качестве исходного пункта выбрано соотношение. При этом сущее выступает частным аспектом соотношения, а бытие проанализировано в аспекте определённости и неопределённости. В содержании сущего рассмотрены вопросы взаимодействия и развития.

Книга предназначена для специалистов в области онтологии.

ББК 87.21

ISBN 5-288-04009-5

© П. М. Колычев, 2006

Посвящается моей супруге
Любови Ивановне Колычевой (Лученкиной)

Предисловие

Традиционно онтология избирает своим предметом бытие в значении бытия сущего. Если же рассмотреть бытие с позиции определённости, то оказывается, что до бытия сущего имеет место бытие в соотношении. В этом случае изначальным предметом онтологии выступает не сущее, а соотношение. Это обстоятельство является концептуальным основанием для специального направления в онтологии, которое и обозначено нами как релятивная онтология.

Категория соотношения выступает не только как часть описания мира, но и как метод его описания. Стало быть, принцип описания мира берётся не из познавательных способностей человека (гносеологии), а из самой онтологии. Из этого не следует полный уход от гносеологического аспекта в описании мира хотя бы потому, что это есть именно *описание*, где не последнюю роль играют философские проблемы языка. Предложение использовать для описания мира в целом содержание одной из его сторон не отрицает гносеологического аспекта полностью, а лишь повышает роль онтологического аспекта, задавая их единство.

Однако такой способ онтологического описания мира в целом не является достаточным для онтологии. В самом деле, выбрав для этих целей, например, содержание категории соотношения, мы «смотрим» на мир в целом именно через «призму соотношения», получая специфическое описание, обозначенное нами как релятивная онтология, которую не следует рассматривать как законченную онтологию. Другая сторона мира может быть представлена иной категорией, содержание которой также может быть использовано как метод описания мира в целом. В этом случае мы «смотрим» на мир уже через другую «призму», получая другое его специфическое описание. Тогда онтологию можно

представить как совокупность специфических описаний, связь между которыми обеспечивается связью между содержанием исходных категорий.

Аналогично мы можем поступить и с гносеологическим аспектом. Если в онтологическом использовались категории, отражающие различные всеобщие стороны мира, то в гносеологическом рассматриваются различные специфические стороны мира, которые обладают способностью познания. Однако это возможно лишь в том случае, если трактовать само познание широко, например, как отражение, а отражение, в свою очередь, как взаимодействие. В случае если взаимодействие есть всеобщая онтологическая категория, гносеологический аспект есть часть «взгляда» на мир через категорию взаимодействия.

Ставить вопрос о степени значимости различных описаний мира, обусловленных гносеологической спецификой, также не имеет смысла, как и вопрос о значимости различных описаний мира, обусловленных спецификой той категории, через которую это описание строится. Значимость всех таких описаний одна и та же, ибо все они в совокупности и представляют собой онтологию, которая к тому же, по-видимому, не может быть окончательно завершена, ибо вряд ли найдётся такое сущее, которому может быть дан весь мир в его непосредственном и опосредованном восприятии (восприятии этого сущего).

Таким образом, использование содержания категории соотношения в решении онтологических вопросов следует расценивать не как отменяющее иные решения, а как дополняющее их.

Кроме категорий соотношения и сущего центральную роль играют понятия материального и идеального. В онтологии, как правило, идеальное понимают как субъективно-идеальное, когда идеальное связывают только с человеком. В релятивной онтологии идеальное понято как объективно-идеальное, так, как это имеет место в случае эйдосов у Платона и формы у Аристотеля. Об этом надо помнить на протяжении всего текста книги. Это следует иметь в виду и тогда, когда речь пойдёт о человеке, о его субъективно-идеальном, которое у нас обозначено понятием «мысль» и «представление». В этих местах может создаться впечатление, что мы отступаем от исходного определения идеально-

го, но это не так, говоря о мысли (представлении), мы всегда подразумеваем, что она есть лишь частный случай идеального.

Использование термина «идеальное» в форме прилагательного обосновано его содержанием. Но это порождает множество громоздких грамматических конструкций, понять которые не так просто. Например, необычным выглядит сочетание слов «идеальное сущего», особенно когда оно используется во множественном числе, например, «идеальные сущих». Сложным оказывается понимание того, что есть материальное, а что — идеальное, когда речь идёт о взаимодействии сущих. Происходит это из-за относительности материального и идеального.

Отчасти указанные сложности стиля объясняются нашим стремлением к точности высказывания. Не последнее место в этом играет и приверженность к строгой логической обоснованности получаемых выводов. Современная философская речь редко пользуется правилами формальной логики, даже в тех случаях, когда философская мысль допускает своё формально-логическое выражение. Мы выбрали формальную логику потому, что считаем онтологию в большей мере совокупностью ответов, а не совокупностью вопросов. В дихотомии «онтология как прояснение» и «онтология как загадка (непрояснение)» мы придерживаемся первой позиции.

В таком варианте книга представляет релятивную онтологию даже не как законченную онтологическую систему, а как расширенное формулирование её концепции. В плане содержания на автора оказали большое влияние идеи Валерия Николаевича Сагатовского. Это влияние реализовывалось не только через его книги по онтологии, но и через непосредственное обсуждение результатов наших исследований в области релятивной онтологии. В частности, именно он обратил внимание на роль неопределённости, на значимость информационного подхода к проблеме идеального. Его критика повлияла и на выбор используемой терминологии. Я благодарен Валерию Николаевичу Сагатовскому за вдумчивое и терпеливое отношение к данному исследованию. Я благодарен Михаилу Васильевичу Попову, Юрию Михайловичу Романенко, Игорю Ивановичу Евлампиеву, чьи критические замечания позволили уточнить и исправить книгу при её подготовке к печати. Я благодарен кафедре философии Сара-

товской государственной академии права и её заведующему Игорю Дмитриевичу Невважаю, где я начинал свои исследования по релятивной онтологии. Я благодарен кафедре философии и культурологии Республиканского гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного университета, ее заведующему Михаилу Семеновичу Уварову за содействие и поддержку. Я благодарен Ольге Анатольевне Черемисиной, которая консультировала меня в области химии. Я благодарен своей супруге Любови Ивановне Колычевой, которая принимала большое участие в создании этой книги. За техническую поддержку я благодарен Игорю Владимировичу Пчелинцеву и Виталию Ивановичу Калашникову.

Введение
Мир

Онтология в своём классическом понимании есть знание о предельно общем. Трудно сказать, сколько философских концептов может подходить под это определение. Одним из них является «мир». В русском языке данный термин имеет много значений: 1 — мир как Вселенная, универсум; 2 — мир как совокупность (множество), например, «книжный мир», где подразумевается совокупность книг; 3 — мир как социальная общность, например, «весь цивилизованный мир», то есть, страны с западноевропейскими ценностями; 4 — мир как состояние договоренности, например, «мировой судья»; 5 — мир как отсутствие состояния войны, например, «Война и мир»; 6 — мир как суетная, мирская жизнь, противостоящая спокойной религиозной, например, монастырской жизни; 7 — мир как то, что противостоит человеку, например, «окружающий человека мир»; 8 — мир как часть Вселенной, универсума, например, «подводный мир». Такая полисемия термина «мир» требует содержательного ограничения его онтологического значения.

Понятие «мир» не является традиционным онтологическим понятием, в то время как почти в любом философском словаре имеется определение понятия «мировоззрение», базирующееся на понятии «мир». Если иметь в виду предельную общность, то «под миром понимают ... всё *сущее*, которое может находиться в мире»[1]. С формально-логической точки зрения такое понимание не является строгим определением, ибо оно начинается с того, чем и заканчивается. В принципе это легко можно исправить, убрав интересующее нас понятие в конце, при этом само определение мало что потеряет. Проделав это, получаем: «…мир есть всё сущее». В таком варианте мир определяется через категорию сущего. Она традиционно и считается исходной категорией он-

[1] Философский энциклопедический словарь. М., 1999. С. 576.

тологии. В ней иногда используют и такие термины как «явление», «предмет», «вещь», «объект», «процесс», «монада», «субстанциональный деятель», «событие», «нечто». Мы считаем убедительной критику этих терминов, проведённую В. Н. Сагатовским, вслед за которым будем использовать термин «сущее», который обозначает «любой предмет, явление, процесс, вещь, свойство, отношение, субъект, нечто, ничто, временное и вечное, возможное и действительное, реальное и иллюзорное, материальное и идеальное и т. д.»[1]. Близость понятий «мир» и «сущее» и фундаментальность последнего, по-видимому, и сыграли свою роль в отсутствии понятийного и категориального статуса понятия «мир».

В понимании мира как все сущее уже заключено теоретическое положение о том, что мир есть совокупность сущих. Поэтому, принимая такое определение в качестве исходного, мы тем самым считаем это положение самоочевидным. И, действительно, об этом говорит весь наш жизненный опыт: ведь нас окружает огромное количество *разных* вещей, что свидетельствует об очевидности положения о дифференцируемости мира. Но в то же время ясно, что наш повседневный опыт не является решающим аргументом ни в частных науках, ни в онтологии, последняя как раз и призвана вскрыть смысл повседневности и заглянуть по ту сторону обыденного опыта. Поэтому мы предлагаем обосновать дифференцируемость мира.

Для этого в исходном понимании мира следует исключить сущее, которое будет введено позже. Осуществив это исключение, мы получим: мир есть всё. При этом, на наш взгляд, следует усилить термин «всё». Для этого: во-первых, будем писать этот термин только заглавными буквами, то есть «ВСЁ»; во-вторых, добавим прилагательное «абсолютное». За счёт этого получим: мир есть абсолютное ВСЁ. В этом случае допустимо, что объём понятия «мир» составляет один единственный элемент: «ВСЁ в

[1] *Сагатовский В. Н.* Философия развивающейся гармонии: философские основы мировоззрения: В 3 ч. Ч. 2. СПб., 1999. С. 45-46. Позже мы покажем, что имеются такие аспекты для ничто, материального, идеального, когда они не являются сущими. Сущими они выступают в аспекте их «дифференциальности», «отдельности», то есть в аспекте «нечто». Поэтому кратко, сущее есть любое нечто.

целом». В данном случае термин «ВСЁ в целом» сходен с термином «мир в целом», который использует В. Н. Сагатовский в своей концепции философии развивающейся гармонии; где, в частности, обосновывается существование денотата для данного термина[1].

Поскольку знание о мире охватывает ВСЁ, то ясно, что это знание выходит за рамки компетентности любой из частных наук. Но это знание выходит даже за рамки всех частных наук вместе взятых, ибо далеко не все сущие мира являются предметом научного рассмотрения. Вот один из примеров, демонстрирующий несоразмерность знания научного и знания о мире. Основное содержание научных знаний было получено на протяжении примерно последних 500 лет. В течение этого времени, проводя определённые эксперименты, учёные получают данные, на основе которых затем формулируют соответствующие законы. После чего считается, что эти самые законы имели место не только в современное время (500 лет), но и раньше, например, 10 миллиардов лет назад.

Таким образом, знание, полученное на основе 500-летнего наблюдения, мы экстраполируем на явления, существующие, по крайней мере, 10 миллиардов лет[2]. При этом соотношение этих двух отрезков времени равно 1:20 миллионам. Для того, чтобы лучше понять это временное соотношение, представим себе, что человек живёт 100 лет, тогда 1/20 000 000 часть этого времени будет составлять всего примерно 2,5 минуты. Теперь представьте, что человек является для нас совершенно неизвестным существом, которое вы впервые наблюдаете в течение 2,5 минут, и на основе этих наблюдений вы должны сделать выводы обо всей его жизни, начиная от рождения и заканчивая его смертью. Зная наперёд как изменчива человеческая жизнь, ясно, что наши прогнозы обречены на неудачу.

Не лучшим образом обстоят дела и с пространственными параметрами. Современный линейный размер нашего мира насчи-

---

[1] *Сагатовский В. Н.* Философия развивающейся гармонии: философские основы мировоззрения: В 3 ч. Ч. 2. СПб., 1999. С. 51 – 60.

[2] Мы выбрали минимальное значение возраста Вселенной, из предложенных различными учёными. Как мы увидим в дальнейшем, для нас важно ни столько точное значение, сколько порядок этого значения.

тывает 2×10^{23} км. Что же касается линейных размеров человеческих экспериментов, то предположим, что они не выходят за рамки нашей солнечной системы[1], то есть, составляют всего 10^{10} км. Устанавливая пропорции между этими пространственными размерами, получаем следующее соотношение 1: 2×10^{14}. Продолжим наш пример, в котором мы наблюдаем за человеком. Если рост этого человека мы примем условно за 2 м., нам придется наблюдать не всего человека, а лишь 1/100 миллиардную часть миллиметра, то есть о человеке нам пришлось бы судить буквально по нескольким его атомам, которые к тому же дано нам наблюдать всего 2,5 минуты.

Нельзя сказать, что учёные не понимают наличия этой проблемы. Вот как об этом пишет известный физик Ричард Фейнман: «Мы не считаем в настоящее время, что законы физики со временем как-то изменяются, что они прежде были иными, нежели ныне. Конечно, это *не исключено*»[2].

Однако философы, в отличие от учёных, похоже, не осознают этой несоразмерности, ибо любая онтологическая система распространяет своё знание на весь мир. Но насколько обоснованы эти претензии? Кто мы такие, чтобы реализовывать эти претензии? Вот как писал об этих притязаниях русский философ И. А. Ильин: «…тварь есть бытие конечное, ограниченное во времени и в пространстве, но внутренне посягающее — то бессознательно, то сознательно — на бесконечность и неограниченность».

Может быть, нам следовало поступить несколько скромнее и не замахиваться на весь мир, а решать только те задачи, которые нам по плечу? Может быть, нам следует вместо онтологии истинной в последней инстанции строить такое онтологическое знание, на которое мы сейчас способны? Абсолютно истинная онтология — это удел совершенных существ. По поводу обладания совершенным знанием Аристотель писал: «…по словам Симонида, «бог один иметь лишь мог бы этот дар», человеку же не

---

[1] Здесь используется такое понимание эксперимента, которое предполагает получение обратной реакции на первоначальное воздействие.

[2] *Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М.* Фейнмановские лекции по физике. Т. 1. М., 1985, С. 69.

подобает искать несоразмерного ему знания»[1]. Думаем, что многие согласятся с тем, что человек в его современном виде не такое уж совершенное существо. Так почему же мы, несовершенные, стремимся построить совершенную онтологию? Может быть, нам следует разрабатывать такое онтологическое знание, которое будет похоже на нас самих? В таком знании будут свои недочёты, противоречия, досадные промахи. И единственное, что следует пожелать при разработке такого знания — это указать те области, где все эти недостатки могут иметь место, ведь способны же мы на самокритику.

[1] *Аристотель* Метафизика // Аристотель Сочинения в четырёх томах. Т. 1. М., 1975. 982 b 30 – 32, С. 69.

Глава 1
Бытие, небытие

Первым вопросом онтологии традиционно считается вопрос о бытии, одним из аспектов которого является выяснение смысла бытия. Эта проблема, как и многие другие проблемы онтологии, возникает внутри повседневной деятельности человека, когда он, сталкиваясь с различными предметами, устанавливает некоторую особенность, которая состоит в том, что одни предметы включены в его деятельность, а другие — нет. Причём с течением времени одни предметы «уходят» из этой деятельности, а другие — «приходят». Например, в результате изменения самого предмета им уже нельзя пользоваться для прежней деятельности, что может привести к прекращению всякой деятельности с этим предметом. Это обстоятельство является необходимым условием отторжения предмета от самого человека, или, наоборот, выделения человека среди множества окружающих его предметов.

Ясно, что деятельность человека связана не только со временем, но и с пространством, когда в одном месте деятельность с предметом была возможна (бытие предмета в данном месте), а в другом месте пространства — нет (небытие предмета в другом месте). Можно привести и другие аспекты деятельности, где проявляется связь предмета с человеком, например, факт собственности на предмет, зафиксированный социально, когда данный предмет является только моей собственностью (бытие предмета для меня) и не является собственностью для другого человека (небытие этого предмета для другого).

Особое место в вопросе об онтологическом аспекте бытия занимает абстрагирование. При этом речь идёт не только об абстрагировании от конкретной деятельности, но и — об абстрагировании от самой человеческой деятельности, когда вопрос о бытии был распространён не только на факты любой человеческой деятельности, но и на факты с участием предметов, не связанных с человеческой деятельностью. В этих ситуациях ставился во-

прос о бытии предмета вне человеческой деятельности. То обстоятельство, что мы начали описание конкретных проявлений бытия во времени, не означает большей значимости бытия во времени по сравнению со всеми остальными проявлениями бытия, например, пространственного бытия или бытия-собственности.

Факт деятельности человека с одним предметом и факт её отсутствия с другим предметом впоследствии был выражен соответствующими терминами. Ясно, что в разных языках этот процесс проходил неодинаково. Например, все три выше описанные ситуации могли быть выражены различными терминами. Так, в русском языке мы употребляем слова: «существует» («не существует»), «есть» («нет»), «иметь» («не иметь»), «является» («не является»), «присутствовать» («отсутствовать»), «наличие» («отсутствие»), «дать» («не дать», «отнять»), «взять» («не взять»), «быть» («не быть»). Далее происходило осознание общности их содержания. В современной российской философии приняты соответствующие термины: «бытие», «небытие», реальность (объективная и субъективная), существование.

Онтологический вопрос о бытии во многом есть вопрос о том, что имеется общего во всех тех случаях, в которых налицо факт бытия. То обстоятельство, что сам вопрос о бытии формулируется с использованием самого бытия, например, как в данном случае мы использовали его дважды через термин «имеется», не специфицирует вопрос (ответ) о бытии среди других вопросов (ответов) онтологии. Например, невозможно выразить содержание категории соотношения, не используя термина «отношение» (или «соотношение»). Вопрос об общности конкретных проявлений бытия вовсе не означает поиск чего-то более фундаментального, чем само бытие. Он может означать установление связи с содержанием других понятий и категорий онтологии, которые «лежат в той же плоскости», что и содержание бытия.

Ответ на поставленный вопрос уже содержится в самих описаниях конкретных проявлений бытия, в частности, в тех рассуждениях, с которых мы и начали обсуждать данную тему. В самом деле, первым высказанным положением является «установление некоторой *особенности*, которая состоит в том, что одни

предметы включены в деятельность человека, а другие нет». Здесь бытие выражено как *особенность* во времени одного предмета в сравнении с другим. Следствием из этого было положение об «*отторжении* предмета от самого человека, или, наоборот, *выделение* человека среди множества окружающих его предметов». Здесь бытие предмета выражено как его *отторжение* от человека, а бытие человека — как его *выделение* среди прочих предметов. Но *отторжение*, *выделение*, *особенность* есть не что иное, как *отличие*. То же самое имеет место и в случае с пространством, ибо там речь идёт об *отличии* двух пространственных мест: «в одном месте деятельность с предметом была возможна, а в другом месте пространства нет». Аналогично и для бытия-собственности, когда бытие предметов связывается с *отличием* прав собственности на них: «предмет является только моей собственностью и не является собственностью для другого человека».

Эти случаи можно обобщить как положение о том, что необходимым условием бытия является отличие. Если мы учтём, что отличие есть не что иное, как определённость, то получим, что определённость есть необходимое условие бытия.

Связь бытия с определённостью имеет двойственный характер. С одной стороны, бытие связано с иными определённостями. В наших примерах это — определённости времени, пространства, собственности. Так, когда речь шла о времени, бытие связывалось с конкретной определённостью времени, например, прошлым, а небытие связывалось с другой конкретной определённостью времени, например, настоящим. А в случае с собственностью, когда бытие (предмета собственности) связывалось с одним человеком, а его (предмета собственности) небытие — с другим человеком.

Такую связь бытия с определённостью можно обосновать рассуждением от противоположного. Предположим, что вначале имеется некоторый набор определённостей, которые затем исчезают одно за другим до тех пор, пока не останется вообще никаких определённостей, то есть будет полная неопределённость. Возможно ли бытие в этих условиях? Мы считаем, что более убедительным будет отрицательный ответ. В самом деле, например, что означает для бытия отсутствие определённости времени.

Отсутствие определённости можно понимать двояким образом. Во-первых, как стягивание определённости в «точку», то есть получение неопределённости за счёт стремления определённости к бесконечно малому, и, во-вторых, как стремление определённости к бесконечно большему.

Если в отношении времени иметь в виду первый случай отсутствия определённости, то, например, бытие бильярдного шара во времени невозможно, ибо нет момента времени, в котором это бытие могло бы быть реализовано. Если отсутствие определённости понимать, как отсутствие границ, то есть как бесконечность, то отсутствие определённости времени означает вечную длительность. Тогда положение о том, что бильярдный шар существует (бытие), тождественно его вечному бытию, то есть этот шар никогда не возникал, ибо он вечен в направлении своего прошлого, и никогда не исчезнет, ибо он вечен в направлении своего будущего. Более того, этот шар не может претерпевать какие-либо изменения, ибо любое изменение — это переход от одного состояния шара к другому, то есть уничтожение прежнего состояния шара, что невозможно. Такой шар будет самим этим бесконечным временем, то есть, как бильярдный шар он бы исчез, то есть перешёл бы в небытие.

Теперь представим, что отсутствует определённость пространства. В первом понимании отсутствия определённости доказательство небытия шара состоит в том, что место существования (бытия) шара стянуто в бесконечно малую точку. Это означает, что нет ни одной точки пространства, в которой мог бы существовать шар. Рассмотрим второй способ лишения определённости. Если ранее шар существовал (бытие) в определённом, конкретном месте пространства и отсутствовал во всех остальных местах пространства, то теперь шар существует (бытие) во всех точках пространства, то есть он заполняет собою все бесконечное пространство. Но тогда шар и есть это пространство, то есть шар, став пространством, перестал бы быть шаром, то есть перешёл бы в небытие.

То же самое мы имеем и в примере с собственностью. В первом случае исчезновение определённости собственности в отношении шара означает отсутствие человека, который бы имел в своей собственности этот шар. Во втором значении лишение оп-

ределённости собственности означает, что этот шар является собственностью каждого человека, причем, собственностью не потенциальной, а именно актуальной, когда каждый человек актуально владеет данным шаром. Представить это не так просто, но ведь это лишь мысленный, а не реальный эксперимент. В этом случае шар становится неотъемлемой частью человека, подобно тому, как он имеет руки, ноги, то есть шар перестаёт быть (небытие) шаром, превращаясь в часть человеческого организма.

Определённости, о которых здесь идёт речь, есть определённости того сущего, бытие которого мы и исследуем. Поэтому связь бытия с определённостями сущего означает связь бытия с этим сущим, то есть невозможно абстрагирование бытия от сущего. Наиболее убедительная точка зрения о возможности такого абстрагирования как чистого бытия принадлежит Г. В. Ф. Гегелю, который чистое бытие понимает как неопределённость: «Бытие есть чистая неопределённость и пустота»[1]. Однако Г. В. Ф. Гегель поступает здесь не совсем корректно. Дело в том, что Г. В. Ф. Гегель, рассуждая о бытии, обозначил предмет своего размышления не новым термином, а — таким термином, который имеет многовековую философскую традицию, и не только философскую, но и повседневную. Поэтому, слыша о бытии, наше сознание наполняется некоторым предсодержанием, которое уже есть некоторая определённость. Но Г. В. Ф. Гегель, ничего не говоря об этом предсодержании, утверждает, что бытие есть неопределённость. И удивительно то, что этот приём срабатывает.

По-видимому, происходит это не потому, что тезис Г. В. Ф. Гегеля принимается как некая самоочевидная данность, а из-за того, что мы предполагаем, что автор (так же, как и мы), высказывая тезис о бытии как о неопределённости, тоже имеет в виду некое предсодержание о бытии, только по каким-то соображениям (может быть, из соображений очевидности) автор не упоминает это предсодержание. Можно высказать и другое предположение. В бытии, понимаемом как чистое бытие, действительно содержится некоторое отрицание. Ведь чистое бытие есть бытие, взятое в своей предельной абстракции. Абстракция как результат

[1] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 140.

соответствующей логической операции есть отвлечение от конкретного, то есть — отрицание конкретного.

Но путь от конкретного к абстрактному — это не путь «абсолютного Духа». Его путь — это путь от абстрактного к конкретному, то есть от чистого бытия к наличному бытию. Более того, «абсолютный Дух» обретает определённость, только пройдя этапы своего воплощения сначала в природе, а затем в человеке. Таким образом, до своего нисхождения в природу «абсолютный Дух» есть чистая неопределённость, а чистое бытие и есть его первое воплощение. Поэтому оно никак не может, согласно Г. В. Ф. Гегелю, быть хоть в какой-то мере определённостью.

Почему же Г. В. Ф. Гегель исходит из полной неопределённости «абсолютного Духа»? Для того чтобы ответить на этот вопрос, допустим противоположное, то есть то, что «абсолютный Дух» имеет определённость. Но тогда возникает ряд проблем. Во-первых, если уж и допускать присутствие определённости в «абсолютном Духе», то, в силу его бесконечных характеристик, мы должны допустить не какие-то начальные, несовершенные определённости, которые требуют какого-то развития, а именно завершённые, совершенные определённости. Но, во-вторых, такая концепция уже имела место в философии, и изложена она в платоновском «Тимее», где роль «абсолютного Духа» играл образец. В-третьих, если «абсолютный Дух» уже определён, то зачем ему осуществлять нисхождение в природу и далее, ибо в конце этого пути, максимум, на который он может рассчитывать, это — определённости, которые в нём уже содержатся.

Единственный способ этого не допустить — это исходить из полной неопределённости «абсолютного Духа», воплощенного в первом гегелевском тезисе о полной неопределённости чистого бытия. Вот в чём причина этого тезиса, который находится в полном противоречии, как с онтологией, так и с опытом человеческого мышления. Есть и другая возможность. Нужно отказаться вообще от понятия «абсолютный Дух», а миру предоставить развиваться самому по себе, обретая одну определённость за другой. Но к такому решению не был готов не только Г. В. Ф. Гегель, но, по-видимому, и вся философская мысль того времени. И. Г. Фихте и Г. В. Ф. Гегель в этом направлении заменили поня-

тие Бога соответственно на «абсолютное Я» и на «абсолютный Дух».

Из того, что чистое бытие есть неопределённость, Г. В. Ф. Гегель делает вывод, что бытие «есть на деле *ничто* и не более и не менее, как ничто»[1]. Насколько правомерен такой вывод? Если ничто — это нечто другое по сравнению с чистым бытием, то, во-первых, получается так, что чистое бытие не так уж чисто, ибо предполагает нечто иное, то есть сверх своей чистоты. Г. В. Ф. Гегель осознаёт эту проблему, поэтому неоднократно предупреждает о неправильности такого истолкования. Первое предупреждение содержится в формулировке самого тезиса: если бытие «было бы положено как отличное от некоего иного, то оно не сохранило бы свою чистоту»[2]. Но это лишь пожелание, а неустановленный факт онтологии. Второе предупреждение мы находим в антитезисе, когда он проводит «различие между нечто и ничто»[3], поэтому-то и нельзя утверждать, «что чистое бытие предполагает нечто иное». Однако это различие касается области мышления. Как же они различаются в мире?

Третье предупреждение Г. В. Ф. Гегель помещает в примечании к первой триаде: «…прежде всего речь должна идти не о форме противопоставления (между бытием и ничто — *П. К.*), т. е. одновременно и о форме *соотношения*, а об абстрактном, непосредственном отрицании, о ничто, взятом чисто само по себе, о безотносительном отрицании, — что, если угодно, можно было бы выразить также и простым *не*»[4]. Этот аргумент проходит лишь в том случае, если будет истинным то, что отрицание в области абстракции не есть противопоставление, которое одновременно и есть соотношение. Ведь Г. В. Ф. Гегель и чистое бытие понимает как бытие, лишённое предмета бытия, и чистое ничто — как ничто, лишённое своего предмета.

Более точно следует говорить не об абстрактности вообще, а об уровне абстрактности. Одно дело, когда имеется в виду бытие и небытие конкретных предметов. Другое дело, когда имеется в

---

[1] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. Т. 1. С. 140.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 141.

виду бытие и небытие сущего (нечто). Третье, когда имеется в виду чистое бытие и чистое небытие. Четвёртое, когда имеется в виду сторона сущего, которая есть абстракция от чистого бытия и чистого ничто. О какой абстракции говорит Г. В. Ф. Гегель? Если это последний уровень абстрактности, то там действительно чистое бытие не предполагает чистого ничто, но только лишь потому, что его там нет, так как они оба представлены в одном (стороне сущего). Если это предпоследний уровень, то именно его, по-видимому, и имеет в виду Г. В. Ф. Гегель. Здесь чистое бытие и чистое ничто, как разные (другой аспект истины в том, что «она состоит в том, что *они* (бытие и ничто — *П. К.*) *не одно и то же*, что они *абсолютно различны*»[1]) стороны сущего, отрицают друг друга. Но почему именно на этом уровне абстрактности отрицание не означает предполагание одного другим, философ умалчивает.

На наш взгляд, это не следует ни из онтологии, ни из формальной логики, ни из диалектики. Более того, как раз диалектика и берёт в качестве своего исходного постулата положение о том, что противоречивость и есть соотношение, о чём также говорит Г. В. Ф. Гегель. Но совершенно не ясно, почему отрицание не есть соотношение. Ведь отрицание в своем элементарном смысле есть всегда отрицание одного и предполагание другого. Иного смысла у отрицания просто нет.

Продолжим наше рассмотрение вывода Г. В. Ф. Гегеля о том, что бытие есть ничто. Из полной онтологической неопределённости никак не следует какое-либо ограничение, а ведь следование одного из другого это и есть предполагание своей ограниченности, то есть границы, но ведь полная неопределённость не может быть ограничена по своему смыслу.

В своем выводе ничто из чистого бытия, по-видимому, Г. В. Ф. Гегель исходит из весьма шатких формальных оснований: и неопределённость, и ничто содержат в себе отрицание. Но это отрицание лежит не в области логики, а в области языка. Поэтому неопределённость и ничто — это синонимы, а стало быть, никакого вывода ничто из чистого бытия нет, а есть просто иная формулировка исходного положения о неопределённости чисто-

[1] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. Т. 1. С. 140.

го бытия. Г. В. Ф. Гегель совершенно не случайно отказался от термина «небытие», о чем он специально упомянул, указав причину такого отказа, которая состоит в том, что «в *небытии* содержится соотношение с *бытием*»[1], а это нарушит чистоту бытия.

Далее. Антитезис первой триады посвящён ничто, которое у него так же, как и бытие, есть неопределённость: «*Ничто*, *чистое ничто*; оно простое равенство с самим собой, совершенная пустота, отсутствие определений и содержания; неразличённость в самом себе»[2]. Мы уже отмечали явное логическое противоречие (и диалектика здесь совсем не причём, ибо до вступления в свои права диалектическому противоречию предшествует чёткая формулировка самих противоречащих сторон) этого положения. В самом деле, если бытие и ничто находятся в отношении противоречия («каждое из них (бытие и ничто — *П. К.*) непосредственно исчезает *в своей противоположности*»[3]), то предикаты одного должны отрицаться предикатами другого, то есть, если бытие — неопределённость, то ничто должно быть определённостью. С точки зрения онтологического содержания, антитезис вполне соответствует одной из сторон мира, а именно фиксирует в понятии ничто наличие в мире неопределённости.

Если в тезисе Г. В. Ф. Гегель показывает, что ничто возникает из бытия, как следствие того, что бытие есть неопределённость, то в антитезисе также следовало бы ожидать, что бытие будет возникать из чего-то онтологического ничто. Однако, утверждая это следование, философ оперирует к нашему опыту мышления. Оказывается, что ничто бытийствует не в мире, а лишь в нашем сознании, то есть ничто есть лишь только потому, что оно есть в нашем сознании. Более того, это же имеет место и относительно бытия: «оно (ничто — *П. К.*) есть то же пустое созерцание и мышление, что и чистое бытие»[4]. При этом важно то, что философ здесь имеет в виду не мышление «абсолютного Духа», а именно человеческое мышление. Оперирование к мышле-

---

[1] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. Т. 1. С. 141.
[2] Там же. С. 140.
[3] Там же. С. 140 – 141.
[4] Там же. С. 140.

нию, о котором у Г. В. Ф. Гегеля речь пойдёт лишь в конце «Науки логики», не вполне корректно. Если процесс мышления является некоторым аргументом в онтологии, то само мышление должно сначала получить соответствующий онтологический статус, как, например, это присутствует у Р. Декарта, И. Канта и И. Г. Фихте. Поиск онтологического статуса бытия у Г. В. Ф. Гегеля требует специальных оговорок.

Таким образом, у Г. В. Ф. Гегеля не получилось противоречия между бытием и ничто ни в онтологическом, ни в логическом аспекте, ибо одно и то же, а именно неопределённость, было названо им двумя различными словами: бытие и ничто. Для того чтобы в этом ещё раз убедиться, достаточно сравнить содержание тезиса и антитезиса без упоминания терминов «бытие» и «ничто». Если бы Г. В. Ф. Гегель вместо них использовал какие-то придуманные им термины, совершенно неизвестные остальным, то он вряд ли смог бы объяснить, в чём же момент различия тезиса и антитезиса. А ведь замена термина не должна столь существенно повлиять на содержание высказываемого положения.

Поэтому успех Г. В. Ф. Гегеля был обеспечен не тем содержанием, которым он стремился наполнить прежние категории «бытия» и «ничто», а присутствием в них некоторого предсодержания, а также теми совпадениями, которые у него имелись с этим предсодержанием. Последнее имеет особенное место в отношении синтеза бытия и ничто в становлении. Проанализируем этот синтез, но не с учётом гегелевского понимания бытия и ничто, а с учетом предсодержания этих терминов. В этом случае становление уже не есть синтез двух неопределённостей, а есть синтез бытия как определённости и ничто как неопределённости. А это уже, действительно, — диалектическое противоречие.

Итак, рассмотрение конкретных фактов бытия и опыт гегелевской онтологии показывает невозможность отрыва (абстрагирования) бытия от сущего, а значит, невозможность отрыва бытия от его определённостей, которые выступают необходимым условием бытия сущего.

Пока мы выяснили лишь один аспект связи бытия с определённостью сущего. Второй аспект состоит в том, что бытие само есть некоторая определённость сущего. Поэтому, лишая сущее

всех определённостей, мы неизбежно лишили бы его и такой определённости как бытие. Для того, чтобы осветить этот аспект бытия с определённостью следует обратиться к самой определённости. Определённость реализуется в соотношении, к рассмотрению которого мы и обратимся в следующем параграфе. И лишь после изложения содержания соотношения вновь вернёмся к проблеме бытия-небытия.

Глава 2
Соотношение

Изложение понимания отношения как в логике, так и в философии показывает[1], что само по себе отношение (**R**) не исследуется отдельно, как минимум в таком рассмотрении принимает участие то, между чем это отношение устанавливается. По нашему мнению, это убедительно свидетельствует в пользу того, что говоря об отношении, мы всегда должны иметь в виду всю конструкцию

aRb. (1)

Это обстоятельство является достаточным основанием для закрепления в философии данной конструкции в форме специального понятия. За счёт того, что в это понятие должны входить наряду с **R** элементы **a** и **b**, это понятие может быть названо предельно элементарной структурой, поскольку понятие структуры включает в себя как элементы, так и отношения между ними.

Однако обозначение понятия двумя и более словами несколько нарушает уже сложившуюся философскую традицию в обозначении, по крайней мере, фундаментальных понятий одним словом. Для продолжения этой традиции следует использовать одно слово, в выборе которого можно обратиться к языку обыденной речи, что собственно и происходило со всеми фундаментальными философскими понятиями. Однако проходили века, прежде чем введённый таким образом философский термин становился общепринятым. В начале же такого становления новый термин вызывал обоснованную настороженность, преодолению которой, как правило, способствовал авторитет философа, вводившего данный термин. То же самое замечание относится к обозначению философских понятий придуманными словами. От введения принципиально нового слова мы отказались и по той

[1] Историю вопроса об отношении см.: *Колычев П. М.* Категория соотношения. СПб, 2006.

причине, что с его использованием должны значительно снизиться ассоциативная отсылка к термину «отношение». Кроме этого, введение принципиально нового слова нарушит преемственность, которая, несомненно, присутствует на уровне содержания между тем, что обозначено как «отношение», и тем, что представляет собой вся конструкция **aRb**.

Учитывая это, мы решили использовать термин «соотношение» для обозначения всей конструкции **aRb**. К преимуществу такого обозначения следует отнести: во-первых, сохранение созвучности между терминами «отношение» и «соотношение», что отражает преемственность их содержания; во-вторых, мы предполагаем, что авторитетность «отношения» как **R** перейдёт на «соотношение» как **aRb**; в-третьих, мы не вводим термин с совершенно новым содержанием, а лишь расширяем, полностью сохраняя старое содержание термина «отношение», что опять же свидетельствует о преемственности философской традиции развития понятий. Таким образом, философия преимущественно имеет дело с соотношением, понимаемым как вся конструкция с участием **a, b, R**. Содержательное раскрытие понятия соотношения наиболее эффективно через указание его структуры.

Первые элементы соотношения обнаруживаются из простого сравнения таких соотношений, как:

6 больше 4,
Марс больше Меркурия,
роман больше рассказа;

из которых видно, что отличаются они лишь тем, что в первое соотношение входят «6» и «4», во второе — «Марс» и «Меркурий», в третье — «роман» и «рассказ». Основанием этого различия, то есть тем общим, что присуще всем им, является то, что все они есть различные сущие. Стало быть, сущее входит в структуру соотношения в качестве отдельного элемента, который обозначается термином «носитель соотношения». По своему характеру носителями соотношения может быть все, что угодно, то есть сущее. В сфере научного знания, например, в классической механике носителями соотношения являются состояния материальной точки, в химии — это химические вещества, в биологии

— это живые организмы или их останки, в психологии и экономике — люди.

Сколько же носителей входит в соотношение? Относительно верхнего предела общепринятой является точка зрения, согласно которой наряду с двучленными соотношениями существуют трехчленные, четырехчленные, пятичленные и так далее, до бесконечности, где соотношения образованы одновременно тремя, четырьмя, пятью и так далее носителями. Одной из центральных проблем при рассмотрении многочленного соотношения (когда носителей больше двух) является проблема разложения его на совокупность двучленных соотношений. Если такое разложение существует для любого многочленного соотношения, то, учитывая, что носители, как в двучленном соотношении, входят в многочленное соотношение, последнее, по существу, представляет собой систему. Ибо, по распространенному определению, система, являясь определенной целостностью, есть совокупность элементов, находящихся в соотношениях и связях друг с другом. Если же существуют такие многочленные соотношения, которые неразложимы на двучленные, то они (многочленные соотношения) отличны от системы и представляют собой самостоятельную тему исследования. Думается, что теория двучленных соотношений может послужить хорошим примером, основой для разработки теории многочленного соотношения. Оставляя открытым вопрос о разложении многочленного соотношения, в данной работе будут рассмотрены только двучленные или, как их еще называют, бинарные соотношения.

Что же касается нижнего предела количества носителей в соотношениях, то здесь необходимо выяснить: реализуются ли соотношения на базе одного носителя? Поскольку носитель соотношения в данном случае один, то такое соотношение всегда есть соотношение самоотнесённости. В строго формальном смысле самоотнесённость всегда есть соотношение абсолютного тождества, которое, как будет показано ниже, взятое само по себе, то есть вне соотношения отличия, как соотношение не имеет смысла. Поэтому соотношение всегда реализуется как минимум на базе двух носителей.

Из этого, в частности, следует невозможность бытия мира как некоторой целостности. Действительно, определённость, яв-

ляясь необходимым условием бытия, возможна лишь в соотношении, которое предполагает наличие двух носителей. Мир как целостность всегда есть нечто одно, ибо мир есть абсолютное ВСЁ. Стало быть, для мира нет второго сущего, с которым он образовал бы соотношение, через которое мог бы получить некоторую определённость, а значит, мог бы быть существующим. Поэтому мир как целостность не существует.

Количество носителей нередко использовалось для отличия категорий свойства и отношения, когда свойство имело одного носителя, а отношение — минимум два носителя. Интерес к критерию различия свойств и отношений по количеству носителей обусловлен их относительным характером, причем природа этой относительности затрагивает существенные моменты содержания обеих категорий. И свойство, и соотношение непосредственным образом связаны с определенностью сущих. Возможность существования свойств на базе одного носителя открывает такие же возможности и для категории соотношения.

Для выяснения данного вопроса воспользуемся положением, согласно которому наличие конкретного свойства у данного класса сущих с необходимостью влечет за собой существование таких сущих, у которых отсутствует такое свойство. В самом деле, наличие свойства означает выделенность данного сущего из множества иных сущих, при отсутствии последних исчезает выделенность, а, следовательно — само свойство. Таким образом, онтологически в реализации существования любого свойства принимает участие минимум два сущих, и в этом смысле критерий «количество носителей» не является определяющим для различия свойств и соотношений.

Однако присутствие наряду с сущим, обладающим данным свойством, иных сущих имеет ярко выраженную специфику, состоящую в том, что роль иных сущих может выполнить значительное, если не сказать неисчислимое, количество сущих. Например, если электрон обладает такой характеристикой, как спин, то можно указать огромное количество сущих, у которых отсутствует данное свойство, и, в общем-то, нет надобности упоминания этих сущих, поскольку они всегда находятся рядом. Это обстоятельство нашло свое отражение в таком правиле человеческого мышления, когда упоминается лишь то сущее, которое об-

ладает данным свойством. Таким образом, свойство лишь гносеологически существует на базе одного носителя. В этом смысле такое положение дел действительно может служить критерием различия категорий «свойство» и «соотношение». Развитый здесь подход объясняет наличие таких ситуаций, когда одно и то же онтологическое явление гносеологически может быть описано и через свойство, и через соотношение, например: «дороже» — «дорогой», «выше» — «высокий», «сильнее» — «сильный».

Бинарность соотношения порождает вопрос о равноправии или неравноправии его носителей. Существенное значение здесь имеет выявление характера данного равенства, то есть является ли оно по своей природе объективной или субъективной чертой соотношения. Решение поставленной задачи рассмотрим на примере экономического соотношения товарообмена. Предположим, что первый производитель изготовил товар А, а второй производитель изготовил товар В. Встретившись на рынке, они обменялись своими товарами. Как сформулирует факт обмена каждый из производителей при равных условиях? Каждый человек, как правило, осуществляет свою деятельность для достижения определенных целей. Поэтому вполне естественно допустить, что рассматриваемые нами производители обменивали изготовленные товары с целью приобретения нужных им товаров. Пусть первому производителю нужен был товар В. Значит его внимание направлено, прежде всего, на товар В, а не на свой товар. Поэтому естественно предположить, что факт обмена он выразит так: «Я приобрел товар В в обмен на свой товар А». При тех же условиях, за исключением того, что второму товаропроизводителю необходим был товар А, он зафиксирует факт обмена в выражении: «Я приобрел товар А в обмен на свой товар В», то есть на первое место он также поставит тот товар, на который направлено его сознание. Анализ экономического соотношения товарообмена со всей очевидностью показывает, что неравенство носителей соотношения носит чисто гносеологический, а не онтологический характер.

Неравенство носителей соотношения зависит от того, на какой именно носитель соотношения направлено наше сознание. Если основное внимание акцентируется на **a**, то мы говорим: «**a R b**», если — на **b**, то говорим: «**b R a**». Такое положение связано

с тем, что мысль реализуется через упорядоченный набор знаков, причем порядок играет здесь существенную роль. Так, любое музыкальное сочинение как одна из форм мысли — это упорядоченный набор звуков; произведение изобразительного искусства — это упорядоченный набор цветов. В языковой форме мысль представлена через упорядоченность букв, слов и так далее. Эта особенность грамматики, как старшей родственницы логики, распространилась и на саму логику, где каждый элемент суждения имеет свое строго определенное место. Из логики это положение перешло в философию в качестве идеи неравенства носителей всякого соотношения.

Гносеологическое различие соотношений «**a** к **b**» и «**b** к **a**» обусловлено еще и тем обстоятельством, что заключенное в них **R** имеет противоположный характер. Например, «**a** больше **b**» отличается от «**b** меньше **a**» не только тем, что в первом соотношении **a** стоит на первом месте, **b** — на втором, и, наоборот, во втором соотношении, но и тем, что в первом соотношении имеется «больше», а во втором соотношении — «меньше». Однако онтологически совместная определенность будет всегда одной и той же, если будут неизменны сущие, вступающие в данное соотношение. Не вызывает сомнений справедливость обратного утверждения: изменение совместной определенности будет реализовано лишь в случае изменения либо обоих сущих, либо одного из них. С этих позиций очевидно, что перейдя от соотношения «**a** больше **b**» к отношению «**b** меньше **a**», как определенность **a**, так и определенность **b** объективно никаких изменений не претерпели. Стало быть, осталась неизменной и их совместная объективная определенность, различен только способ этой определенности.

Следующий структурный элемент соотношения обнаруживается при сравнении таких соотношений, как:

у Ивана возраст меньше, чем возраст у Николая;
у Ивана силы меньше, чем силы у Николая;
у Ивана рост меньше, чем рост у Николая.

Эти соотношения отличаются только тем, что в первом из них непосредственное участие в соотношении принимает «возраст»

носителей соотношения, во втором — их «сила», в третьем — «рост». «Возраст», «сила», «рост» — все это различные свойства. Свойство носителя соотношения, которое принимает непосредственное участие в данном соотношении, является его составной частью, которую обозначим основой соотношения. Абстрактное выражение для соотношений (1) не учитывает присутствия в соотношении основы, поэтому оно требует соответствующей детализации, что можно представить следующим образом:

$$\mathbf{a(c)\ R\ в(c)}, \qquad (2)$$

где **c** — основа соотношения.

Необходимость основы соотношения обусловлена тем, что при его отсутствии вообще неопределено, какой из носителей соотношения — «больше», а какой — «меньше» или же они «равны». Действительно, если в соотношении с носителями «вода» и «лед» непосредственное участие принимает их «удельный вес», то

удельный вес льда меньше удельного веса воды,

если непосредственное участие принимает их «молекулярный состав», то

молекулярный состав льда равен
молекулярному составу воды,

если основой соотношения будет «вязкость» его носителей, то

вязкость льда будет больше вязкости воды.

Таким образом, если в соотношение не входит его основа, то в силу неопределенности исчезает само это соотношение.

В сфере научного знания основа соотношения, как правило, совпадает со свойствами исследуемых объектов. Так, если в классической механике носителями соотношения были состояния материальной точки, то в качестве основы будут выступать такие физические величины, как пространственные и временные параметры: скорость, масса, импульс, ускорение, сила, энергия.

В химических соотношениях, где носителями выступают химические вещества, основой могут являться: количество вещества, масса, электроактивность, молекулярный состав. Поскольку химия имеет своим предшественником физику, то естественно, что среди свойств химических веществ встречаются физические величины, например: масса, электрический заряд ядер химических элементов, входящих в состав вещества. В неорганической химии широко распространены соотношения с основой физической природы. Здесь встречается, например, такой раздел, как «Количественные соотношения масс веществ в реакциях» и даже один из основных законов химии также касается соотношений с подобной основой, имеется в виду закон кратных соотношений. Однако эти соотношения выражают скорее физическую, нежели химическую сущность веществ. Одним из чисто химических свойств вещества является его молекулярный состав.

Биологические соотношения реализуются на различных свойствах живых организмов, являющихся носителями таких соотношений, в частности, на основе строения отдельно взятых органов, например, строение передней конечности парнокопытных. Роль основы в психологических соотношениях, где носителями выступают люди, выполняют такие их свойства как: ощущение, восприятие, память, воображение, мышление, речь, внимание, эмоции, воля, способность, темперамент, характер. Если при рассмотрении производственных соотношений в качестве носителей взять социальные группы, то основой будет их соотношение к собственности, функциональная роль в процессе производства и так далее.

Выделение основы как структурного элемента самого соотношения порождает проблему о двойном включении свойства-основы в содержание соотношения. Суть проблемы состоит в том, что первое включение осуществляется за счет выделения носителя соотношения в качестве структурного элемента данного соотношения, так как свойство-основа входит в содержание понятия носителя соотношения. Второе включение осуществляется за счет выделения уже собственно самого свойства-основы как самостоятельного элемента, наряду с такими элементами, как носители соотношения.

Введя понятие носителя соотношения, по существу выделяем

в содержании одной философской категории соотношения другую философскую категорию — сущее. Поэтому необходимо подробнее остановиться на характере «включения» одной философской категории в содержание другой. Ясно, что, включаясь в определение какой-либо категории, другая входит в это определение не как таковая, во всей своей целостности и полноте, а только какими-то частями, отдельными сторонами, причем происходит переоценка главного и неглавного, существенного и несущественного во включенной категории. Одним словом, она «деформируется», входя в определение другой категории, и в этом своем новом качестве становится составной частью содержания определяемой категории, где включаемая категория, в свою очередь, получает определение, уже отличное от того, которое она имеет при самостоятельном рассмотрении.

Учитывая вышеизложенное положение, наиболее эффективным решением проблемы двойного включения свойства-основы в содержание соотношения является изменение содержания носителя соотношения. Предлагаемое здесь изменение состоит в отделении свойства-основы от содержания понятия «носитель соотношения». Таким образом, носителем соотношения является то, что осталось от сущего, участвующего в соотношении, после вычленения из него свойства-основы. В таком виде содержание носителя соотношения существенно отличается от содержания понятия сущего. Образно выражаясь, носитель соотношения — это «неполноценное» сущее.

В связи со сказанным следует уточнить приведенные ранее примеры, иллюстрирующие понятия носителя соотношения. Так, если в качестве основы соотношения между состояниями материальной точки взять пространственные ее характеристики, то в качестве носителей такого соотношения будут выступать все остальные ее физические параметры, например, масса. Аналогичная ситуация имеет место и в соотношениях химических веществ, где, определяя их молекулярный состав как основу соотношения, в понятие носителя входят все остальные свойства химических веществ, например, электроактивность. Более наглядно подобное уточнение выступает в соотношениях биологических организмов. Если в качестве основы такого соотношения выступает строение отдельного органа, то остальная часть организма

входит в понятие носителя соотношения. В психологических и социальных соотношениях в понятие носителя включен человек с точки зрения своих физико-химических и биологических качеств. Содержательное разделение понятий носителя и основы соотношения оправдывается еще и тем, что четче обнаруживается непосредственный характер участия в соотношении его основы, нежели его носителей.

Если носителей соотношения представить как совокупность свойств, то выделение основы соотношения означает разграничение всех свойств сущего, участвующего в соотношении, на свойства, непосредственно участвующие в соотношении, и свойства, опосредованно участвующие в данном соотношении. При этом такое разграничение может сопровождаться разграничением свойств как по вертикали, когда опосредованно участвующие свойства являются более глубинными, определяющими для непосредственных свойств, так и по горизонтали, когда среди свойств носителя могут оказаться свойства однопорядковые, одного уровня со свойством основы соотношения.

Рассмотрение отдельно взятого свойства является обычным методом научного познания, чего нельзя сказать о той части, которая остается от сущего после вычленения из него данного свойства. Поэтому оперирование таким понятием, как носитель соотношения, встречает ряд логико-теоретических трудностей. Учитывая новое содержание носителя соотношения, неправомерным становится, например, такое выражение: «свойство носителя соотношения», если речь идет о свойстве-основе соотношения. Правильным оно выглядит так: «свойство, которое вместе с носителем образует сущее, принимающее участие в данном соотношении». Такие конструкции неудобны из-за своей громоздкости, поэтому в данной работе использованы обычные выражения первого типа с учетом их некоторой логической неточности.

Выделение структурных элементов внутри соотношения не следует отождествлять с их самостоятельным существованием вне соотношения. Так, основа соотношения как свойство может существовать не только в сущих, участвующих в данном соотношении, но и в других сущих, то есть имеет некоторую независимость от данного соотношения, в то время как самостоятельное существование носителя соотношения во многом зависит от

того, существенным или несущественным является свойсво-основа, ибо реальное, а не виртуальное отделение существенного свойства от сущего означает ее гибель.

Следующий структурный элемент соотношения выявляется при анализе, в частности, таких физико-химических соотношений, как:

масса атома кислорода меньше массы атома урана,
масса атома железа больше массы атома водорода,
масса электрона равна массе позитрона,
масса протона не равна массе нейтрона.

То, что в первом соотношении речь идет о кислороде и уране, а во втором соотношении — о железе и водороде и так далее, было зафиксировано в носителе соотношения. Свойство, принимающее непосредственное участие во всех соотношениях, то есть масса, составляет основу этих соотношений. Но приведенные соотношения отличаются еще и тем, что обозначено как «больше», «меньше», «равно», «не равно». Это и тому подобное представляет собой самостоятельный структурный элемент соотношения, который уже обозначен в конструкциях (1) и (2) как **R** и носит название результат соотношения.

Если носители соотношения и его основа, кроме того, что они являются структурными элементами соотношения, в некоторых случаях могут иметь еще и самостоятельное значение как сущее и, соответственно, как свойство, то есть вступают в соотношение как нечто сформировавшееся, то результат соотношения является непосредственным порождением соотношения, выражает его специфику и в этом смысле является сутью соотношения. Однако, несмотря на всю свою значимость, результат соотношения, взятый в отрыве от носителей и основы, не способен отразить всего соотношения, и без последних он, как и все соотношение в целом, исчезает.

Эмпирическое понимание результата соотношения, зафиксированное в его остенсивном определении, еще не означает однозначности его теоретического осмысления. В философии представлены разнообразные точки зрения на понимание результата

соотношения[1]. В настоящем исследовании поддержана такая точка зрения, в которой отражено понимание результата соотношения как определенности.

Многие исследователи, поддерживая подобную точку зрения, не раскрывают процесса формирования определенности в отдельно взятом соотношении. Думается, что существенное значение в выявлении онтологического содержания указанного процесса имеет анализ конкретно-научного материала. Обратившись к физике, рассмотрим прямолинейное движение материальной точки. Поскольку объектом исследования данной задачи является не собственно материальная точка, а ее движение, то целесообразно рассматривать такие соотношения, в которых носителями будут состояния материальной точки. Пусть основой соотношения состояний материальной точки будет их пространственная характеристика.

Положение материальной точки задается векторами, где $\mathbf{r}_в$ — вектор, который задает состояние материальной точки в начале движения; $\mathbf{r}_а$ — вектор, который задает состояние материальной точки в конце этого движения. Так как движение прямолинейно, то оба вектора лежат на одной прямой. В классической механике как первый, так и второй вектор задаются относительно общей точки отсчета (на рис. 1 она обозначена как «**0**»), то есть через соотношение каждого из состояний материальной точки с точкой отсчета. Следовательно, имеют место три соотношения со следующими парами носителей: точка отсчета и начальное состояние материальной точки; точка отсчета и конечное состояние материальной точки; начальное и конечное состояния материальной точки. Это обстоятельство противоречит ранее поставленным условиям, а именно: проанализировать процесс формирования определенности в отдельно взятом соотношении. Для выполнения данного условия необходимо извлечь точку отсчета, то есть начало векторов удалить в бесконечность, лишив их тем самым определенности, связанной с точкой отсчета. В такой ситуации

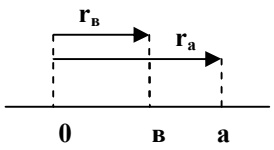


Рис. 1

[1] См.: *Колычев П. М.* Категория соотношения. СПб, 2006.

единственной определенностью положения материальных точек в пространстве является расстояние между ними, которое показывает отличие одного полубесконечного вектора от другого, то есть имеет место соотношение:

$$\mathbf{r_а} \text{ на } \mathbf{R} \text{ больше } \mathbf{r_в},$$

или же

$$\mathbf{r_{ав}} = \mathbf{r_а} - \mathbf{r_в},$$

где результат данного соотношения **R** как-то связан с $\mathbf{r_{ав}}$. Именно через результат соотношения первый и второй носители получают свою первую определенность.

Однако более тщательный анализ показывает, что соотношение в прямолинейном движении материальной точки не укладывается в рамки понятий: носитель соотношения, основа и результат соотношения. В самом деле, какому из этих понятий соответствует $\mathbf{r_а}$ и $\mathbf{r_в}$. Ясно, что они не могут входить в содержание результата соотношения, так как он связан только с пройденным расстоянием, то есть $\mathbf{r_{ав}}$. Не могут они быть и составной частью содержания носителя соотношения, ибо они принимают непосредственное участие в соотношении, в то время как в понятии носителя соотношения собрано всё то, что непосредственно в соотношении не участвует. Не могут они входить и в основу соотношения, ибо в силу условия $\mathbf{r_а} \neq \mathbf{r_в}$, они не являются тем, что обще обоим участникам соотношения.

Данное обстоятельство следует расценивать либо как специфику рассматриваемого соотношения, либо как недостаток философского содержания соотношения. В первом случае философское содержание соотношения остается прежним, во втором — оно требует уточнения. Рассмотренное физическое соотношение протяженности мало чем отличается от значительного класса других физических соотношений. Например, такую структуру можно обнаружить во временных соотношениях, соотношениях массы, электрического заряда и целого ряда других соотношений, что говорит об устойчивости обнаруженного признака для многих физических соотношений. Однако этого еще явно недостаточно для признания универсальности нового элемента соотношения, так как в своем рассмотрении мы не вышли за рамки

физической науки.

Рассмотрим роль результата соотношения при формировании определенности химических веществ. Ранее уже было сказано, что одним из «чисто» химических свойств является состав химических веществ. Выявление определенности состава входит в предмет одной из химических наук — аналитической химии, которая имеет в своем арсенале весьма широкий набор методов определения состава химических веществ. Среди этих методов есть физические методы, например, спектральный анализ, и химические, которые основаны на применении химических реакций. Именно химическая реакция составляет суть химического способа формирования определенности состава вещества. Существенную роль при этом играют реакции разложения и соединения. Историческое значение первого типа реакций как раз и состоит в обнаружении веществ, состав которых далее неразложим.

Предположим, что в результате реакции разложения вещества **A** образовалось два новых вещества **B** и **P**, то есть:

$$\mathbf{A} \rightarrow \mathbf{B} + \mathbf{P}, \qquad (3)$$

например,

$$\mathbf{2H_2O = 2H_2 + O_2}.$$

Основа соотношения уже была задана нами ранее — это состав веществ. Если реакцию (3) рассматривать изолировано от остальных химических реакций, исторически это можно интерпретировать как первую химическую реакцию, то вещества **A** и **B** до вступления в реакцию (3) не имеют определённости своего состава. Свою определенность состава **A** и **B** получают через соотношение путем участия в реакции (3). Существенную роль при этом играет результат соотношения. Нетрудно догадаться, что результат соотношения связан с веществом **P**, которое так же, как и **A,** и **B** имеет какой-то (неопределенный) состав.

На примере химического соотношения отчётливо видно, что то (**P**), с чем непосредственно связан результат соотношения **R** есть самостоятельное сущее. Выясним, с чем именно связан результат соотношения в этом сущем. В приведённых здесь физическом и химическом примерах соотношения демонстрировались через посредство процесса. В первом случае это был процесс

движения материальной точки, а во втором — процесс разложения химического вещества. Однако важно отметить, что следует разделять категории соотношения и процесса, ибо каждая из них описывает специфический фрагмент сущего. Если для процесса существенным признаком является динамика, то для соотношения этот признак несущественен. Действительно, в любом из приведённых выше конкретных соотношений никакой процесс не имеется в виду, например, в соотношении «масса атома кислорода меньше массы атома урана» не предполагается какая-либо динамика. Другое дело, что процесс, по-видимому, лежит в основе каждого соотношения. Однако «лежать в основе» соотношения и «быть» этим соотношением это — разные аспекты сущего. То, что процесс лежит в основе соотношения означает, что оно выражает лишь конечный результат процесса. Здесь соотношение выражает статическую сторону процесса, которая, хотя и присутствует в нём, но не является его существенным признаком.

Когда мы говорили, что $\mathbf{r}_{\text{ав}}$ в физическом соотношении и **P** в химическом соотношении связаны с результатом соотношения, то это означало, что $\mathbf{r}_{\text{ав}}$ и **P** являются основой для результата соотношения. Как элементы процесса $\mathbf{r}_{\text{ав}}$ и **P** обладают тем же статусом, что и сущие участники этого процесса, то есть они также есть сущие. Но как элементы соотношения и $\mathbf{r}_{\text{ав}}$, и **P** есть части соответствующих сущих, вступающих в соотношение. Так и в $\mathbf{r}_{\text{ав}}$, и в **P** присутствует то, что ранее было отнесено к понятию носитель соотношения, стало быть, эта компонента $\mathbf{r}_{\text{ав}}$ и **P** не может иметь отношение к результату соответствующих соотношений. $\mathbf{r}_{\text{ав}}$ и **P** имеют свойство, которое было общим для обоих сущих, вступающих в соотношение, то есть основа соотношения, следовательно, и она не может быть отнесено к результату соотношения. Однако именно рассмотрение основы соотношения приближает нас к искомой цели. Дело в том, что ранее мы определяли основу, как свойство общее обоим сущим, участвующим в соотношении. Однако кроме момента общности в этом свойстве присутствует ещё кое-что, ибо одно и то же свойство может быть присуще обоим сущим неодинаковым образом. Например, в соотношении протяжённостей то, что оба сущие обладают этой протяжённостью, зафиксировано в понятии основа соотношения,

а то, что у одного сущего эта протяжённость больше, чем у другого, к основе соотношения не относится, ибо по определению к ней относится только момент общности сущих. Именно эта неодинаковость сущих по данной основе соотношения и фиксируется в понятии «результат соотношения». Мы как бы расщепили свойство на два момента: на момент общности обоим сущим, и этот момент представлен в содержании основы соотношения; момент отличия обоих сущих, который представлен в понятии результата соотношения.

Обратимся теперь к соотношениям в биологии. К вопросам определенности в биологии наиболее близки такие её отрасли, как сравнительная эмбриология, сравнительная анатомия животных. Сравнительный метод, наряду с генетическим методом, является основным методом познания в эволюционной теории.

Сравнительный метод используется при построении, так называемых, сравнительно-анатомических рядов. Например, для сравнения непарнокопытных: от тапиров к носорогам и от носорогов к лошадям, сравнительно-анатомичекий ряд показывает уменьшение числа пальцев передней конечности от четырех (у обитателей влажных тропических лесов — тапиров) до трех (у жителей саванных лесов — носорогов) и до одного (у обитателей степей и саван — лошадей). Здесь живые организмы, например: тапир и носорог (носители соотношения), получают определенность строения передней конечности (основа соотношения) через отличие этого строения, выразившееся в наличии дополнительного пальца (результата соотношения) у тапира и его отсутствии у носорога. В общем же случае, с достаточной долей уверенности, можно утверждать, что результатом в биологических соотношениях, то есть соотношениях, с помощью которых определяются (выделяются) организмы, являются специфические биологические признаки этих организмов.

Как видим, здесь понимание результата соотношения раскрывается через отличие обоих сущих, участвующих в соотношении. Если в биологии результат соотношения строения живых организмов принимает форму специфического признака, присущего лишь одному из животных, то в химии результат соотношения состава принимает форму атомов, присутствующих в одном и отсутствующих в другом веществе, в физике результат со-

отношения протяженности реализуется через отрезок пути, соответствующий конечному состоянию материальной точки и не имеющий места для ее начального состояния. Таким образом, идея представления результата соотношения как отличие справедлива и для неживой, и для живой природы. Это обстоятельство делает актуальным рассмотрение данного положения для психического и социального уровня организации мира.

Предметом изучения одного из разделов психологии является исследование индивидуально-психологических различий между людьми, выполняющими функции носителей психологического соотношения. Ясно, что этот аспект психологии близок к проблеме определенности. Рассмотрим более подробно процесс формирования определенности музыкальной способности у людей. Музыкальные способности как таковые, фиксируются в понятии основа психологического соотношения. Однако то, какими именно конкретными музыкальными способностями обладает тот или иной человек, устанавливается, в частности, в таких мероприятиях, как различные музыкальные конкурсы, экзамены в учебных музыкальных заведениях или же отбор детей в группу музыкально одаренных. Так, результат прослушивания двух девочек преподаватель музыки может зафиксировать следующим образом: «Катя наделена большими музыкальными способностями, нежели Таня». Совершенно очевидно, что здесь зафиксировано психологическое соотношение, в котором Катя получила определенность своих музыкальных способностей через Таню, и, наоборот, при этом основным элементом этой определенности является то, что выражено как «большими», что является результатом данного соотношения, суть которого в отличии музыкальных способностей двух девочек.

Из самого смысла психологического соотношения должно быть ясно, что результат соотношения представляет собой индивидуальные особенности человека, в нашем случае — это индивидуальные особенности музыкальных способностей. Причем в бинарном изолированном соотношении эти индивидуальные особенности, взятые как бы по абсолютной величине, индивидуализируют (определяют) как первого, так и второго участника соотношения в зависимости от знака абсолютной величины этих индивидуальных особенностей. Результат психологического со-

отношения очень похож на результат биологического соотношения. Если роль последнего выполнял биологический признак, то роль первого выполняет индивидуальная особенность. Теперь становится понятно, что система результатов психологических соотношений представляет собой не что иное, как индивидуальность.

В социальной области обратимся к соотношениям между отдельными политическими деятелями, например, между двумя кандидатами (носителей соотношения) при выборах на один и тот же пост в определенный орган государственного управления. Одна из сторон предвыборной кампании как раз и состоит в формировании определенности политической деятельности (основа соотношения), которая предусмотрена функциями соответствующего государственного органа. Эти функции едины для обоих кандидатов, то есть выполняется положение об общности основы соотношения для обоих носителей. Однако каждый из кандидатов по-разному видит выполнение этих функций, что находит отражение в их предвыборной программе. Решающее значение в определенности обоих кандидатов играют отличительные моменты (результат соотношения) их предвыборных программ. Именно по этим моментам избиратель решает, за кого именно ему отдать свой голос. Результат же его голосования означает не что иное, как соотношение: «один из кандидатов, по мнению избирателей, в большей степени соответствует функциям будущей должности, нежели другой кандидат».

Таким образом, результат соотношения есть отличие обоих сущих, участвующих в соотношении. В математике отличие фиксируется в такой операции как вычитание, по аналогии с этой операцией можно ввести иную, в отличии от традиционной, форму записи для соотношения:

$$\mathbf{R = a(c) - b(c)}. \quad (4)$$

Результат соотношения и есть искомая нами определённость, и через схему (4) показан способ её формирования.

Теперь обратим своё внимание на связь понятий основа соотношения и результат соотношения. Основа соотношения была введена нами двумя признаками: во-первых, основа соотношения

есть то, что принимает непосредственное участие в установлении результата соотношения; во-вторых, основа соотношения есть не всё непосредственное, что принимает участие в установлении результата соотношения, а только такое непосредственное, которое является общим для обоих сущих, вступающих в данное соотношение. Общность и непосредственность — это еще не все признаки основы соотношения. Третьим таким признаком является то, что основа соотношения является необходимым условием результата соотношения. В отношениях неравенства все три признака относятся к одному и тому же. Рассмотрим теперь эти признаки в соотношении равенства. Например:

атом кислорода равно как и атом урана имеет массу.

Это соотношение с теми же самыми сущими: атом кислорода и атом урана, что было рассмотрено нами ранее.

масса атома кислорода меньше массы атома урана

В обоих соотношениях непосредственное участие принимает масса атомов. К различию этих соотношений относится, прежде всего, то, что во втором соотношении результатом соотношения было «меньше», а в первом соотношении — «равно». Однако кроме этого, данные соотношения отличаются ещё и различной ролью, которую выполняет «масса». Если во втором соотношении масса являлась условием результата соотношения, то в первом соотношении масса есть сам этот результат, ведь содержание того, что выражено в первом соотношении можно выразить, и не используя термина «равно», например, таким образом:

атом кислорода и атом урана имеют массу.

Это, как и прежнее, соотношение выражает тот факт, что и атом кислорода, и атом урана подчинены одному и тому же гравитационному взаимодействию. Возможно ли указать для носителей такого соотношения нечто общее, и провести по этому общему сравнение, результатом чего и выступила бы «масса», то есть возможен ли тот же ход рассуждений что и для соотношений неравенства? В принципе, возможно, что такой искомой общно-

стью является взаимодействие, которое может быть не только гравитационным, но и, например, электрическим. Само же взаимодействие в данном случае может быть представлено такой одной своей стороной, как способность изменять пространственное положение свободных атомов. Гравитационное взаимодействие изменяет пространственное положение обоих атомов одним образом, а электрическое взаимодействие меняет его другим образом. Именно это различие выступает как различие между массой и электрическим зарядом. Однако в этих физических рассуждениях мы вышли за рамки исходного соотношения. В самом деле, такое свойство атомов, как электрический заряд их ядер, входит в содержание носителей рассматриваемого нами соотношения. Стало быть, мы переместили это свойство из содержания носителя соотношения в содержание основы соотношения. Такое содержание и носителей соотношения, и основы соотношения свидетельствует о том, что мы имеем дело уже с другим соотношением. В то время как изначальной позицией являлось стремление рассмотреть именно данное соотношение равенства.

Однако обращение к другому соотношению было полезно, ибо стало ясно, что равенство возможно только через неравенство. Но этот принцип мы можем использовать, не выходя за рамки рассматриваемого отношения равенства. Для этого следует обратиться к тому неравенству, которое уже имеется, то есть к тому факту, что

масса атома кислорода меньше массы атома урана.

Именно различие масс свидетельствует о присутствии некоторой общности, чем и является масса. В этом случае различие масс выступает необходимым условием равенства в соотношении:

атом кислорода равно как и атом урана имеет массу.

Оба этих соотношения есть стороны одного и того же, а поэтому следует говорить не о двух соотношениях, а об одном соотношении, но рассмотренном с различных сторон. С одной стороны, это соотношение выступает как соотношение неравенства, а с другой, обратной, стороны — как соотношение равенства, то есть

соотношение есть единство неравенства и равенства. Однако в таком подходе необходимо скорректировать такое структурное понятие как основа соотношения. Ясно, что такая коррекция должна идти за счёт исключения из содержания основы соотношения признака общности. Если же этот признак оставлять в содержании основы соотношения, то соотношение равенства и соотношение неравенства не являются видами рода соотношения.

Рассмотрим такое соотношение, в котором четко просматривается основа соотношения как общность сущих, например,

энергия атома кислорода равна энергии атома урана.

Традиционно это есть соотношение равенства. На чём же основана эта очевидность? Думаем, дело здесь в том, что мы знаем, что есть еще много свойств, по которым атом кислорода и атом урана различны. Но если мы принимаем во внимание это различие, то оно должно быть оформлено понятийно, то есть в одном из структурных понятий соотношения. Ясно, что то различие, о котором здесь идёт речь, должно быть отнесено к такому структурному понятию соотношения как носитель соотношения. Изначально носитель соотношения был определён как сущее за «вычетом» из него того, что отнесено к основе соотношения. В таком определении носителя соотношения не говорится о том, что носители соотношения должны быть различны. Более того, корректировка понятия носитель соотношения из-за включения в него момента различия просто не допустима. Ибо тогда многие случаи, когда единственное отличие между сущими есть отличие через результат данного соотношения, не могут быть причислены к соотношениям. Например,

два идентичных атома кислорода, имеющие различные пространственные положения.

С традиционной точки зрения эта ситуация также должна быть отнесена к соотношению, а именно к соотношению неравенства. Мы видим трудности в осмыслении обеих этих ситуаций с позиции единого понимания содержания понятий: носитель соотношения, основа соотношения, результат соотношения. Действи-

тельно, если мы отдаём предпочтение в статусе соотношения последнему выражению, то в чём же смысл предыдущего выражения? Поскольку это выражение есть равенство, то, согласно последней корректировке содержания понятия основы соотношения, она есть лишь одна сторона какого-то соотношения. Выясним, что представляет собой другая сторона такого соотношения.

Для этого обратим своё внимание на то, что ситуация равенства может быть использована для замены одного сущего другим сущим в каких-то других процессах. Например, ядро атома кислорода может заменить ядро атома урана, обладающего той же самой энергией в процессах бомбардировки какого-то третьего вещества, при условии безразличия, например, к размерам бомбардирующих ядер. В ситуации замены принципиально важными являются лишь два момента: первое — это то, что одно может полностью заменить другое, второе — это то, что существует, по крайней мере, два взаимозаменяемых сущих. Первый аспект обеспечивается равенством сущих, а второй может быть обеспечен только присутствием в них неравенства. Однако об этом втором моменте ничего не было сказано в выражении равенства. Выше мы говорили о том, что такое отличие может лишь подразумеваться. Теперь же мы видим, что такое равенство указывает на то, что, по крайней мере, в чем-то одном эти сущие должны быть отличны. То, что это отличие не зафиксировано терминологически, свидетельствует о незаконченности подобного рода выражений, об их несовершенстве с рассматриваемых позиций.

Таким образом, рассмотрение соотношений сущих показывает, что основа соотношения должна включать в себя три признака: 1 — основа соотношения есть то, что является общим для участвующих сущих; 2 — это есть такое общее, которое принимает непосредственное участие в установлении данного результата соотношения; 3 — основа соотношения выступает необходимым условием установления данного результата соотношения.

Признак общности сущих означает их равенство, то есть их неразличимость, неопределённость друг относительно друга. В силу первого признака всякое соотношение содержит в себе момент равенства, который выражен следующим образом:

$$c(a) = c(b).$$

Сейчас мы не рассматриваем то, что данные сущие могут иметь эту определённость в других соотношениях. Подчеркиваем, что мы рассматриваем только данное соотношение, не выходя за его рамки. И в этих рамках мы должны констатировать, что основа соотношения выражает момент неопределённости сущих, в то время как момент определённости выражен в результате соотношения. То, что рассмотрение условий реализации определённости сущих привело нас сначала к анализу соотношения, а затем – к выявлению в нём такого структурного элемента как основа соотношения, свидетельствует, что неопределённость есть необходимое условие определённости сущего.

Выделение структуры соотношения как способа ее познания должно согласовываться с тем, что соотношение должно быть сформулировано так, чтобы в нем выполнялись все необходимые условия для реализации, по крайней мере, сущностного момента соотношения, а именно: присутствие в нём отличия. Согласно этому принципу структуру соотношения необходимо расширять до тех пор, пока не будет реализовано указанное положение, реализация которого является одним из гарантов целостного характера соотношения.

Достаточно ли таких элементов соотношения как носители соотношения, основы соотношения и результата соотношения для того, чтобы имело место отличие? Поскольку в соотношении участвуют только два сущих, то этого достаточно для того, чтобы имело место граница между ними. Однако ситуация ещё не закончена, ибо наличие границы ещё не обеспечивает отличие одного сущего от другого, ибо наличие границы может означать не только их отличие, но и их равенство. Например, в ситуации двух отрезков неопределённой протяжённости, расположенных на одной прямой (рис. 2), имеет место граница между ними, однако не определено, отличаются ли эти отрезки между собой или они равны друг другу.

Рис. 2

Ситуация с определённостью может принципиально измениться при введении третьего сущего — отрезка **d**. В этом случае формально возможны следующие соотношения: $\mathbf{aR_1b}$, $\mathbf{aR_2d}$, $\mathbf{dR_3b}$. Однако не всякий способ введения

третьего сущего обеспечивает реализацию отличия. Например, в такой ситуации, которая представлена на рисунке 3, введение третьего сущего оставляет все соотношения неопределёнными, ибо в каждом из трёх возможных соотношений хотя бы одно из сущих остаётся неопределённым. Действительно, в соотношении $\mathbf{aR_1b}$ из-за неопределённости обоих сущих не определён и результат соотношения, в соотношении $\mathbf{aR_2d}$ результат соотношения не определён из-за неопределённости **a**, в соотношении $\mathbf{dR_3b}$ он не определён из-за неопределённости **b**. Возникновение определённости результата соотношения возможно лишь в ситуации, когда имеет место одно из соотношений: либо

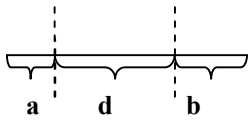


Рис. 3

a *включает* ***d*** *в отличии от* ***b***,

либо

b *включает* ***d*** *в отличии от* ***a***.

В нашем примере это возможно, например, при следующем расположении отрезков — рис. 4. В этой ситуации возможно и другое соотношение, в котором возникает отличие, а именно соотношение между **a** и **d**, ибо «*a больше d*». Казалось бы, последнее соотношение возможно и без введения третьего сущего, однако это не так, ибо именно отрезок **b** обеспечивает полную ограниченность отрезка **d**, что и реализует отличие отрезков **a** и **d**. В этом случае отчетливо проявляются функции третьего сущего, оно обеспечивает необходимую ограниченность для возникновения отличия. Два сущих, участвующих в соотношении, как бы помещаются в третье сущее как в среду, которая «объемлет», «окаймляет», ограничивает. Необходимость присутствия третьего сущего означает, что оно есть самостоятельный элемент в структуре соотношения. Обозначим его как среду соотношения. Ясно, что среда соотношения понимается так же, как и носители соотношения, то есть за вычетом из третьего сущего основы, которая теперь является общей для трех участников соотношения.

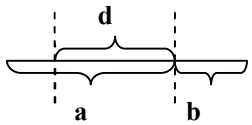


Рис. 4

Выясним, имеет ли место среда соотношения в вышерассмотренных физических, химических, биологических, психологических и политических соотношениях. Не составляет большого труда обнаружить среду соотношения в прямолинейном движении материальной точки, где в этой роли выступает вся ось координат, которая и позволяет сохранить неопределенный характер обоих полубесконечных векторов. Далее, непременным участником всякого механического движения является Земля, масса и пространственные формы которой определяют геометрию околоземного (именно в этих условиях мы рассматриваем нашу задачу) пространства, то есть определяют характер оси координат. Поэтому Земля и является средой в рассматриваемом соотношении.

Что же является средой в химическом соотношении, имеющем место в реакциях разложения вещества **А** на вещества **В** и **Р**? Мир настолько богат разнообразными химическими веществами, что нет недостатка в том, что обозначено как среда соотношения. Однако в качестве последнего целесообразно брать не любое другое вещество, отличное от **А**, **В**, **Р**, а такое вещество, которое тоже принимает участие в реакции разложения. Подобное вещество есть почти в любой реакции, ведь каждая такая реакция протекает в каком-то резервуаре, который может быть либо искусственным, то есть созданный руками человека, например, стеклянная колба; либо естественным, имеющий место в самой природе. Главное здесь то, что резервуар имеется в каждой химической реакции. В противном случае мир состоял бы из двух элементарных и одного сложного вещества. Существенная специфика резервуара — сохранить относительную устойчивость в химических реакциях. Эта устойчивость означает постоянство молекулярного состава резервуара, которое позволяет избежать неопределённости. Таким образом, анализ химического соотношения показывает, что отсутствию взаимообусловленности мы обязаны среде соотношения.

Среда соотношения имеет место в рассмотренном сравнительно-аналитическом ряду непарнокопытных, где, как мы помним, наряду с тапиром и носорогом упоминается третье животное — лошадь, которая и является в данном соотношении средой, передняя конечность которой состоит в наличии одного

пальца. Это обстоятельство позволяет иметь неопределенный характер как строения передней конечности у тапира, так и у носорога. Против последнего положения возможно следующее возражение. Предположим, что у всех непарнокопытных только два варианта строения передней конечности, тогда соотношение между ними показывает лишь то, что во втором варианте — на один палец меньше, из этого не следует, из скольких пальцев состоит строение передней конечности в первом и втором вариантах. Ведь это строение может состоять из трех и двух, из четырех и трех, и тому подобное. Таким образом, информация, представленная в сравнительно-аналитическом ряду, больше, чем в соответствующем соотношении. Здесь мы сталкиваемся с трудностью выделения одного соотношения. В данном случае на рассматриваемое нами соотношение наложено еще одно математическое соотношение, выражающее количество состава пальцев в строении передней конечности. В то время как в нашем соотношении речь идет о строении передней конечности. Поэтому выше сформулированное положение касается определенности строения передней конечности, а не более детальной определённости численного состава пальцев этого строения. К этому следует добавить, что в соотношении с основой (количество пальцев в передней конечности) сущие имеют внешнюю определенность, которая выражается в том, что количество пальцев у тапира равно четырем, а у носорога — трем.

Обращая свое внимание на психологическое соотношение, легко обнаружить там и среду соотношения. Действительно, обязательным участником любого музыкального отбора, где оцениваются музыкальные способности детей, является преподаватель музыки, обладающий соответствующей музыкальной способностью, которая обеспечивает неопределенность музыкальных способностей детей. Обязательным участником политических выборов наряду с кандидатами является избиратель, который в той или иной мере имеет собственное представление о выполнении функций будущего политического деятеля. Стало быть, избиратель имеет собственную программу, то есть ему тоже присуща особенным образом данная основа соотношения. Поэтому избиратель вместе со своей программой (или ожиданиями, наказами) представляет собой соответственно среду в данном политиче-

ском соотношении.

Итак, два носителя, основа и результат составляют структуру соотношения. Нетрудно заметить, что при выделении этих структурных элементов мы дважды как бы расслоили содержание категории сущее. Поэтому соотношение содержит в себе три уровня. При этом первый уровень образован двумя носителями соотношения, функциональная роль которых состоит в обеспечении фундамента для основы соотношения, так как последняя, являясь свойством, нуждается в своих носителях. Второй уровень представлен одним структурным элементом, а именно: основой соотношения, которая в свою очередь является как бы носителем для результата соотношения, входящего в третий уровень, где и разыгрываются главные события, суть которых состоит в формировании определённости основы посредством результата соотношения, где фиксируется отличие сущих. Таким образом, первый уровень является основанием второго, второй — основанием третьего, который выражает суть соотношения. Через понятия «результат соотношения» и «основа соотношения» само соотношение выступило у нас как единство определённости и неопределённости, которые представляют собой различные функциональные стороны соотношения.

Глава 3
Бытие-небытие

Связав бытие с определённостью, а определенность с соотношением, мы можем приступить к рассмотрению бытия как определённости (второй аспект связи бытия и определённости) через категорию соотношения. Один из способов рассмотрения бытия состоит в анализе атрибутивного суждения:

это сущее есть бытие.

Но онтологическая ситуация, описанная этой формой, необходимо связана с другим фактом:

другое сущее есть небытие.

Этот факт обусловлен тем, что если предположить, что, наряду с «этим сущим» бытием обладают и все остальные сущие, то в чем тогда смысл или суть бытия? Что означает тогда бытие? Как может проявить или обнаружить себя бытие? Казалось бы, обстоятельство (наличие бытия во всяком сущем) можно использовать как определение сущего. Например, сущее есть то, что имеет бытие. Но насколько эффективна такая категория сущего? Дело в том, что в этих условиях невозможно хоть какое-либо проявление сущего, ибо любое проявление будет связано с изменением, а всякое изменение есть чередование небытия и бытия, бытия и небытия.

Поэтому факт бытия должен быть представлен в виде соотношения:

«это сущее» есть бытие в отличие от «другого сущего».

Носителями в этом соотношении являются «это сущее» и «другое сущее», то есть сущие, взятые в своей конкретности, что вы-

ражено через термины «это» и «другое». Результатом соотношения будет «бытие».

Так же, как и любой другой результат соотношения, бытие имеет свою противоположность — небытие. При этом теоретически бытие столь же определённо, что и небытие. Практически ситуация может быть такой, что носитель, для которого имеется результат соотношения, был единичен, а другой носитель этого же соотношения — множественен. Например, «этот бильярдный шар есть бытие в отличие от остальных бильярдных шаров». При этом то, что для «остальных бильярдных шаров» это же соотношение имеет результат небытие, а также то, что «остальных бильярдных шаров» много, означает множественность небытия по сравнению с единичностью бытия. Это может быть ошибочно воспринято так, что только бытие связано с определённостью, а небытие связано с неопределённостью. Что не так, ибо возможны иные ситуации, когда небытие будет единичным, а бытие — множественным. Так в электродинамике движение отсутствия (небытие) электрона (в физике существует специальное понятие для обозначения такого явления «дырка») на фоне остальных присутствующих (бытие) электронов воспринимается как электрический ток. Здесь небытие единично, а бытие множественно. Поэтому теоретически небытие столь же определённо, как и бытие.

Бытие и небытие представляют собой пример точечного результата соотношения. Традиционно считается, что соответствующая онтологическая ситуация исчерпывается этими двумя значениями. Однако можно предложить и иной подход к мере «бытия-небытия». Мы имеем в виду понятие вероятности, которое характеризует «количественную степень возможности появления события»[1]. Вероятность есть количественная степень потенциального бытия, которая «стоит» на грани актуального небытия и актуального бытия.

В квантовой физике, где вероятность является основным свойством элементарных частиц, Х. Эвереттом было предложено такое описание квантовых явлений, согласно которому вероятно-

[1] *Рузавин Г. И.* Вероятность. // Философский энциклопедический словарь. 2-е издание. М., 1989, С. 86.

стные (потенциальное бытие) события рассматривались как одновременно существующие, уже реализованные события (актуальное бытие)[1]. Эта теория также эффективно описывало события микромира, что и традиционно принятая концепция, разработанная Э. Шрёдингером и В. Гейзенбергом. Поэтому, с точки зрения истинности, эти описания эквивалентны.

Принятие концепции актуальности бытия вероятностных событий уже не согласуется с концепцией линейного времени. Но насколько незыблема эта концепция? Представим себе игральный кубик. Математическая вероятность выпадения каждой грани кубика равна 1/6. Поставим следующий вопрос: какая грань выпадет (бытие) при условии равенства вероятности каждой из шести граней? Математика ответит — любая из шести. Пусть, например, это будет «тройка». Однако в этом случае будет нарушено начальное условие. Действительно, если выпала (бытие) «тройка», то, следовательно, это событие имело некоторое преимущество перед остальными пятью событиями. Стало быть, «тройка» выпасть не могла (небытие). Тогда проведём эти же рассуждения, например, для «пятёрки». Результат будет тот же: «пятёрка» выпасть не может (небытие). Этот вывод будет справедлив и для оставшихся четырёх граней. Значит, с теоретической точки зрения, при условии равенства вероятности всех шести событий, правильным решением нашего вопроса будет невозможность выпадения (небытие) какого-либо из этих шести событий. Это решение задачи «буриданова осла».

Такое теоретическое решение противоречит практике, ибо из опыта мы знаем, что какая-либо грань всё же выпадает (бытие). Есть ещё одно теоретически правильное решение. Поскольку вероятность выпадения каждой из граней одинакова, то выпадут (бытие) сразу все шесть событий. На первый взгляд это — абсурдное решение. Однако оно более предпочтительно, нежели первое теоретическое решение, запрещающее реализацию (небытие) всякого события. Действительно, принятие второго решения разрешает (бытие) всякое, в том числе и выпавшее, событие. Абсурдность этого решения в его избыточности. Ведь нам жела-

[1] *Everett Hugh,* «"Relative State" Formulation of Quantum Mechanics», Reviews of Modern Physics, 1957, v. 29, №3, p.454 – 462.

тельно такое теоретическое решение, которое объясняет выпадение (бытие) одного из шести событий, в то время как второе решение предполагает реализацию (бытие) всех событий сразу. Вероятность здесь выступает мерой бытия сущего.

Приняв второе решение, нам остаётся выяснить, где реализуются (бытие) остальные пять событий и (или) каков смысл их реализации (бытие)? Одна из возможностей такого осмысления состоит в том, чтобы предположить параллельное бытие одинаково вероятных событий. Параллельное означает одновременное существование, то есть мы получили некоторый смысл «расщепления» точки на оси времени, подобно тому, как происходит «расщепление» точки линии при выходе в двухмерную плоскость. Иное выражение этого положения — это «расщепление» такого результата соотношения как бытие, то есть «расщепление» бытия.

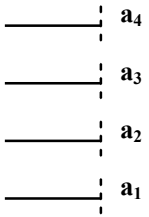


Рис. 1.

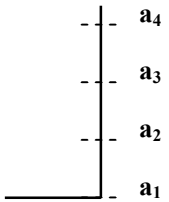


Рис. 2.

Итак, каждому из вариантов бытия одного и того же события соответствует свое собственное бытие. Представим это в виде совокупности параллельных прямых, на которых точкой помечено наше событие **А** своими различными вариантами. Для простоты рисунка пусть будет четыре таких варианта: $\mathbf{a_1}$, $\mathbf{a_2}$, $\mathbf{a_3}$, $\mathbf{a_4}$ (рис. 1). Теперь предположим, что четыре варианта события **А** исчерпывают все возможности. Это означает, что четыре точки $\mathbf{a_1}$, $\mathbf{a_2}$, $\mathbf{a_3}$, $\mathbf{a_4}$ образуют линию, плотно упакованную точками (рис. 2). Из этого легко перейти к двухмерному временному представлению бытия события **А** (рис. 3), где по горизонтали откладывается длительность возникновения события **А** относительно начальной точки отсчёта, а по вертикали — значение вероятности его бытия. На такое «плоскостное» представление бытия может накладываться ограничение, согласно которому вертикальная компонента может быть ограничена, например, лишь четырьмя точками, в то время как горизонтальная координата не ограничена в своей длительности.

В наших рассуждениях есть одно подразумеваемое, но не

упомянутое, положение о том, что длительность всех четырёх вариантов одинакова, что позволило нам построить перпендикулярную систему координат. Если же допустить различную длительность для каждого варианта, то, расположив варианты по мере возрастания длительности их реализации (бытие), мы придём к косоугольной системе координат, то есть рисунок 2 будет выглядеть как рисунок 4, а рисунок 3 — как рисунок 5. Однако такое представление существования неудобно, ибо для каждого события угол наклона будет совершенно иной, то есть угол наклона негоризонтальной координаты — специфический параметр именно для данного события. Значит, бытие должно задаваться не двумя, а тремя параметрами: 1 — длительность события относительно другого события; 2 — вероятность события; 3 — скорость реализации события.

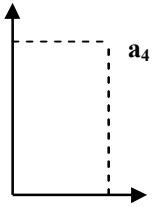


Рис. 3.

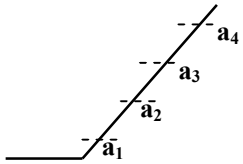


Рис. 4.

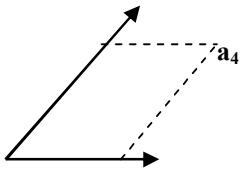


Рис. 5.

Теперь оценим значимость полученных результатов. Во-первых, в основу предложенных рассуждений положено классическое понимание вероятности, в то время как в науке используется статистическая концепция вероятности, «в основе которой лежат действительные наблюдения появления некоторого события в ходе длительного опыта при точно фиксированных условиях»[1]. Во-вторых, здесь обсуждалась математическая модель, в то время как у реальности нет обязательств следовать именно этой модели. Однако относительно второго положения можно привести некоторые возражения. Дело в том, что в 1965 году в авторитетном академическом издании по представлению академика Б. М. Понтекорво, Р. О. ди Бартини

[1] *Рузавин Г. И.* Вероятность. // Философский энциклопедический словарь. 2-е издание. М., 1989, С. 86.

публикует статью[1], в которой показывает, что для наиболее адекватного описания физического события следует использовать шесть параметров, три из которых — пространственные, а остальные три параметра — это три параметра времени. Казалось бы, это опять теория. Однако в этой же работе Р. О. ди Бартини теоретически рассчитывает все известные на тот период физические константы, которые в традиционной физике получены лишь экспериментальным путём и никоим образом не выводятся теоретически. Теоретические расчеты Р. О. ди Бартини фактически совпали с экспериментальными данными. Мировые физические константы — по существу, без всякого преувеличения, фундамент физики, который в традиционной физике постулируется, а у Р. О. ди Бартини объясняется теоретически.

Казалось бы, идеи Р. О. ди Бартини должны были бы составить теоретический фундамент физики. Однако этого не произошло. И не произошло это не потому, что помешали какие-то «научно-житейские» обстоятельства, а потому, что в этом случае надо было переделать буквально всю физику. По сравнению с этим переделыванием тот переворот, который произвели: специальная теория относительности А. Эйнштейна, принцип неопределённости В. Гейзенберга, принцип квантования В. Паули, был не столь уж значителен. Принятие «расщепления» актуального бытия затронуло бы не только физику, но и мировоззрение. А ведь мы знаем, как повлияла специальная теория относительности, затрагивающая лишь незначительный фрагмент физической реальности, на мировоззрение XX в. Научное мировоззрение оказалось просто не готово к новым испытаниям. Отчасти это объясняется отсутствием такого онтологического мировоззрения, которое осмыслило бы положение о «расщеплении» актуального бытия, что реализовано у нас как допущение количественной степени результата экзистенциального соотношения.

Если бытие есть определённость в экзистенциальном[2] соотношении, то оно может быть понято как идеальное сущего. Из

---

[1] *ди Бартини Р. О.* Некоторые соотношения между физическими константами // Доклады АН СССР. 1965. Т. 163, № 4. С. 861 – 864.

[2] Этот термин мы используем в том значении, что и формальная логика, рассматривая экзистенциальные суждения.

содержания категории соотношения следует, что идеальное не является определённостью только одного из участников соотношения, она (определенность) в той же мере является и определённостью другого участника соотношения. Стало быть, бытие как идеальное не находится на стороне только одного сущего, оно всегда «между» обоими сущими. Поэтому бытие всегда диалектично, и более корректно говорить не о бытии или небытии, а бытии-небытии, понимая последнее не самостоятельно, а как элемент экзистенциального соотношения. В контексте категории соотношения бытие не является тотальным, оно уже не столь фундаментально устойчиво, ибо оно лишь одно из значений экзистенциальных соотношений. В рамках концепции Эверетта-Бартини другими значениями являются значения вероятности сущего, то есть вероятность выступает как мера бытия сущего.

Эта неустойчивость бытия отчасти свидетельствует о том, что то предсодержание, которое подразумевается в понятии бытия, не исчерпывается только уровнем идеального в сущем. Бытие есть нечто такое, что пронизывает все уровни сущего, то есть бытие связано не только с уровнем результата соотношения, но и с уровнем основы соотношения. Поэтому обратимся к анализу основы экзистенциального соотношения. Представляя «это сущее» и «другое сущее» носителями этого соотношения, мы были не совсем точны, ибо к носителям относится собственно только то, что выражено как «это» и «другое», а вот то, что оба они есть сущие и есть общее между ними, то есть, по определению, сущее есть основа экзистенциального соотношения. На уровне сущего такая общность есть его материальное. Поэтому так же, как и идеальное, бытие в своей определённости требует и того, что оно определяет, то есть бытие также необходимо связано и с неопределённостью. Определённость здесь выступает лишь необходимым, но ещё недостаточным условием бытия.

Но что это значит, сущее — основа соотношения собственного бытия? По своей сути основа соотношения предваряет собой результат соотношения, в этом смысле основа соотношения есть как бы фундамент, следующий уровень, обращённый вспять, раскрывающий (или, наоборот, скрывающий) и обосновывающий смысл бытия. Основа соотношения должна выполнять аналогичную

роль (раскрыть и обосновать смысл бытия) по отношению к такому результату соотношения как «бытие» и «небытие».

Итак, о бытии можно говорить только как об определённом бытии. Мы начали с бытия как бытия определённого сущего, то есть бытие первоначально выступило у нас как синоним определённости (идеального).

Глава 4
Сущее (одно и другое)

Функционирование сущего не в отдельно взятом соотношении, а в системе, делает сущее относительно независимым от конкретных соотношений. Это позволяет перейти от рассмотрения соотношения к отдельно взятому сущему. Более того, для бытового мышления характерно «схватывание» мира именно в его конкретных сущих, а не сущих в их соотношениях. Отчасти именно с этим были связаны трудности вычленения отдельно взятого соотношения. Разумеется, независимость сущего возможна лишь до определённой степени, поэтому мы ещё не раз будем использовать рассмотрение сущего в соотношении. Как же представлены неопределённость и определённость на уровне отдельного сущего?

Что касается определённости, то наличие в ней некоторого содержания не вызывает у нас каких-либо сомнений, которые возникают, когда мы ставим вопрос о содержании неопределённости. В нашем случае неопределённость не является абсолютным ничто, чем-то вроде гегелевского чистого ничто, о котором невозможно даже и помыслить. Здесь неопределённость не абсолютна, а, наоборот, относительна, ибо присутствует в соотношении, другим моментом которого является определённость. Относительность неопределённости свидетельствует, что она не может быть самодостаточной. Уже одно это свидетельствует о содержательной наполненности неопределённости.

Неопределённость мы понимаем не как отсутствие знания. Это такая неопределённость, которая наполнена существованием, это существующая неопределённость, у которой есть шанс быть проявленной, реализованной. При этом переход неопределённости в определённость реализуется не в одном, а в разных соотношениях. Неопределённость и определённость представлены (присутствуют) в категории соотношения как две стороны единства. Единство имеет место для них и на уровне сущего. Оп-

ределённость всегда предполагает то, о чём эта определённость, то есть некоторую основу, «фундамент». Предположение определённостью «иного» (неопределённого) реализуется не только на уровне соотношения, но и на уровне самого сущего. Определённость сущего — это одно, а то, «о чём» оно — это другое. Определенность раздваивает единое сущее на две его стороны. Поскольку речь не идет о неопределённости и определённости вообще, которые реализованы в соотношении, но о неопределённости и определённости сущего, то они должны быть обозначены специальными терминами.

Следуя платоновской и аристотелевской традиции, неопределённость, как характеристика соотношения, реализованная на уровне отдельного сущего, есть его материальная сторона. Определённость, как характеристика соотношения, реализованная на уровне отдельного сущего, есть его идеальная сторона. Следовательно, сущее можно представить как единство материального и идеального. Именно как единство. Определённость «потребовала» для себя то, «о чём», раздвоив тем самым сущее на материальное и идеальное.

Таким образом, материальное и идеальное есть такие характеристики, которые присущи всем без исключения сущим, и в этой своей всеобщности и необходимости являются одними из атрибутов сущего. При этом само содержание сущего раскрывается через совокупность его атрибутов. Здесь мы придерживаемся атрибутивной концепции в онтологии. Правда, при этом необходимо иметь в виду некоторые различия между понятиями, используемыми в данном исследовании, и понятиями, применяемыми в атрибутивной модели. Если у нас основной дифференцированный элемент мира обозначен как сущее, то в атрибутивной концепции используется материальный объект, основными признаками которого являются всеобщность и объективное бытие или реальность. Если в атрибутивной модели идеальное, как сознание, есть особое свойство материального объекта, то в нашем случае идеальное, как определённость, есть такая общность, которая присутствует во всяком сущем, в том числе и в сознании. Речь здесь идёт лишь об ином распределении содержания философских понятий в разных онтологических традициях.

Определение материального и идеального через неопределённость и определённость есть их внешнее определение. В поиске внутреннего определения выясним те возможности, которые предлагает формальная логика. Различают реальные определения и неявные определения. Реальным называется определение, раскрывающее существенные признаки предмета. К реальным определениям относятся определения через род и видовое отличие, генетическое определение.

Определение через род и видовое отличие включает в себя два приёма: 1 — подведение определяемого понятия под более широкое по объёму родовое понятие и 2 — указание видового отличия, то есть признака, отличающего определяемый предмет (вид этого рода) от других видов, входящих в данный род. Из такого понимания родовидового определения видно, что оно есть по существу соотношение; при этом с помощью первого приёма устанавливается основа соотношения, ибо род есть то общее, что присуще его различным видам, а с помощью второго приёма устанавливается результат соотношения, ибо видовой признак есть то, чем один вид отличается от другого. В тех философских теориях, которые начинают развёртывание своего знания либо с категории «материя», либо с категории «идея», не может идти и речи о родовидовом их определении, ибо в их распоряжении нет всеобщих, более фундаментальных категорий.

В нашем случае материальное и идеальное не являются начальными категориями. Они «первые» в смысле «ступенек» познания и описания структуры взаимодействия, но определяются (так же, как и все другие категории) друг через друга и описание их места в структуре с помощью других категорий[1]. Мы начали развертывание философского знания с таких категорий как «неопределённое» и «определённое». Следующей категорией выступила категория соотношения, как средство реализации определённости через его единство с неопределённостью. Как видим, материальное и идеальное являются не первыми и даже не вторыми в развертываемом философском знании. Поэтому для них возможно родовидовое, формально-логическое определение.

---

[1] См.: *Сагатовский В. Н.* Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973.

В генетическом определении указывается на происхождение предмета, на способ его образования. В тех философских теориях, где материальное и идеальное постулируются изначально, вопрос о происхождении материального и идеального не может обсуждаться, то есть в таких философских теориях не удаётся дать реального определения материальному и идеальному.

В нашем случае материальное и идеальное есть стороны сущего, поэтому вопрос об их происхождении есть вопрос о происхождении сущего. Вводя категорию сущего, мы исходили уже из ее данности. Оно дано нам изначально. Означает ли такая позиция отказ от вопроса об образовании сущего? Вовсе нет. Только вопросы о его происхождении, о возникновении новых сущих, о критериях новизны сущего не являются начальными в релятивной онтологии. Поэтому генетическое определение — это не начальное определение, а конечное определение, которое есть квинтэссенция теоретического описания исследуемого объекта, в нашем случае таким объектом является сущее как единство материального и идеального.

Наряду с явным (реальным) типом определения существуют и неявные определения, которые как раз и есть те менее строгие формы понимания, которые могут быть приемлемы для философского знания. К неявным определениям, прежде всего, относится определение через указание на отношение предмета к своей противоположности, а также остенсивное определение, контекстуальное определение, описание, характеристика, сравнение, различие.

При определении материального и идеального через указание на отношение предмета к своей противоположности, обе категории являются противоположностями друг для друга. Именно такой способ определения данных категорий был наиболее распространён в советской философии[1]. Это, казалось бы, очевидное положение, на наш взгляд: во-первых, требует своего обоснования; во-вторых, имеет большой эвристический потенциал. Поэтому вопрос о противоположности этих категорий будет специально рассмотрен ниже. Однако, кроме этого, непринципиального замечания, с точки зрения логики, имеется именно логический

[1] *Кучевский В. Б.* Анализ категории «материя». М., 1988. С. 25 – 26.

недостаток данного вида определения для материального и идеального. Дело в том, что в теории, логически непротиворечивой, определение через указание противоположности возможно, когда сама она не используется как понятие в рамках этой же теории. В противном случае мы рискуем получить тавтологический круг. Ясно, что в нашем случае это требование не выполнимо, ибо для нас и материальное, и идеальное есть равноправные категории в философской теории.

В остенсивном определении устанавливается значение термина путём демонстрации предмета, обозначаемого этим термином. Эффективность этого вида определения обеспечивается степенью конкретности определяемого понятия: чем конкретнее его денотат, тем эффективнее остенсивное определение, соответствующее ему. Философия есть знание о предельно общем, поэтому вряд ли возможна прямая демонстрация денотата философских категорий. Действительно, как указать такой денотат как денотат категории материи? Такого денотата, то есть денотата в чистом виде, просто нет. Однако философия широко использует другой прием, когда указывается не денотат в чистом виде, а его присутствие в конкретном. В роли такого конкретного, например, могут выступать объекты научного исследования. Именно таким образом мы и поступили выше, продемонстрировав реализацию определенности в таких сферах как физика, химия, биология, психология, социология.

В контекстуальном определении содержание понятия раскрывается в определённом контексте. При этом сами контексты могут либо указываться, либо подразумеваться. В последнем случае контекстуальное определение данного понятия совпадает с его, так называемым, общепринятым значением. Когда мы используем термины «материальное» и «идеальное», не давая ни их определения, ни их описания, ни каким другим образом не разъяснения их, то, в некоторых случаях, это не мешает нам высказать некоторые мысли, где эти категории играют ключевую роль. Но по мере дальнейшего развёртывания теории может случиться так, что мы перестанем понимать друг друга. Это может быть обусловлено тем, что мы в дальнейшем изложении будем опираться на некоторые «тонкости» (оттенки) содержания «материального» и «идеального», которые (тонкости) могут выходить за

рамки общепринятого понимания. Выход из создавшегося положения можно найти в том, чтобы вовремя предупредить возникновение непонимания, дать необходимые пояснения, уточняющие позицию автора. В конце теоретического изложения все эти пояснения вместе с исходным общепризнанным пониманием рассматриваемых терминов и будут составлять их определение-понимание. Что же касается контекстуального определения, предваряющего использование категорий материального и идеального, то здесь можно упомянуть (сослаться) на те контексты в истории философии, которые наиболее близки нашему пониманию этих категорий.

К неявным определениям в формальной логике относят еще описание, характеристику, сравнение и различие. Все эти определения основаны на указании признаков определяемого и отличаются лишь способом их (признаков) указания. Действительно, задача описания состоит в том, чтобы наиболее полно перечислить признаки предмета. Характеристика состоит в указании наиболее заметных признаков. При сравнении один предмет сравнивается с другим, сходным в каком-либо отношении. С помощью различия устанавливаются признаки, отличающие один предмет от других, сходных с ним предметов. Материальное обладает такими признаками как основа, множественность, а идеальное — не основа, то есть «надстройка», множественность, определённость.

Для раскрытия содержания материального и идеального используем контекстный способ их определения, который во многом в философии совпадает с историческим рассмотрением. Главными контекстами, о которых уже шла речь выше, в нашем случае является использование этих категорий у Платона и Аристотеля. Заявив это, мы уже некоторым образом определили материальное и идеальное.

Теперь используем возможности родовидового определения для материального. Неопределённость была представлена в соотношении таким понятием как основа соотношения. Именно это обстоятельство мы и используем для определения материального. Материальное есть основа, фундамент сущего. Основа соотношения ранее была определена нами как общее для сущих, участвующих в данном соотношении. Это обстоятельство можно

использовать для более развёрнутого определения материального. При этом именно момент общности играет важную роль, ибо речь идёт именно об отдельном сущем, то есть таком сущем, которое является одним и тем же (в относительном смысле) в различных соотношениях.

Именно момент общности сущего с некоторой совокупностью сущих и обеспечивает его независимость и устойчивость, то есть возможность быть самим собой. Стало быть, материальное может быть определено как такой момент сущего, который, выступая основой в конкретном соотношении, является общим для некоторой совокупности сущих. Это же самое определение может быть сформулировано и через понятие однородной системы: материальное есть основа однородной системы. При этом содержание материального зависит от системы. На уровне конкретного содержания материальное может оказаться различным в отличных друг от друга системах. Отсюда, в частности, следует, что материальное не может быть связано с каким-либо конкретным свойством, например, как это имело место, когда материальность связывали с протяжённостью и плотностью. В содержании онтологического понятия материального, то есть на предельно абстрактном уровне, отражён лишь момент общности, а значит, момент неопределённости сущего.

Но и это ещё не всё. Дело в том, что в сущем кроме основы соотношения (основы системы) и определённости этой основы (что является идеальным) имеется и то, что в соотношении было представлено в понятии носителя соотношения. Ясно, что при переходе сущего из отдельного соотношения в систему, носитель соотношения никуда не исчезает. В силу своего неопределённого характера в данном соотношении содержание носителя не может быть представлено в понятии идеального. Именно неопределённость и позволяет нам отнести содержание носителя соотношения к материальному, ведь основа соотношения является и неопределённостью.

Однако неопределённость основы соотношения отличается от неопределённости носителя соотношения. Если в первом случае неопределённость обеспечивается общностью основы соотношения, то во втором случае неопределённость обеспечивается опосредованным участием носителя соотношения в реализации

определённости (идеального) основы соотношения. Если неопределённость основы соотношения образует некоторое единство со своей определённостью (идеальное), то есть в этом (и только в этом) смысле неопределённость переходит в определённость, то у неопределённости носителя соотношения нет никакой возможности обрести свою определённость в данном соотношении.

В рамках отдельно взятого соотношения обе неопределённости, хотя различным образом обусловлены, тем не менее, весьма близки между собой. Эта близость частично исчезает при переходе от соотношения к системе. Связано это с тем, что в системе неопределённость носителя конкретного соотношения может оказаться проявленной, ибо в ней могут оказаться такие элементы, через соотношение с которыми содержание носителя того конкретного соотношения может выступить в роли основы нового соотношения, где содержание носителя первого соотношения получит свою определённость.

Но тогда, в силу возможности обретения определённости для носителя, следовало бы хотя бы часть его содержания, а именно его определённость, «разместить» в содержании идеального данного сущего. Однако сделать мы этого не можем по двум причинам. Во-первых, обретение определённости носителя соотношения в конкретной однородной системе не является необходимостью. Во-вторых, уже в рамках отдельно взятого соотношения, а в системе тем более, существует достаточная возможность для отличия основы от носителя. Это отличие уже проявляется в том, что именно оно является основой, а остальное входит в носитель, например, свойство протяжённость отличается от цвета. Стало быть, здесь есть отличие, а раз так, то имеет место и определённость. Поэтому, если мы будем включать в идеальное всякую определённость, то мы должны разрешить присутствовать там и этой определённости. Однако на этом дело не останавливается. Ибо соотношение, в котором основа, например, протяжённость, и носитель, например, цвет, получили свою, так сказать, качественную определённость, когда протяжённость стала именно протяжённостью, а цвет — именно цветом, также имеет некоторую основу, которая может получить свою определённость в соотношении другого уровня. Стало быть, и эту определённость следует включить в идеальное сущего. И так далее, до тех пор, пока мы

не включим всё содержание сущего в идеальное, полностью «растворив» в нём материальное, которое за счёт этого становится ненужным онтологическим понятием. Ненужным становится и онтологическое понятие идеального, ибо его содержание полностью совпало с содержанием категории сущего. Однако осуществить подобную редукцию до конца нам всё же не удастся, поскольку мы либо уйдём в дурную бесконечность, либо должны признать наличие некоторого «фундаментального», «первичного» свойства, но в последнем случае такое свойство будет, так сказать, «чистой» неопределённостью. Оба варианта малоперспективны в онтологическом знании.

Из этого следует вывод, что цепочку определённостей, уходящую в «глубину» сущего, следует в каком-то месте прервать. Единственным обоснованным перерывом может быть перерыв на первом этапе, так как только он имеет некоторую выделенность из-за своего первенства среди всех остальных цепочек. Итак, всё содержание носителя, наряду с основой, следует включить в содержание материального. В таком понимании материального присутствует два плана, которые могут быть осмыслены через такие атрибуты как сущность и явление, когда основа выступает в роли явления, поскольку основа проявляется через идеальное (определённость), а носитель в роли сущности, ибо он выражает собой тот фундамент, который обеспечивает существование самой основы (явления).

С родовидовым определением идеального дело обстоит несколько проще, чем с материальным, ибо определённость представлена в соотношении только с одним понятием «результат соотношения». Поэтому идеальное в аспекте его оформленности, организованности есть определённость сущего. Поскольку речь идёт о сущем не в одном конкретном соотношении, а о таком сущем, которое взято в некоторой совокупности соотношений, то идеальное есть совокупность всех определённостей сущего, которые (определённости) он получает в данных соотношениях.

Если в понимании соотношения, осуществляя анализ, мы как бы расчленили сущее на три уровня: первый уровень — оба носителя и среда соотношения; второй уровень — основа соотношения; третий уровень — результат соотношения, то в понимании сущего как единства материального и идеального, мы со-

вершили обратную операцию — синтеза. Вначале в понятии материального синтезировали два понятия: носителя и основы соотношения, которые представлены на уровне сущего, то есть объединили первый и второй уровни. Далее представили сущее как единство материального и идеального, добавив к первому и второму ещё и третий уровень, то есть осуществили синтез.

Если связь материального и свойства находится, в общем-то, в русле основной традиции понимания материального, то относительно связи определенности и идеального это — не так очевидно. Связано это, прежде всего, с опытом восприятия человеком внешнего окружения. Человеческие органы восприятия в своем историческом развитии имеют определенную иерархию. Мы имеем в виду здесь историческое развитие, охватывающее не только развитие человека, но и развитие всего живого. Самым древним способом восприятия у животных является осязание, оно свойственно даже простейшим живым организмам. Самым поздним способом восприятия животных, из распространённых, является зрение.

Оба эти способа свойственны и человеку. При этом мы считаем, что человек на архитипическом уровне сохранил специфику животного восприятия, в частности, специфику только осязательного восприятия сущего. Для нас до сих пор не реально, не существует то, что мы не потрогали руками. Вспомните, когда мы посещаем музеи, то возникает желание потрогать экспонаты. Именно касание выступает для нас веским аргументом в пользу подлинности, реальности сущего. И, наоборот, данное нам лишь через зрительное восприятие, подвергается сомнению, скепсису. Если воспринимаемое зрительно событие противоречит нашему житейскому опыту, то мы склонны оценивать это событие как галлюцинацию, нереальное, несуществующее. Практически то, что дается нам в осязании, оценивается нами как материальная сторона сущего, хотя теоретически это не всегда так, а то, что воспринимается зрительно, мы связываем с определённостью сущего (недаром Платон обозначил определённость эйдосом, то есть в буквальном значении — видимой наружностью). Однако существенным здесь является то, что архитипический опыт осязательного восприятия накладывает значительные коррективы на зрительное восприятие. И, прежде всего, это проявляется в том,

что определённость сущего, воспринимаемая зрительно, несет в себе значительный оттенок, «привкус» материальности. Для нас естественнее восприятие чистой материи, нежели восприятие чистой идеи, при этом мы не обращаем внимание, что с теоретической точки зрения чистая материя и чистая определённость абсурдны. Именно в этом состоят трудности теоретического понимания чистой определённости, она всегда для нас уже облечена присутствием некоторой материальности.

Трудности осмысления чистой идеи вначале (образец Платона) были связаны с её субстанциальным представлением, то есть идеальное есть идеальная субстанция, например, мыслящая субстанция Р. Декарта. Получается так, что кроме собственно идеального здесь присутствует некоторая загадочная субстанция, совершенно неясной природы. В истории философии было потрачено немало усилий на критику понятия субстанции.

В рамках развертываемой здесь философской концепции, субстанция должна быть либо сущим, то есть единством материального и идеального, либо другим материальным, либо другим идеальным. Второе и третье приводят нас к абсурдности. В самом деле, если указанная субстанция материальна, то получается, что материальная сторона сущего действует на некую другую материальную субстанцию и результатом этого воздействия выступает идеальная сторона сущего. Получается, что изначальная материальная сторона сущего не исчерпывает всего материального в сущем, помимо этого существует некая другая материальная субстанция. Нечто аналогичное имеет место, если принять идеальный характер данной субстанции, тогда получится, что материальная сторона сущего действует на некую идеальную субстанцию, результатом чего и является «подлинное» идеальное сущего. Здесь неполноценной оказывается идеальное, ибо помимо его присутствует ещё некая идеальная субстанция.

Введение дополнительной субстанции для идеального как носителя идеального «неудобно» еще и тем, что по аналогии из-за принципа симметрии можно ставить вопрос о существовании носителя и для материального. Такое удваивание для понятий материального и идеального нарушает ««принцип бережливости». Присутствие носителя в определении идеального и материального можно объяснить несовершенством современного фило-

софского категориального аппарата. Это несовершенство объясняется малой популярностью дуализма в истории философии, где наибольшим успехом пользовался монизм. Поэтому многие философские понятия есть понятия монизма.

Несубстанциальный характер идеального трудно поддается нашему осознанию. Представьте себе след на песке. Для того чтобы понять, что такое идеальное, предстоит представить этот след без песка и без ступни, которая оставила этот след. Это что-то вроде улыбки Чеширского Кота — «Кот исчез, а улыбка его осталась». Наличие только улыбки предполагает отсутствие не только Кота, но и его губ. Возвращаясь же к нашему примеру о следе на песке, казалось бы, его легко представить через воспоминания о таком следе. Но даже в этом случае песок будет присутствовать в вашем воспоминании. Поскольку идеальное существует до возникновения всякого сознания (человеческого или еще какого-либо), следует усложнить себе задачу, представив, что это воспоминание относится к такому периоду глобального мирового развития, когда еще не существовало вообще никаких существ, способных мыслить.

Понимание идеального как определённости, которая есть результат соотношения (**R**), прерывает традицию субстанционального представления об идеальном. Связано это с самой сутью соотношения. Ведь результат соотношения (**R**) не является «собственностью» одного из участников соотношения. Он принадлежит сразу им обоим. В этой сопринадлежности разрывается ассоциация между сущим и субстанциональностью, а также между предикатом (атрибутом) сущего и субстанциональностью. Идеальное уже субстанционально «неуловимо», ибо, связав субстанциональность с одним сущим, мы не можем удержать идеальное только с одним сущим, оно всегда имеет возможность «ускользнуть» в другое сущее как участника данного соотношения. Идеальное как определённость (**R**) не локализовано лишь в одном сущем.

Частично выход из контекста субстанциональности для идеального, понятого через соотношение, осуществляется уже при элементарном понимании соотношения как сопоставленности одного другому. Уже в этом случае идеальное находится в состоянии сопринадлежности как одному, так и другому. Однако

это именно частичное лишение субстанциональности, ибо остаётся неясность в отношении того, где «хранится» сам факт именно этой сопоставленности. Ведь то, что именно это сущее связано со словом «яблоко» не находится в этом сущем, ибо в других языках оно обозначено другим словом. Не может оно находиться и в слове «яблоко», ведь одним и тем же словом мы можем обозначать различные сущие, например, как в случае русского слова «ключ». Если мы в понимании идеального через соотношение останавливаемся только на факте сопоставленности, то всегда предполагается третий, кто (или что) и фиксирует (хранит) этот факт. С его появлением для идеального открывается возможность присутствовать на его стороне, а значит, для идеального существует возможность быть связанным именно с этим третьим сущим, то есть с одним сущим. А это уже прямая дорога к субстанциональному пониманию идеального. Другим недостатком понимания идеального через соотношение, как факта сопоставленности, является его (идеального) чрезвычайная бедность[1] содержания, ибо в нем фиксируется только сам факт, что одно сопоставлено с другим. Определённости «одного» и «другого» связаны только с этими сущими и никак не могут быть представлены в идеальном как сопоставленности.

Если же мы допустим, что обе определённости представлены в третьем сущем, где и фиксируется факт их сопоставленности в виде некоторого смыслового предложения, например, «это есть яблоко», то сопоставленность тогда ничем не отличается от поставленности, когда третье сущее воспринимает лишь одно сущее, фиксируя его определённость, которая может быть понята так же, как идеальное. Стало быть, связь идеального с сопоставленностью есть лишь частный случай идеального, а значит, понимание идеального через соотношение не является всеобщим для идеального, то есть разрушается само онтологическое положение о связи идеального и соотношения.

Понимание идеального через соотношение, когда идеальное есть его результат (**R**), решает обе эти проблемы. Такое идеаль-

[1] Конечно, говоря о «бедности» следует иметь в виду поставленные задачи, поэтому такая оценка имеет значение только для нашей концепции, в другой концепции такого понимания может оказаться вполне достаточно.

ное содержательно (собственно оно и есть само содержание), и оно специально никак не связано ни с одним сущим, то есть такое идеальное никак не может быть субстанционально. Идеальное как определённость выступая лишь одной из сторон сущего, не является сущим. Это не означает, что то, что есть идеальное для некоторого сущего, не может выступить в роли самостоятельного другого сущего. Но при этом необходимо иметь в виду, что в данном случае «то» не будет уже идеальным для прежнего («некоторого») сущего. Это различные онтологические контексты, взаимодействие между которыми (контекстами) есть предмет отдельного разговора.

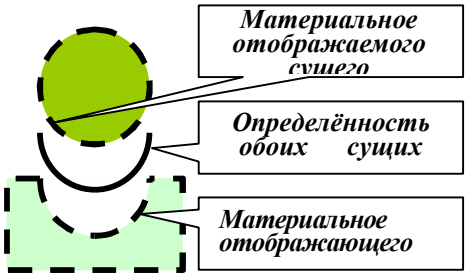
Введение идеального в круг философских категорий во многом обязано самому человеку, понимаемому как единство тела и сознания. В этом смысле философский дуализм имеет антропоморфные корни. Антропоморфизм проявляется и в понимании идеального, ибо его «природа» часто отождествляется с «природой» мысли. Разумеется, на это есть свои основания. Во-первых, сущностью идеального является определённость, и сущностью мысли тоже является определённость, то есть мысль есть что-то о чём-то. Во-вторых, идеальное противопоставляется материальному, аналогично этому мысль противопоставляется телу. Однако несмотря на такую общность, не следует отождествлять идеальное и мысль. Их различие, в частности, состоит в полноте (степени истинности) информации. Если об идеальном мы говорим как о полной определённости сущего, то есть, как о полной истине, то мысль, как правило, есть относительная истина об объекте мысли. Это следует из различия мыслей двух людей при их восприятии одного и того же сущего, которое имеет одну единственную определённость, то есть одно и то же идеальное.

Мысль о сущем — это определённость не этого сущего, а определённость того следа, который оставляет сущее в человеке. Этот след всегда есть результат воздействия. Если, например, одно сущее имеет шарообразную форму (выпуклость), то в другом сущем оно оставляет след вогнутости (вмятины). Тогда мысль о шаре будет определённость вогнутости. Другим примером этой ситуации является изображение видимого предмета на сетчатке нашего глаза, которое всегда перевёрнуто. Наши мысли, выражаясь терминами фотографа, это определённости-негативы

по сравнению с позитивной определённостью самого воспринимаемого сущего. Казалось бы, мы воспринимаем лишь обратную сторону своего окружения?

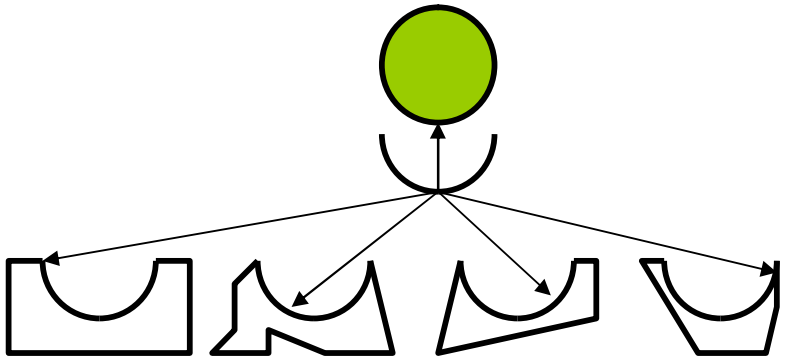
Если это так, то не ясно, почему такое негативное, то есть неправильное, восприятие не мешает нашему взаимодействию с нашим окружением. Во-первых, если всё поменять на свою противоположность, то это нисколько не помешает нашему общению с окружением. В самом деле, если всё низкое мы будем воспринимать как высокое, и будем это делать всегда и все, то это нисколько не затруднит нашу жизнь. Неудобства возникнут лишь тогда, когда в одних случаях мы низкое будем понимать как низкое, а в других — как высокое, или мы всегда будем низкое понимать как низкое, а другие люди — как высокое. Во-вторых, различие между мыслью и идеальным не столь уж разительно, ибо идеальное, то есть определённость-позитив есть ни что иное как определённость-негатив. Связано это с тем, что, как мы показали выше, не существует определённости сущего для самого себя, ибо определённость сущего это всегда — определённость для другого. Поэтому определённости-позитива-вообще не существует. Стало быть, наши мысли принципиально не отличаются от определённости-вообще. Специфика мысли состоит лишь в том, что она может отличаться от определённости-негатива, реализованной в отношении данного объекта к другому объекту или другим сущим.

Процесс отражения как процесс «оставления следа» позволяет определённости оторваться от конкретного материального. Это становится возможным за счёт раздваивания, удваивания материального при отражении. Действительно, в результате



отражения мы наряду с одним материальным конкретной определённости отображаемого получаем другое материальное той же конкретной определённости отображающего сущего. Одна и та же определённость одновременно является и определённостью отображаемого сущего и определенностью отражающего сущего. Это то же самое положение, что и положение о том, что результат отношения один и тот же для обоих носителей отношения. Но главное здесь в том, что одна определённость реализована в двух вариантах материального, и в этом смысле она независима от конкретного содержания обоих материальных, то есть определённость оказалась оторванной от конкретности материального. Это — уровень оторванности определённости от конкретного материального.

При тиражировании, когда определённость отражается во множестве других сущих, то есть, когда образуются не два материальных для одной определённости, а целое множество материальных для той же самой определённости. В этом случае мы получаем большую степень независимости определённости от материального. Казалось бы, здесь мы нарушили единство



материального и идеального. Но это не так. Во-первых, речь здесь идёт об оторванности определённости, а не идеального. Ведь идеальное — это полная совокупность всех определённостей. Поэтому ситуация несколько изменится, если мы будем говорить обо всех определённостях сущего. В самом деле, для полной определённости невозможно тиражирование, ибо полная, совокупная, конкретная определённость всегда связана с кон-

кретным сущим, она всегда уникальна. Конечно, если полная совокупная определённость представлена всего одной определённостью, то есть определённость совпадает с идеальным, то тогда, сказанное относительно определённости, распространяется и на идеальное. В связи с обсуждаемым вопросом становится ясно, что для отдельной определённости можно сформулировать специальные положения, которые нельзя сформулировать для идеального. Это может означать, что статус термина «определённость» выше, чем тот статус предкатегории, который мы отвели этому термину ранее. Во-вторых, не произошёл отрыв определенности от материального отображаемого сущего. Таким образом, сохранив единство материального и идеального, мы показали возможность реализации независимости определённости от конкретных материальных других сущих.

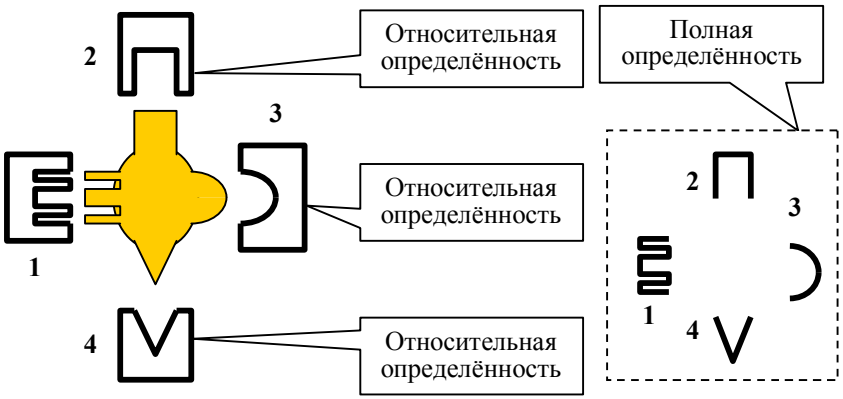
Такой ход рассуждений ставит соответствующий вопрос о независимости материального от идеального. С позиции Аристотеля такая возможность для материального имеется, ибо разные сущие могут возникать из одного и того же материала, например, из дерева может быть сделан и корабль, и стол. Независимость идеального от материального и, наоборот, идеального от материального реализуется на уровне абстракции, в то время как на уровне конкретного сущее всегда есть единство материального и идеального. В нашем случае в рамках соотношения можно говорить о самостоятельности материального как о самостоятельности отдельных его свойств. Они как основа отношения уже независимы от конкретных сущих, как носителей отношения, ибо данное свойство-основа отношения общее для обоих соотнесённых сущих.

Идеальное как полная определённость всех определённостей может быть отражено с разными сущими своими различными сторонами. На уровне геометрических сущих эта ситуация изображена на рисунке. Каждое из сущих отражает специфическую сторону первого сущего. В связи с этим возникает вопрос, какова же истинная определённость первого сущего? Для каждого сущего эта определённость своя, то есть относительная. Полная определённость первого сущего есть совокупность всех определённостей, отражённых во всех сущих, с которыми оно (первое сущее) находится в соотношении. Полная определённость и есть иде-

альное сущего. Отображение сущего с разных сторон в философии проявлено в теме абсолютной и относительной истины.

Возможность отражения полноты определённости зависит от сложности отражающего сущего. Чем больше в сущем представлено различных свойств, тем более полную определённость может отражать данное сущее. Так, химическое сущее отражает только физическую и химическую определённости, биологическое сущее отражает физическую, химическую и биологическую определённости, антропологическое сущее отражает физическую, химическую, биологическую и антропологическую определённости.

Итак, идеальное, понятое в контексте категории соотношения, есть полная определённость сущего. В этом случае идеальное всегда есть то, что между сущими, поэтому оно не принадлежит только одному из них. «Тиражирование» предоставляет



некоторую самостоятельность для идеального, что, в свою очередь, обеспечивает относительную самостоятельность самого сущего. Идеальное как определённость есть всегда определённость «чего-то». Этим «чем-то» является материальное сущего, поэтому идеальное всегда необходимым образом связано с материальным, вместе с которым они и составляют сущее как единство материального и идеального.

И в определении материального, и в определении идеального присутствует такой признак как «полнота». В первом случае речь

идёт о полной совокупности свойств[1], а во втором случае — о полной совокупности определённостей. Присутствие признака полноты в материальном достигается за счёт включения в его содержание не только основы соотношения, но и всех других свойств, представленных в конкретном носителе соотношения. Соответственно присутствие признака полноты в идеальном достигается за счёт включения в его содержание не только той определённости, которая реализуется в данном соотношении, но и всех определённостей по другим свойствам того же носителя соотношения. Простота этих рассуждений нарушается независимостью определённостей.

Независимость определённости означает ещё и то, что определённость-негатив может оказаться общей для некоторой совокупности сущих, в которой отобразилась определённость-позитив. Например, в предыдущем рисунке первая и вторая определённости есть опредёлённость «ступенчатости», в отличие от «угловатости» и «округленности». Определённость как «ступенчатость» является общей для первого и второго сущего. Тогда наличие такой общности означает, что она, эта общность, является основой некоего нового соотношения, в котором определённость-негатив получает дополнительную определённость, которая обусловлена тем, что определённость-негатив присутствует в разных сущих, именно это и обеспечивает разнообразие определённости-негативу. В последнем рисунке определённость «ступенчатости» представлена «одноступенчатостью» во втором сущем, и «трёхступенчатостью» — в первом сущем. Определённость-негатив по отношению к своей определённости является уже не определённостью, а основой. Стало быть, определённость-негатив перешла в ранг материального нового сущего. Здесь мы видим, как часть идеального переходит в часть материального.

В сформулированном нами понимании реализации определённости через соотношение нет каких-либо ограничений относительно того, что данная определённость является уникальной или общей для других соотношений. Следовательно, для всякой

[1] Термин свойство мы используем в значении некоторой неопределённой «качественности», а не в строгом значении философской категории свойства.

определённости существует возможность быть общей с другой определённостью, а значит, для соответствующей части идеального существует возможность перехода в материальное. В силу всеобщности данного положения существует принципиальная возможность перехода всего идеального в материальное, что приводит к существованию такого сущего, которое содержит лишь материальное, чем нарушается принцип единства материального и идеального для каждого сущего.

Эти же самые рассуждения можно провести и в обратной последовательности. Так, свойство «ступенчатости» как основания соотношения, в котором реализована определённость «одноступенчатости» является частью содержания материального какого-то сущего. С другой стороны, эта же «ступенчатость» есть уже определённость в другом соотношении, а, стало быть, уже принадлежит к идеальному другого сущего, которое связано с первым тем, что во втором сущем (по сравнению с первым сущим) произошёл переход части материального в идеальное. Для такого перехода также нет каких-либо ограничений, вытекающих из содержания соотношения. Следовательно, эта ситуация может быть продолжена и дальше. С этой стороны определённость выступает как тотальная, абсолютная определённость, которая будет представлять собой всё содержание сущего, за исключением «первой неопределённости». Если принять во внимание обстоятельство, согласно которому «первая определённость» может оказаться абсолютным ничто, то есть небытием, то всё содержание существующего сущего будет сведено только к своей идеальной стороне. А это противоречит принципу единства материального и идеального для каждого сущего. Поэтому должно быть отвергнуто исходное положение.

Полученные противоречия есть следствие гипостазирования отдельного сущего. Если единство материального и идеального в сущем есть следствие рассмотрения мира со стороны категории соотношения, то возможность существования сущих, в которых отсутствует одна из его сторон (либо материальная, либо идеальная), обусловлена нарушением соотносительности сущих. Поэтому данные противоречия исчезают, как только мы примем во внимание второе сущее, соотносительное первому. Всякое «это сущее» существует лишь в соотношениях с «другими сущими».

Именно эти «другие сущие» и «останавливают» уход в абсолютное материальное или в абсолютное идеальное.

Уход в абсолютное идеальное и абсолютное материальное был возможен только в условиях постоянной смены «другого сущего». Если же зафиксировать его как конкретное сущее, то тем самым мы конкретизируем и такие элементы соотношения, как основа соотношения, а значит, и результат соотношения. Тем самым мы фиксируем в «этом сущем» содержание его материального и идеального. За счёт этого «восстанавливается» единство материального и идеального в сущем. Если же мы сменим одно конкретное «другое сущее» на другое, но то же конкретное «другое сущее», то оно опять зафиксирует вполне определённое разграничение между содержанием материального и идеального. Таким образом, в отдельно взятом сущем невозможно разграничение между материальным и идеальным. Это разграничение задаёт любое конкретное «другое сущее». В этом проявляется относительность материального и идеального.

Одно и то же в одном соотношении является материальным, а другом оно же будет идеальным. Различие между материальным и идеальным не в том, что за каждым из них закреплен вполне определённый фрагмент мира, а в том, что у них разные функции внутри самого сущего. Различие функций материального и идеального задаётся различием таких структурных элементов соотношения как основа соотношения и результат соотношения, которые, в свою очередь, выражают различие между неопределённостью и определённостью.

Глава 5
Сущее (одно среди многих)

В предыдущем параграфе сущее преимущественно было рассмотрено в отдельно взятом соотношении. Теперь же мы рассмотрим его в совокупности соотношений. В дальнейшем изложении совокупность соотношений мы будем называть системой. Поскольку предложенное понимание соотношения существенно отличается от категории «связь», то определение совокупности соотношения как системы следует расценивать не как всестороннее определение системы, а как такое определение, которое отражает лишь один из аспектов в понимании категории системы.

Сущие, участвующие в отдельно взятом соотношении, получают только одно идеальное из всего многообразия своих проявлений. В полном своём значении идеальное сущего есть совокупность дифференциальных идеальных, которые реализованы во всех соотношениях, где участником является данное сущее. Множество всех дифференциальных идеальных конкретного сущего состоит из ряда подмножеств, каждое из которых включает в себя соотношения с одной и той же основой, то есть с одним и тем же материальным. Такое подмножество соотношений в дальнейшем будем называть однородной системой, а свойство, являющееся основой всех соотношений данной системы – материальной основой однородной системы.

Если мы хотим исследовать формирование отдельно взятого идеального сущего, то это — одна задача; иное дело, когда рассматривается формирование всего многообразия идеальных сущего. Ясно, что первая задача является исходной. Например, камень имеет множество дифференциальных идеальных: конкретная геометрическая форма и размер, конкретный вес, конкретный цвет, конкретный состав. Всё это физико-химические дифференциальные идеальные. Но кроме этого этот камень может иметь и биологические дифференциальные определённости (идеальные). Так, например, этот камень может быть органическим отложени-

ем, как это имеет место для ракушечника. Он даже может иметь культурную определённость (идеальное), так как может представлять определённую ценность для человеческой деятельности, например, при постройке жилых помещений. Всё это многообразие определённостей и представляет собой идеальное камня.

Каждая специальная наука изучает лишь отдельные (или отдельную) определённости (идеальные) сущего, абстрагируясь от его остальных определённостей (идеальных). Поэтому ни одна специальная наука не рассматривает всего множества идеальных конкретного сущего. В нашем рассмотрении мы ещё более сузили задачу, проанализировав не все определённости (идеальные), которые рассматривает та или иная наука, а ограничили себя лишь одной из этих определённостей (идеальных). Это было сделано для того, чтобы на простом материале отчётливо продемонстрировать методологическую значимость предлагаемого понимания сущего как единство материального и идеального. Разумеется, необходимо иметь в виду, что речь не идёт о полной определённости (идеальное) сущего. Это следует учитывать, когда будут рассмотрены идеальное в биологии и психологии.

Заметим, что однородная система имеется уже при реализации одного соотношения. И дело здесь не в том, что частным случаем совокупности соотношений является одно соотношение. Наоборот, есть все основания отрицать существование систем, состоящих из одного и даже двух соотношений. Во второй главе мы показали, что введение третьего сущего как необходимого элемента соотношения порождает сразу три соотношения. Здесь следует обратить внимание на то, что остальные два соотношения не входят в содержание первого соотношения, куда входит лишь среда соотношения. Поэтому соотношение содержательно отличается от элементарной структуры. Это отличие касается не только количества соотношений, но тех функций, которые имеют их структурные элементы. При рассмотрении трёх соотношений видно, что носители соотношения и среда соотношения меняются ролями. Если в отдельном соотношении функции носителя отличны от функций среды соотношения, то в однородной системе обе эти функции сливаются в одном, которое одновременно будет и носителем, и средой. В дальнейшем изложении оно будет именоваться как «материальный носитель системы», вместе с

материальной основой системы они образуют материальное системы.

Одна из характеристик системы, в которой формируются идеальные сущих, касается целостности такой системы. Целостность в данном случае означает, что система как совокупность соотношений не является аддитивной суммой этих соотношений. Дело в том, что одни и те же носители соотношения вступают не только в данное соотношение, но и образуют другие соотношения с участием носителей из третьих соотношений. При этом новообразовавшихся соотношений «не существовало» до возникновения системы, поэтому соотношений в ней всегда будет больше, чем пар исходных носителей соотношений. Таким образом, носители соотношения как бы «обобществляются» в системе. Тем самым разрушаются границы между соотношениями, что придает целостный и монолитный характер системе, которую уже невозможно разобрать на отдельные соотношения без того, чтобы не нарушить эту целостность.

Приступая к анализу процесса научного познания в аспекте исследуемого вопроса, логично начать с рассмотрения процесса формирования идеального в самой древней из наук — геометрии. Простейшей задачей этой науки является познание определенности одномерных протяженных отрезков, образующих однородную систему, в которой сами отрезки выступают в роли материальных носителей системы, а их протяженность — в роли материальной основы системы. В такой системе могут встретиться соотношения с самыми разнообразными результатами, по конкретным значениям которых всегда можно выделить сущее с наименьшим результатом соотношения: назовем его эталонным идеальным, а соответствующий носитель — эталонным материальным носителем.

Выделим из всей совокупности соотношений, образующих данную однородную по протяженности систему, соотношения, с участием эталонного материального носителя, то есть такие соотношения, в которых каждый из сущих системы находится в соотношении с эталонным сущим. Тогда всякий результат соотношения между эталонным сущим и любым другим сущим будет фиксироваться выражением «больше», или точнее «более, чем в **М** раз», где **М** — целое число раз «укладывания» эталонного су-

щего в каком-то конкретном сущем. Поэтому **М**, вообще говоря, специфично для каждого другого, не включая эталонного, сущего.

Обратим теперь свое внимание на ту часть результата соотношения «более чем в **М** раз», которая выражена как «более». Именно эта часть свидетельствует, что таким результатом соотношения фиксируется абсолютное отличие одного сущего от другого. Однако в практической деятельности человек вполне удовлетворяется относительным отличием сущих. В частности, это нашло свое отражение в понятии допустимой погрешности, широко применяемой в технологии современного производства. Выражаясь языком принятой здесь терминологии, относительным отличием двух сущих будет их отличие на величину более, чем эталонное сущее. Ясно, что для практических целей наибольший интерес представляет формирование относительных идеальных сущих. Именно об этом и пойдет речь в дальнейшем. Поэтому всегда эталонное сущее будет находиться в таких соотношениях с любыми другими сущими, в которых результат будет иметь вид: «в **М** раз больше» — это и есть идеальное.

Итак, рассмотренная группа соотношений показывает отличие каждого сущего, кроме эталонного, от эталонного сущего через результат соотношения типа «в **М** раз больше». Но ведь это и есть как раз та ситуация, которую мы фиксируем в выражениях типа: «отрезок **АВ** равен 20 см». Здесь имеются два сущих, одним из которых является протяженный отрезок **АВ**, а другим — эталонный отрезок протяженностью в один сантиметр. При этом идеальное протяженности отрезка **АВ** (материальное) формируется через его отличие от одного сантиметра, в данном случае **М**=20. Следовательно, мы получили формирование идеальных (определённостей) всех сущих в однородной системе. Сделанный ранее переход от идеального типа «больше» к идеальному «более, чем в **М** раз», строго говоря, требует своего обоснования, ибо легко можно подобрать такую систему, в которой сущие хотя и будут отличаться друг от друга, все же ни одно из них не укладывается более, чем один раз в протяженности другого сущего. Для разрешения возникшей трудности обратим свое внимание на идеальное.

Дело в том, что одно соотношение по протяженности «порождает» новое сущее. Действительно, взяв две отличающиеся по протяжённости палки, и, приложив их друг к другу, мы получим третье сущее, имеющее идеальное отличное исходным сущим. Это третье сущее способно вступать в соотношения с другими сущими по той же самой протяженности (материальное), то есть образуется однородная по протяженности система. Идеальные новых соотношений вновь можно представить в роли новообразованных сущих, которые (результаты) могут оказаться еще меньше, чем исходные, а также меньше своих непосредственных предшественников. Вводя подобным способом новые сущие, мы в любой системе однородной по протяженности (материальное) можем осуществить переход от идеального «больше» к идеальному «более, чем в **M** раз», то есть всегда возможно существование эталонного сущего, которое обеспечит этот переход. Учитывая то обстоятельство, что на каждом этапе возникновения новых сущих, они могут быть меньше исходных, мы, тем самым, обосновали направление поиска эталона — его уменьшение. В принципе, возникновение новых эталонных сущих можно проводить до бесконечности, ибо онтологически в настоящее время нет предела дроблению протяженности (кванты протяженности существуют лишь на теоретическом уровне). Однако, как было сказано выше, такой квант можно всегда ввести, исходя из характера конкретной практической деятельности.

Ясно, что рассмотренное выше формирование идеальных протяженности (материального) сущих может быть всегда с таким же успехом использовано и для анализа систем, однородных по многим физическим свойствам, например: по массе, времени и тому подобные. Таким образом, анализ уже этого конкретно-научного материала показал, что суть формирования идеальных в системе состоит в их соотношении к одному и тому же эталонному сущему, то есть идеальным, полученным в однородной системе, будет то идеальное, которое образуется в соотношении, где носителями являются носитель данного сущего и носитель соответствующего эталонного сущего.

В качестве следующего конкретного анализа формирования идеальных сущих возьмем химическую однородную систему, в которой материальной основой будет такая характеристика хи-

мических веществ, как их молекулярный состав. Сами химические вещества будут участниками данной однородной химической системы. В предыдущем разделе было показано, что одним из способов реализации химических соотношений с такой основой являются химические реакции разложения. Для того чтобы отчетливее выявить общие моменты в формировании идеальных обеих наук, необходимо установить языковые соответствия между геометрией и химией. Эквивалентность языковых форм выражения для таких элементов соотношения как материальный носитель соотношения и материальная основа соотношения, в общем-то, очевидна. Дополнительных разъяснений в данном случае требуют способы выражения идеальных химических и геометрических соотношений.

Как мы уже видели, в геометрии решающую роль в формировании идеальных сущих играет результат соотношения, выраженный как «больше». Например:

отрезок АВ больше отрезка СД на R.

Это же самое выражение допускает и иную форму своей записи, например:

отрезок АВ содержит в себе отрезок СД и R.

Обе записи выражают одну и ту же онтологическую ситуацию, и в этом смысле тождественны друг другу. Различие в том, что вторая форма не характерна для языка геометрии. Но при этом она свойственна химической науке. В самом деле, поставив вместо **АВ**, **СД**, **R** химические вещества **А**, **В**, **Р** соответственно, получим:

А содержит в себе В и Р.

В то же самое время последнее выражение допускает соответствующую геометрическую форму выражения:

в А n атомов Р больше, чем в В.

Однако это выражение нехарактерно для химической науки. Таким образом, показана эквивалентность идеальных «больше» и «содержит».

В предыдущем разделе при рассмотрении отдельно взятого химического соотношения была показана суть идеального, полученного сущим в этом соотношении. Дальнейшая определенность идеального химических сущих связана с тем, что для «меньших» веществ **B** и **P** (либо для обоих вместе, либо для одного из них) также имеют место реакции разложения, а для продуктов этого разложения реализуются новые реакции разложения и так далее до тех пор, пока конечными продуктами разложения окажутся элементы периодической таблицы им. Д. И. Менделеева. Ясно, что такая цепочка химических реакций разложения образует однородную химическую систему, в которой материальной основой будет молекулярный состав. Тогда идеальное молекулярного состава химических веществ, участвующих в данной однородной системе, будет состоять в том, из каких и в каком количестве элементов периодической таблицы будут состоять участвующие химические вещества.

В рассмотренной однородной химической системе так же, как и в геометрической системе, дальнейшая определенность идеального участвующих сущих необходимым образом связана с вводом в систему новых сущих. Более того, наблюдается общность и самого характера этого ввода сущих. Как в первой, так и во второй системе новые сущие не являются чужими остальным участникам системы, а порождены самой этой системой, и в этом смысле они «родственники» исходным сущим.

Общие черты в обеих системах имеются и в характере конечного идеального, если можно так выразиться, в квантовом ее характере. В самом деле, относительное идеальное протяженности сущих в конечном счете выражается через конечную (квантовую) эталонную протяжённость, в химии же роль эталонных сущих выполняют элементы периодической таблицы; правда, в этом случае мы будем иметь не относительное идеальное химических сущих, а их абсолютное идеальное. Однако так же, как и в геометрии, в химии имеет место и относительное идеальное. Реальны такие химические задачи, когда в неизвестном веществе требуется определить наличие лишь некоторых групп атомов, а не

наличие в нем всех элементов периодической таблицы.

Продолжая тему абсолютного и относительного идеального, к числу отличительных сторон в этом вопросе следует причислить онтологическое существование предельных эталонных химических сущих, что нельзя сказать пока о протяженности. Но, пожалуй, самым существенным отличием в этой области является разница в количествах эталонных сущих. Если в геометрии располагают, как правило, одним или несколькими такими эталонами, то в химии их столько, сколько элементов в периодической таблице, и, что самое удивительное, все эти химические кванты отличны друг от друга. Говоря о различных химических эталонах, нам вправе задать вопрос: в каком смысле имеет место подобное отличие, ведь всякое отличие есть соотношение, тогда результат соотношения между двумя элементами периодической таблицы можно рассматривать как элементарный химический элемент. Это возражение устраняется путем уточнения материальной основы соотношения. Когда речь идет о различии химических эталонов, то имеется в виду такое соотношение с их участием, в котором в качестве материальной основы выступает не молекулярный состав, а их атомный состав.

Изложенное здесь формирование идеальных молекулярного состава допускает геометрическую интерпретацию, для этого нужно вообразить такую геометрию, в которой кванты протяженности имеют различное значение. В свою очередь идеальное протяженности можно сформулировать на химическом языке. Например, онтологическую ситуацию, зафиксированную в высказывании: «отрезок **AB** равен 20 см», можно выразить и так: «отрезок **AB** содержит в себе 20 равнозначных сантиметров». Это обстоятельство еще раз свидетельствует об общности формирования идеальных как протяженности, так и химического состава.

Рассмотренное выше формирование идеальных химических сущих подтверждает принципиальную справедливость ранее сделанного вывода об общем характере такого формирования, но и в то же время требует его уточнения в той части, где речь идет о количестве эталонных сущих.

Познание формирования идеальных сущих, принадлежащих к той или иной ступени развития мира, несомненно, относится к

области научного познания. Поэтому уровень такого познания непосредственно зависит от уровня соответствующей области науки, как одной из его сторон. С точки зрения эмпирического и теоретического аспектов научного знания, познание формирования идеальных в большей мере зависит от уровня теоретического освоения данного предмета познания, который (уровень) неодинаков в различных областях знания. Стало быть, вполне возможно, что в каких-то областях науки гносеологическое формирование идеальных вещей находится в неразвитой форме, то есть там мы можем и не встретить ту четкость в этом вопросе, которая имеет место в геометрии, физике, химии. В плане развития научного знания это явление должно быть расценено как вполне естественное и нормальное. Более того, один из наиболее важных аспектов методологической ценности онтологического знания как раз и состоит в том, чтобы посредством внедрения этого знания способствовать дальнейшему теоретическому освоению конкретного предмета познания, в частности, совершенствовать процесс формирования идеальных.

Сделанное выше замечание необходимо иметь в виду при рассмотрении процесса формирования биологических объектов, которыми являются как организмы в целом, так и их отдельные органы. Последние могут быть рассмотрены либо наряду с другими органами в рамках одного и того же организма, либо самостоятельно в различных организмах, что и имеет место, в частности, в таком разделе биологии, как сравнительная анатомия.

Выделение отдельного органа в качестве объекта нашего рассмотрения еще не означает, что именно он является материальным носителем системы. Думается, что при выборе материального носителя в биологической системе необходимо учитывать принцип корреляции, открытый еще Ж. Кювье. Согласно этому принципу «каждый организм представляет собой целостную систему, ни одна из частей которой не может быть изменена, не вызвав изменения всех остальных»[1]. Поэтому в качестве материального носителя биологической системы, в которой формиру-

[1] *Шмальгаузен И. И.* Основы сравнительной анатомии позвоночных животных. Изд. 2-е испр. и доп. М., 1935. С. 17. См. также: *Северцов А. Н.* Собр. Соч. Т.5. М., С. 346 – 352.

ются идеальные биологических объектов, следует брать живые организмы в их целостности. А вот в качестве материальной основы такой системы можно взять свойства отдельного органа таких организмов. Например, материальными носителями являются наземные позвоночные, а материальной основой — какое-то свойство их передних конечностей. Здесь мы позволим себе напомнить, что полная определённость (идеальное) живого организма составляет совокупность всех его отличительных признаков, которые специфицируют его именно как данный организм, отличающийся от других биологических организмов как внутри данного вида, так и между видами. Мы же рассмотрим лишь одну из этих определённостей (идеальных) биологического организма.

В сравнительной анатомии в зависимости от свойств организмов различают метод гомологий и метод аналогий[1]. При установлении гомологий сравнение идет по строению органа, при установлении аналогий — по функциям этих органов. Учитывая, что первое свойство более наглядно, выберем его в качестве конкретной материальной основы рассматриваемой нами биологической системы. Более точно гомология заключается в установлении сходства в строении рассматриваемых органов. Обратим внимание: именно сходства, а не отличия, о которых у нас шла речь до сих пор. По-видимому, это связано с тем, что многообразие биологических объектов настолько разительно и очевидно, что более насущной задачей биологов является установление сходства организмов, а не их отличие, которое принимается само собой разумеющимся. Поэтому, понимая гомологию как сходство, необходимо иметь в виду и отличие.

В биологии, как и в геометрии, и в химии, имеется собственная специфическая языковая форма выражения для идеального, например: строение передней конечности организма **n** такое же, как и у организма **n–1**, за исключением признака **R**. Здесь первый организм получает идеальное отдельного своего органа (передней конечности) за счет наличия у него признака **R**, который отсутствует у второго организма. Это же самое выражение допускает свое истолкование и в терминах химического идеального

[1] См.: *Бляхер Л.Я.* Проблемы морфологий животных. М., 1976. С. 129 – 130.

типа «содержит»: организм **n** в отличие от **n–1** содержит признак **R**.

В ранее рассмотренных системах дальнейшее формирование идеальных сущих было связано с введением в соотношение, а значит, и образованием системы, нового сущего, которое являлось порождением элементов исходного соотношения. Но ведь термин «порождение» более уместен при рассмотрении биологической системы, чем это имело место в предыдущих случаях, ибо в биологии реализуется буквальное порождение одного организма другим. Именно это обстоятельство и следует использовать в дальнейшем анализе формирования идеальных биологических сущих. Поэтому в качестве следующего участника биологической системы нужно взять организм, родственный либо организму **n**, либо организму **n–1**; следуя общей традиции биологического исследования (реконструкция прошлого), родителями нового **n–2** организма будет организм **n–1**. Исходя из этих принципов, приведем в такое же соответствие и организмы **n** и **n–1**, где **n** будет родителем **n–1**.

Наряду с имеющейся общностью в этом вопросе есть и отличия во всех трех системах. Вспомним, что в геометрической системе новый материальный носитель порождался обоими сущими исходного соотношения, в химической системе — результатом соотношения, в биологии же он порождается только одним из сущих исходного соотношения.

Итак, второе соотношение с участием организмов **n–2** и **n–1** дает нам их сходство и отличие, последнее пусть реализуется за счет наличия у организма **n–1** признака $\mathbf{R_1}$, которого нет у организма **n–2**. Благодаря этому соотношению изменилось идеальное первого организма, о котором уже можно сказать, что он отличается от **n–2** посредством наличия у него признаков **R** и $\mathbf{R_1}$. Признак биологического организма и является его идеальным. Однако не эти выводы делают биологи из гомологических соотношений, так как их, прежде всего, интересует сходство организмов, и, установив сравнительно-анатомический ряд, они заключают, что все организмы этого ряда имеют одного и того же предка. Именно поиск общего предка и является одной из главных задач гомологии, останавливаясь на этом этапе, они практически не ставят перед собой проблемы индивидуализации живых орга-

низмов, хотя бы в том же самом сравнительно-анатомическом ряду. Однако, как мы показали выше, те же самые гомологии позволяют решить эту задачу, при этом общий предок играет роль эталонного сущего, а все его потомки получают свое идеальное из-за наличия у них тех или иных признаков, отсутствующих у общего предка. Таким образом, чтобы «измерить» какой-либо организм, надо установить соотношение с его участием и участием его предка.

Биологические эталонные сущие, как и аналогичные сущие в геометрии и химии, имеют как онтологическую, так и гносеологическую природу. Онтологический характер эталонного биологического сущего состоит, во-первых, в объективном существовании общего предка; во-вторых, в том, что существуют объективные границы, определяющие того или иного предка. В последнем случае имеется в виду то, что, например, простейшие организмы в известном смысле являются предками человека, однако между ними слишком большое отличие, чтобы простейших считать действительными предками человека. Границы, о которых здесь идет речь, устанавливаются в соответствии с законом взаимного перехода количественных и качественных изменений. Но вот на каком из этих качеств остановиться — зависит от практических целей конкретного исследования, в чем, собственно, и проявляется праксеологическая природа биологического эталона.

Обобщение процесса формирования идеального на основе двух предыдущих систем позволяет сделать ряд рекомендаций относительно индивидуализации биологических объектов. Так, если перед нами стоит задача индивидуализировать наземных позвоночных по строению передней конечности, то есть раскрыть процесс формирования идеального аспекта строения передней конечности, то, прежде всего, следует отметить, что в нашем случае в состав передней конечности наземных позвоночных входит восемь элементов[1], по которым и реализуется сходство и отличие данных организмов. Конечно, установление гомологий идет не только по наличию элементов, но и по наличию соотношений между ними. Поскольку включение этих соотно-

[1] *Шмальгаузен И. И.* Укаx. соч. С. 30.

шений сильно усложняет нашу задачу, не изменив ее принципиально, постольку мы считаем возможным ограничиться рассмотрением только элементов. Тогда индивидуальное идеальное сущего по выбранному нами свойству представляет собой сумму отличий по каждому из этих элементов от эталонного сущего, то есть общего для них предка.

В случае так называемой полной гомологии, когда «сравниваемые органы хотя и обнаруживают известные, быть может даже глубокие преобразования, но полностью сохраняют свои соотношения и не позволяют установить выпадение или прибавление каких-либо частей извне»[1], можно было бы идеальное сущего заменить восемью отдельными идеальными, каждое из которых было бы результатом соотношения, устанавливающим отличие одного организма от другого, но уже не по строению передней конечности, а по строению её соответствующего отдельного элемента. В этом случае мы имеем разложение сложного соотношения на аддитивную совокупность простых соотношений.

Однако такое разложение нельзя осуществить в случае неполной гомологии, которая «может быть дефективной, если известная часть органа утеряна (например, сердце костистой рыбы по сравнению с сердцем хрящевой, заключающее все гомологические части за исключением артериального конуса, который у костистой рыбы утерян... (или аргументативной, если к органу прибавились известные части извне), например, ухо млекопитающих, в котором по сравнению с низкими наземными позвоночными прибавились еще две слуховые косточки и наружное ухо»[2]. В самом деле, о каком общем для двух организмов свойстве строения какого-то элемента может идти речь, если у одного из них отсутствует сам этот элемент. Эта ситуация похожа на ту, что мы имели в случае химической однородной системы. Ведь любое конкретное вещество содержит в себе не все химические элементы, которые в процессе формирования идеального выполняют те же самые функции, что и элементы, входящие в состав рассматриваемого органа биологических организмов. Более того, развивая предложенный здесь подход к идеальному биологиче-

[1] *Шмальгаузен И. И.* Указ. соч. С. 31.
[2] Там же. С. 32.

ских организмов, можно предположить существование ограниченного количества биологических эталонов, характеризующих общие, для данной совокупности животных предков, которые (объекты) выполняли бы роль аналогичную периодической таблице химических элементов.

Рассмотренное нами формирование идеального сущих в однородной биологической системе не только подтверждает ранее сделанные выводы, но и способствует новому обобщению относительно характера самой системы, в которой осуществляется формирование идеального. Именно в биологической системе со всей очевидностью обнаруживается тот факт, что процесс познания идеального через систему повторяет объективный процесс возникновения (развития) этих идеальных в обратном направлении. При этом эталонное сущее следует искать в начале этого развития. В самом деле, в биологии формирование идеального совпадает с филогенезом. В химии те вещества, с которыми мы сейчас имеем дело, есть продукты развития из первоначальных элементов периодической таблицы. То же самое мы встречаем и в геометрии, по крайней мере, в области макропротяженности. Ведь окружающие нас протяженности созданы из протяженностей меньших. Таким образом, решающая роль в формировании идеального сущих принадлежит не просто однородной системе, а развивающейся системе. Поскольку участник следующего соотношения и само это соотношение порождаются участниками предыдущего соотношения, то такую систему можно назвать генеалогической.

Рассмотрим теперь роль соотношения в определенности психологических сущих. Положение об измерении психологических определённостей возникла еще в середине XVIII века[1]. Один из методов, используемых психологами при определении психологических свойств, — это метод тестирования, где «тест — краткое, стандартизированное, обычно ограниченное во времени психологическое испытание, предназначенное для установления в сравниваемых величинах межиндивидуальных различий»[2]. Практическое использование теста связано «главным образом с

[1] См.: Экспериментальная психология. Вып. I и II. М., 1966. С. 20 – 22.
[2] Психологический словарь. М., 1983. С. 370.

диагностированием личностных характеристик человека, выражаемых через количественные показатели»[1]. То обстоятельство, что уже в определении теста имеет место процесс сравнения, говорит о том, что тестирование идет с помощью установления соотношения. При этом необходимо иметь в виду, что тест не даёт полной и исчерпывающей психологической характеристики (определённости, идеального) человека. Это невозможно даже при использовании всех тестов. Именно предлагаемое нами понимание сущего как единство материального и идеального, как будет показано ниже, и позволяет вскрыть недостатки метода тестирования в психологии. Однако в своём рассмотрении мы ограничимся лишь одной дифференциальной определённостью (идеальным) в человеке, абстрагируясь от остальных его психологических определённостей (идеальное), которые только в своей совокупности и дают нам полное психологическое идеальное человека.

Среди прочих классификаций тестирования выделяют индивидуальное тестирование, когда тестируется один человек, и групповое, когда тестируются несколько человек. Ясно, что поставленной нами задаче познания формирования идеального в системе в большей степени соответствует групповое тестирование, где сущими психологической системы будут участники данного тестирования. Однородность психологической системы достигается применением стандартных тестов, то есть одних и тех же заданий для каждого участника. При этом предполагается, что задания теста характеризуют какое-либо психологическое свойство.

Предположим, что тест состоит из равнозначных вопросов, то есть: за правильный ответ испытуемый получает один балл, за неправильный ответ — ноль баллов. После выполнения теста участник тестирования характеризуется суммарным баллом, выражающим идеальное того психологического свойства, на которое направлен данный тест. Например, ответив правильно на восемьдесят вопросов, испытуемый получает балл, равный 80. Казалось бы, мы получили искомое идеальное. Как правило, именно такой определенностью и ограничиваются. На наш взгляд, в

[1] Большая советская энциклопедия. Т. 25. М., 1976. С. 513.

идеальном, которое выражено таким образом, теряется часть информации.

Дело в том, что правильное выполнение тестируемым определенного задания есть психологическое явление, которое входит в состав его психики, аналогично тому, как в химические вещества входит определенный элемент из периодической таблицы. Поэтому удовлетвориться только количественным значением баллов в определенности психологических свойств — все равно, что удовлетвориться количеством элементов, составляющих данное вещество, без указания того, каких именно элементов. Например, идеальное молекулярного состава воды будет описываться двойкой, означающей, что в это вещество входят два элемента. Следовательно, более полным будет указание такого идеального исследуемого психологического сущего, когда выявлено не только количество правильных ответов, но и обозначены сами эти задания. При этом психологические явления, которые возникают при этих ответах, будут теми психологическими эталонными сущими, с помощью которых и реализуется измерение данного психологического свойства. В частности, этому способствует и то обстоятельство, что эти психологические явления будут одними и теми же для всех участников тестирования, в силу применения стандартного теста[1].

Правда, при такой интерпретации психологических эталонов неясным пока остается обстоятельство, связанное с участниками системы. В самом деле, какое сущее соответствует этим эталонам? Иными словами, чем является второе сущее в соотношении, в котором формируется идеальное психологического свойства (материальное) у тестируемого участника? С самого начала мы говорили, что будем анализировать групповое тестирование. Поэтому в качестве претендента на роль второго сущего можно было бы выдвинуть какого-либо другого испытуемого. Однако этому препятствует то обстоятельство, что первый испытуемый мог бы получить тот же самый балл, отвечая на вопросы данного теста индивидуально, вне группы. Таким образом, второй испытуемый не принимает никакого участия в формировании идеального психологического свойства первого испытуемого, и он по этой

[1] *Анастази А.* Психологическое тестирование. М., 1982. С. 33 – 39.

причине не может быть вторым участником соотношения.

Для поиска второго сущего обратим свое внимание на следующие два обстоятельства. Во-первых, величина полученного балла, даже с учетом содержания задания, на которое был дан правильный ответ, не в полной мере характеризует испытуемого. Одно дело, когда участник тестирования ответил правильно на восемьдесят вопросов из ста, предложенных ему, и другое дело, когда будет предложено двести вопросов. Таким образом, для истинного знания искомого идеального мы должны знать не только количество правильных ответов, но и общее количество вопросов во всем тесте, пусть таких вопросов для определенности будет сто. Участник тестирования как бы сравнивается с самим тестом. Но сам тест не может выступать в роли сущего, ибо он не обладает психикой. Но всё же ясно, что тест как-то связан со вторым сущим. Чтобы определить эту связь, обратимся к анализу результата психологического соотношения.

Дело в том, что результат соотношения определяет не только самого испытуемого, но и идеальное второго сущего. Знание последнего идеального и поможет выявить второе сущее. Тот факт, что испытуемый правильно ответил на восемьдесят вопросов, свидетельствует о том, что в его психику входят явления, которые соответствуют ответам на эти вопросы, в отличие от того, кто содержит в своей психике ответы на все сто вопросов. Иными словами, второе сущее знает ответы на все вопросы данного теста. Конечно, среди испытуемых может быть человек, ответивший правильно на все поставленные задачи. Подчеркиваем, **может**, что не является необходимостью. Ясно, что с необходимостью таковым человеком является автор теста. Поэтому каждый участник тестирования получает идеальное данного психологического свойства (материальное) через соотношение с автором теста.

Правда, есть одно обстоятельство, которое несколько осложняет положение. Согласно ранее сделанным утверждениям, в соотношениях принимают участие неопределенные сущие. Что касается испытуемого, то для него это требование выполняется, ибо до тестирования он не имеет никакого балла. Но вот для автора теста этот балл определен еще до начала тестирования, то есть он входит в соотношение с конкретным идеальным данного

психологического свойства (материальное).

Необычным является и то положение, что все психологические эталоны, через которые осуществляется формирование психических индивидов, принимающих участие в групповом тестировании, представлены в одном и том же человеке. Это положение, с одной стороны, не имеет аналогов ни в химии, где нет такого вещества, которое бы содержало все химические элементы, ни в биологии, поскольку существует дефективная гомология; с другой стороны, это обстоятельство является странным в психологическом смысле. В самом деле, в лице автора теста мы имеем суперпсихику или, в частности, какое-то суперпсихологическое свойство, включающее в себя все явления этого свойства, имеющие место у членов тестируемой группы. Что можно сказать, например, о человеке, который одновременно и сангвиник, и холерик, и флегматик, и меланхолик?

Однако эти недоразумения не отрицают предлагаемый здесь процесс формирования идеального сущих через систему, а, наоборот, подтверждают ее. Ибо их наличие является следствием отсутствия в процессе тестирования одного, весьма существенного, компонента, имеющего место во всех трех предыдущих системах, а именно: процесс тестирования, являясь системой однородной, не является одновременно генеалогической системой. Наличие генеалогичности в тестировании по существу означает вопрос: откуда взялись психологические эталоны? В гносеологическом аспекте этот вопрос звучит так: как познать (открыть, выделить) психологические эталонные идеальные по рассматриваемому свойству (материальное). Так, при составлении теста к его вопросам примешивается множество других субъективных факторов, например, специфика образа жизни автора теста, особенности его деятельности, принадлежность к определенному классу и тому подобное[1].

В связи с этим в методе тестирования существует серьезная проблема адекватности тестов[2]. Психологи разработали различ-

---

[1] См.: *Саймон Б.* Английская школа и интеллектуальные тесты. М., 1958., С. 49.

[2] Там же. С. 43 – 49.

ные способы обоснования адекватности тестов[1]. Наибольшего внимания, на наш взгляд, заслуживает «факторный анализ», когда «психолог прежде всего подготавливает свои вопросы, часть из которых он потом отвергает. Он предлагает эти вопросы группе детей. Затем он сравнивает результаты, полученные по каждому вопросу (соотношение правильных и неправильных ответов), со всеми остальными вопросами в выборочном порядке, далее он сравнивает результаты, полученные при ответах на отдельные группы вопросов, друг с другом. Такие сравнения обрабатываются статистически, то есть составитель ищет статистические данные по полученным результатам. Отбрасываются те вопросы, которые не соответствуют этому критерию. Когда достигаются исходные данные, претендующие на математическую обоснованность и показывающие, что вопросы, задаваемые в отдельных тестах, согласованы друг с другом и, значит, измеряют одно и то же свойство»[2].

Здесь мы вправе спросить: какое же свойство человеческой психики удалось измерить данным тестом? Или же, как соотносятся вопросы данного теста и психологическое свойство, которое он измеряет? Для ответа на поставленный вопрос обратимся к химической аналогии. Если нас интересует в химических веществах наличие только двух химических элементов, например, водорода и кислорода, и мы имеем для этих целей соответствующие приборы, то с их помощью мы измеряем не молекулярный состав вещества, а только наличие в них водорода и кислорода. И только в том случае, когда мы хотели измерить в веществах наличие всех имеющихся элементов, тогда мы действительно измеряем молекулярный состав.

На наш взгляд, та же самая ситуация имеет место и для формирования определенностей психологических свойств с помощью тестирования. Например, если тест состоит в том, что испытуемым предлагается запомнить десять одноцветных, но разных по своей форме предметов, то в данном случае мы измеряем не способность к запоминанию вообще, а только способность к запоминанию данных геометрических фигур. Аналогично и с тес-

[1] *Саймон Б.* Указ. соч. С. 58 – 63.
[2] Там же. С. 62 – 63.

том на запоминание разноцветных предметов, одинаковых по своей форме. И здесь мы измеряем лишь способность к запоминанию данных цветов, а не память вообще. Поэтому тесты измеряют только то, что в них заключено, то есть те психологические явления, которые возникают у участников тестирования при выполнении заданий данного теста.

Так, в одном из методов обоснования адекватности тестов, результаты одного теста (с одним набором вопросов) сравнивают с результатами другого теста (с другим набором иных вопросов), при этом предполагается, что оба теста измеряют одно и то же психологическое свойство[1]. При этом необходимо иметь в виду, что тесты с различными вопросами измеряют разные свойства. Конечно, это не отрицает наличия определенного сходства между такими свойствами. Например, свойство запоминания фигур, несомненно, ближе к свойству запоминания цветов, нежели к такой характеристике человеческой психики, как темперамент.

Сходство между свойствами, определяемыми различными тестами, зависит от сходства используемых в них психологических эталонов. Задача психологов как раз и состоит в выработке объективных психологических критериев (эталонов) для формирования идеального психологических свойств, и только в этом случае мы можем говорить об объективности этой определенности. Рассмотренные примеры формирования геометрического, химического, биологического идеального дают значительное основание для утверждения, что, для того чтобы внутри однородной психологической системы ее участники получили идеальное, такая система должна быть генеалогической, то есть должна представлять собой непрерывный процесс развития единственного источника формирования объективного психологического идеального. Достижению этих целей способствует как сравнительная психология (которая осуществляет сравнительный анализ психики человека и животных, как наших предшественников), так и детская психология (которая показывает, что ребёнок в процессе своего возрастного становления проходит некоторые черты миллионолетнего развития человека как вида).

Из области общественных явлений рассмотрим формирова-

[1] *Саймон Б.* Указ. соч. С. 59-60.

ние идеального в системе экономических соотношений. Сами экономисты к экономическим отношениям причисляют отношения обмена. Например, пусть один человек, назовём его Николай, своим трудом произвел товар **С**, а другой производитель, назовём его Дмитрий, произвёл товар **Л**. Рассмотрим вначале простейший случай, когда оба товара являются едиными, далее недифференцированными сущими, например, таким товаром является один сюртук, в то время как два сюртука являются дифференцированным товаром. Затем оба производителя обменяли свои товары на рынке, что можно зафиксировать следующим образом:

С = **Л**.

Такой товарный обмен обозначим как недифференцированный товарный обмен. Выясним, имеется ли в этом случае экономическое соотношение? Для этого выделим здесь структурные элементы соотношения. Определим главный структурный элемент предполагаемого соотношения — его результат. Согласно нашему пониманию результат соотношения фиксирует отличие присутствия основы соотношения для одного и другого соотнесённых. В нашем случае мы имеем равенство, то есть отсутствие отличия, стало быть, нет и соотношения. Традиционно факт недифференцированного обмена обозначают именно как меновые отношения. В чем же здесь дело?

Прежде всего, отметим, что в нашем случае речь идёт о понятии «соотношение», в то время как в меновых отношениях используется понятие «отношение», а эти понятия мы всё же различаем. Однако это уточнение не решает возникшее несоответствие полностью. Даже приведя в соответствие эти понятия, таким образом, что «отношение» в нашем случае должно было бы быть «результатом соотношения», несоответствие остаётся, так как результат соотношения определялся как момент отличия, то есть результат соотношения никогда не является равенством, что мы и имеем в ситуации меновых отношений.

Главную причину полученного несоответствия мы видим не в области строгой философской теории, а в том коммуникативном процессе, где происходит перенос значения с одного термина на другой. Ведь термин «меновые отношения» образовался не

на основе философской теории отношений, а на основе практики бытового функционирования термина «отношение» со всей его полисемией. Поэтому естественно, что при формулировании теории отношений, когда за этим термином фиксируется одно строго определённое значение, возникают определённые несоответствия с многозначным, но уже сложившимся в языке, способом употребления данного термина.

Если отстаивать термин «меновые отношения» для факта недифференцированного обмена товарами, то тогда необходимо дать чёткое определение данному термину и не менять его на протяжении всего исследования, то есть не нарушать формально логический закон тождества. Некорректно настаивать на том, что при недифференцированном обмене речь идёт именно об отношении, не заботясь о том, как это понимание отношения функционирует в других ситуациях, обозначенных этим же термином. Сказанное, разумеется, не означает неприменимость используемого нами понимания соотношения для анализа экономической ситуации. Для выявления соотношения в экономике рассмотрим следующие соотношения.

Возвращаясь к отношению недифференцированного обмена, надо сказать, что моментов отличия там предостаточно. Это и то, что производители — разные люди, один — Николай, другой — Дмитрий; это и то, что здесь участвуют разные товары **С** и **Л**. Однако эти отличия, как мы уже отмечали, выполняют роль «фона», на котором проявляется ситуация равенства. В отсутствии этого «фона» равенство превратится в абсолютное тождество, то есть абсолютную неразличимость одного соотнесённого от другого, а точнее оба соотнесённых сольются в одно сущее. Поэтому если и говорить о присутствии соотношения в меновых отношениях, то это такие соотношения, в которых фиксируется либо одно различие между людьми, либо различие между товарами, либо различие между людьми как производителями различных товаров.

Согласно определению носителя соотношения и результата соотношения, не всякое отличие автоматически является идеальным. Ведь отличие может присутствовать и в материальном носителе соотношения, ибо неопределённый характер носителя в данном соотношении ещё не означает присутствие или отсутст-

вие отличия (или равенства). Разница между результатом (идеальным) и материальным носителем в том, что в идеальном отличие присутствует обязательно, а в носителе оно лишь возможно. Важным здесь является то, что когда мы имеем дело с отдельно взятым соотношением, неопределённость материального носителя очевидна, но такие случаи отдельного соотношения крайне редки, и, как правило, это искусственно сконструированные соотношения. В бытовой действительности, как уже отмечалось, мы имеем дело с такими сущими, которые одновременно являются участниками множества соотношений. В этих условиях, если взять одно соотношение и указать в нём материальные носители, последние могут быть уже определены через другие соотношения. Поэтому неопределённость материального носителей в данном соотношении означает лишь отказ от учёта тех идеальных, которые они получают через другие соотношения. Например, мы рассматриваем соотношение между людьми по такому основанию, как труд:

Николай трудился больше Дмитрия. (1)

Поскольку мы знаем, что Николай и Дмитрий люди, то они отличаются своими физическими, химическими, биологическими, психическими, другими (кроме труда) социальными характеристиками. Все это не входит в данное соотношение и является для него уровнем неопределённого. Какие (или какое) человеческие свойства непосредственно участвует в факте недифференцированного товарного обмена? В нашем случае этим свойством является затраченный труд Николая и Дмитрия на производство товара. Однако в недифференцированном обмене участвуют не только люди, но и товары. Ведь и Николай, и Дмитрий могли вполне быть не производителями, а лишь обладателями товаров **С** и **Л**. В товарах, как и в людях, много отличий. И, так же, как и для людей, не всякое отличие следует связывать с результатом данного соотношения, то есть часть отличий (идеальных) между товарами мы должны отнести к содержанию материальных носителей соотношения. В недифференцированном обмене фиксируется лишь равенство. Применительно к товарам это равенство означает равенство затраченного труда по производству товара **С**

и труда, затраченного на производство товара **Л**. Учитывает ли факт недифференцированного обмена, что это — разные товары, то есть что это именно товары **С** и **Л**? Нет, ибо в недифференцированном обмене фиксируется лишь равенство, там нет какого-либо отличия. Поэтому и при рассмотрении товаров мы не обнаруживаем соотношения в факте недифференцированного обмена. Примером соотношения с участием товаров является следующее:

*затраты труда на производство товара **С** больше затрат труда на производство товара **Л**.* (2)

Сравнивая соотношение (1) и (2), мы видим, что они, взятые по отдельности, не завершены, ибо каждое из них подразумевает другое. Действительно, в соотношении (1) мы должны были бы не останавливаться на фразе «труд Николая», а продолжить её до включения туда товара, то есть в полном (завершённом, законченном) варианте она должна выглядеть так: «труд Николая по производству товара **С**». Исключая то, что относится к содержанию материальных носителей соотношения, получаем: «труд по производству товара». К такому же выводу мы приходим, анализируя незаконченность соотношения (2), где фраза «труд по производству товара **С**» должна быть дополнена присутствием самого человека, то есть: «труд Николая по производству товара **С**», исключая материальные носители, получаем: «труд по производству товара».

«Труд по производству товара» — это и есть то общее между участниками экономических соотношений, которое (общее) и устанавливается в факте недифференцированного товарного обмена. Общность, по которой устанавливается соотношение, есть по определению материальная основа соотношения. Стало быть, факт недифференцированного товарного обмена устанавливает нам не экономическое соотношение во всей полноте его структуры, а только фиксирует, прежде всего, материальную основу этих соотношений, то есть лишь один из структурных элементов соотношения. Но и это лишь «прежде всего». Далее, поскольку выделена основа, автоматически выделяется и материальный носитель соотношения. Поэтому в недифференцированном товарном обмене устанавливается ещё и материальный носитель экономи-

ческих соотношений. В недифференцированном товарном обмене нет лишь результата соотношения (идеального).

Ситуация кардинально меняется, если рассмотреть дифференцированный товарный обмен. Например,

1 сюртук = 20 аршинам холста.

Если речь идет о труде Николая и Дмитрия, то с учётом этого более точное выражение для данного факта дифференцированного товарного обмена будет:

труд Николая по производству 1-го сюртука = труду Дмитрия по производству 20-ти аршин холста.

Это можно представить как:

труд Николая по производству 1-го сюртука в 20-ть раз больше труда Дмитрия по производству 1-го аршина холста.

Данная запись есть не что иное, как запись соотношения, а с учётом специфики материальной основы — труд по производству товара — это экономическое соотношение. Здесь представлены все структурные элементы соотношения. Николай вместе с сюртуком и Дмитрий вместе с одним аршином холста за вычетом свойства затраченного (вложенного) труда являются материальными носителями данного соотношения. Труд по производству товаров есть материальная основа соотношения. «В 20-ть раз больше» есть результат соотношения (идеальное). Дифференцированный товарный обмен есть соотношение, в отличие от недифференцированного товарного обмена именно в силу присутствия в нём дифференцированности. Это и естественно, ибо дифференцированность и есть отличие, которое мы стремились обнаружить в экономических соотношениях.

Теперь нам легко перейти к экономической системе. Мы каждый раз сталкиваемся с ней, когда делаем какие-либо покупки. Ведь наша покупка и есть пример дифференцированного экономического соотношения, например,

пакет ряженки стоит 10 рублей

Приведём это выражение к стандартному виду для соотношений, чтобы там отчётливо были видны все структурные элементы. Пусть покупателем будет Николай, а продавцом — Дмитрий, который является не только продавцом, но и производителем продаваемого продукта, тогда факт купли-продажи имеет следующий вид:

пакет ряженки, произведённый Дмитрием = 10 рублям Николая

С учётом материальной основы соотношения, которой по-прежнему является труд, мы имеем:

труд Дмитрия по производству пакета ряженки = труду Николая по приобретению 10 рублей

Выделяя результат соотношения, отдельно получаем:

труд Дмитрия по производству пакета ряженки в 10-ть раз больше труда Николая по приобретению 1 рубля.

Предположим далее, что, получив десять рублей, Дмитрий купил за 5 рублей булку хлеба у производителя-продавца Ивана, что можно представить так:

труд Ивана по производству одной булки хлеба в 5-ть раз больше труда Дмитрия по приобретению 1 рубля.

Оба эти соотношения уже определяют нам однородную экономическую систему, где основой будет труд по производству товара, носителями системы будут: Николай и один рубль; Дмитрий и пакет ряженки; Иван и булка хлеба — всё это взято за вычетом свойства основы. Результатами соотношений будут: «в 10-ть раз больше» и «в 5-ть раз больше». Ясно, что среди указанных трёх материальных носителей «один рубль Николая» будет выполнять роль эталона в экономической системе. Тогда, в частности, 10 рублей и 5 рублей есть экономическое идеальное товаров:

пакета ряженки и булки хлеба, соответственно.

Экономическое идеальное во многом напоминает физическое идеальное. Это не случайно, ибо экономическое сущее «измеряется» физическими сущими. Однако несмотря на это, величина, соответствующая экономическому эталону, может не совпадать с величиной физического эталона. Например, в измерениях физической массы мы можем использовать сотые доли грамма, в то время как в торговле продуктов питания мы часто ограничиваемся точностью до нескольких граммов.

Итак, мы рассмотрели формирование идеального геометрических, физических, химических, биологических, психологических и экономических сущих. На сущностном уровне во всех этих примерах имеются следующие общие положения:

1. Формирование идеального одного и того же материального реализуется только в однородной системе, все соотношения которой имеют одну и ту же материальную основу.

2. Идеальным данного сущего, полученным в однородной системе, будет то идеальное, которое образуется в соотношении этого сущего с эталонным сущим. Поэтому суть формирования идеального сущих в системе состоит в их соотношении к одному и тому же эталонному сущему системы.

3. Онтологически эталонное сущее системы определяется процессом развития с точки зрения одной материальной основы системы. Такое развитие реализуется через ряд последовательных соотношений, которые связаны между собой либо одним из материальных носителей, либо результатом соотношения (идеальное). Такая система называется генеалогической. Поэтому с точки зрения познания мы должны рассмотреть не просто однородную систему, но одновременно и генеалогическую систему. Генеалогически поиск эталонного сущего может осуществляться путем моделирования процесса развития в обратном направлении.

4. Поскольку идеальное сущего формируются в соотношении к эталонному сущему, то само существование последнего означает, что фиксируется вполне определенное неизменное квантовое идеальное. Следовательно, в этом смысле идеальное сущего всегда будет носить квантовый характер. Это обстоятельство заставляет по-иному взглянуть на проблему непрерыв-

ности и дискретности.

5. Эталонное идеальное может выразить как онтологический предел данной материальной основы, так и прагматическую необходимость в том или ином его значении.

6. Как правило, в формировании идеального принимает участие не один, а несколько разновидностей эталонных сущих.

Подход, развитый здесь, к процессу формирования идеального в системе, во-первых, показывает адекватность используемой концепции материального и идеального, ибо имелось значительное совпадение с теми механизмами определенностей, которыми мы пользуемся в настоящее время; во-вторых, новизна подхода позволила по-иному подойти к ряду научных проблем биологии и психологии и сделать некоторые рекомендации для их решения, в чем выражается методологическая функция философской категории соотношения.

Но самое главное для нас — подчеркнуть роль выделенных положений в аспекте материального и идеального. Из этих положений следует, что основа системы как момент общности, а значит, неопределённости элементов системы, связана с материальной стороной этой системы; а определённость сущего, реализованная в данной системе, — с идеальной стороной этого сущего. При этом выяснилось, что среди идеального всех сущих особую роль играют идеальное эталонных сущих.

Глава 6
Презентативность

Категория соотношения, реализуя определённость, выступает ещё и тем, где осуществляется представленность одного сущего другим, то есть презентативность. Презентативность, продолжая тему определённости, предворяет тему взаимодействия. В философии презентативность рассматривалась в связи с пониманием идеального как репрезентативного отношения[1]. Презентативность возникает уже при элементарном акте отражения одного сущего в другом. Определённость реализуется в соотношении, в котором она представлена результатом соотношения. Для одного участника (1) соотношения эта определённость является определённостью-позитивом, например, выпуклый — $\mathbf{И_{12}}$ (рис. 1), а для другого (2) эта же самая определённость есть определённость-негатив (вогнутый — $\mathbf{И_{21}}$). Выпуклость, в данном случае, являясь выпуклостью, есть выражение вогнутости, и наоборот, ибо они обе разное выражение одного и того же, одной определённости, которая возникает не как «собственность» одного из сущих участников соотношения, а принадлежит обоим сущим. Вогнутость ($\mathbf{И_{21}}$) и есть релятивный презентант выпуклости ($\mathbf{И_{12}}$), а выпуклость ($\mathbf{И_{12}}$) — релятивный презентант вогнутости ($\mathbf{И_{21}}$).

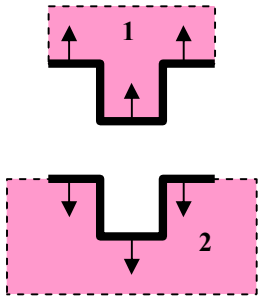


Рис. 1

Релятивный презентант — это специальное понятие. Презентант[2] есть определённость, которая непосредственно представля-

---

[1] *Сагатовский В. Н.* Бытие идеального. СПб., 2003. С. 48

[2] Мы отказались от термина «репрезентант» по той причине, что до его введения в содержание идеального он уже использовался как вполне устоявшийся термин для представления о целом по его части (Репрезентативность // Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 555). В этом значении данный термин уже является специальным понятием математической статистики в

ет другую определённость. При этом непосредственность может пониматься в двух смыслах, релятивном и континуальном. В данном случае непосредственность обусловлена тем, что обе определённости реализованы в одном и том же соотношении, являясь позитивом и негативом друг для друга. Поскольку непосредственность обусловлена соотношением, поэтому данный презентант и обозначен как релятивный.

Используя только понятие релятивного презентанта, можно описать лишь самый простейший случай отражения. В то время как под отражением в познании понимают куда более сложное явление, для теоретического осмысления которого нужно использовать понятие континуального презентанта.

Реализация континуальной презентативности основана на том простом обстоятельстве, что в соотношении с разными сущими одно и то же сущее имеет различные определённости. Например, на рисунке 2 определённость первого сущего по основанию пространственной протяжённости имеет две различной определённости протяжённости: выпуклый прямоугольник (**И**$_{12}$) и выпуклый треугольник (**И**$_{13}$). Каждая из этих определённостей, которые мы назовём дифференциальными определённостями, характеризует, хотя и не полностью, одно и то же сущее. Наряду с дифференциальными определённостями сущее имеет и совокупную определённость, которая есть определённость сущего в соотношениях с несколькими сущими. Если иметь в виду все сущие, с которыми первое вступает в соотношение, то мы имеем дело с интегральной определённостью, через которую сущее есть некоторый специфический континуум.

теории выборочного метода (Кокрен У. Методы выборочного исследования. М., 1976). В таком значении репрезентант всегда подобен тому, что он представляет, в то время как в концепции идеального репрезентант не только может быть не подобен тому, что он представляет, но Э. В. Ильенков подчёркивает, что он и не должен быть ему подобен. В этом смысле, репрезентант в математике и репрезентант в содержании идеального прямо противоположен. Учитывая, что математическая терминология является более устоявшейся, чем концепция идеального, мы посчитали целесообразным использовать несколько иной термин, который близок по смыслу и репрезентанту, в том, что они оба являются представителями. Отличаются же они тем, как осуществляется это представительство.

Каждая из дифференциальных определённостей сущего может выступать в роли представителя (презентанта) либо какой-то другой дифференциальной определённости, либо совокупной или интегральной определённости. Вопрос о том, насколько обосновано континуальное представление (презентативность), здесь не ставится, хотя он очень важен. Решение этого вопроса зависит от многих факторов, но, пожалуй, наиболее важным является то, насколько континуальный презентант связан с главным в сущем. Итак, континуальный презентант есть дифференциальная определённость сущего, которая является представителем другой определённости (дифференциальной, совокупной, интегральной) этого же сущего.

На рисунке 2 выпуклый треугольник первого сущего (**И**$_{13}$) может быть континуальным презентантом другой дифференци-

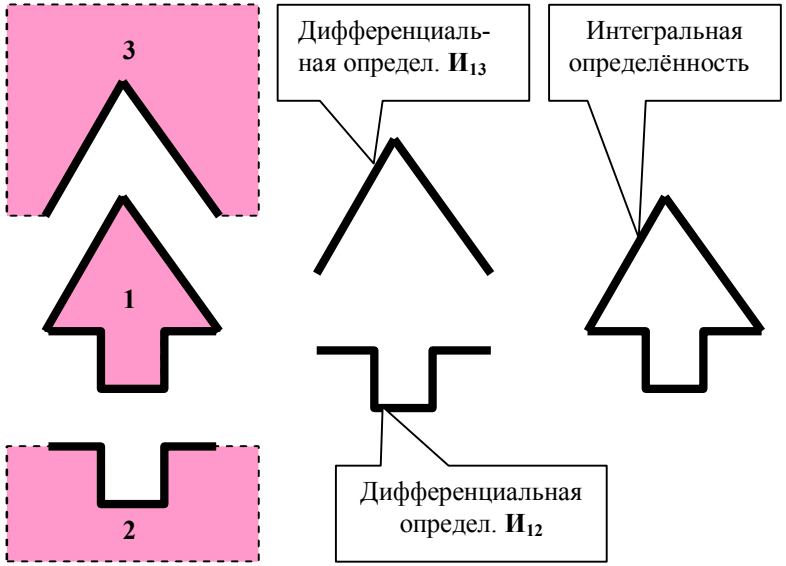


Рис. 2

альной определённости, а именно: выпуклого прямоугольника (**И**$_{12}$) этого же сущего. Учитывая, что выпуклый прямоугольник первого сущего (**И**$_{12}$) есть уже релятивный презентант вогнутого

прямоугольника второго сущего (**И$_{21}$**), получаем, что выпуклый треугольник первого сущего (**И$_{13}$**) является опосредованным презентантом вогнутого прямоугольника второго сущего (**И$_{21}$**). Пока опосредованное представительство реализовано для двух[1] последовательно[2] соотносящихся (взаимодействующих) сущих. При этом опосредованный презентант есть определённость одного сущего, которая является представителем определённости другого сущего, не являющегося членом одного и того же соотноше-

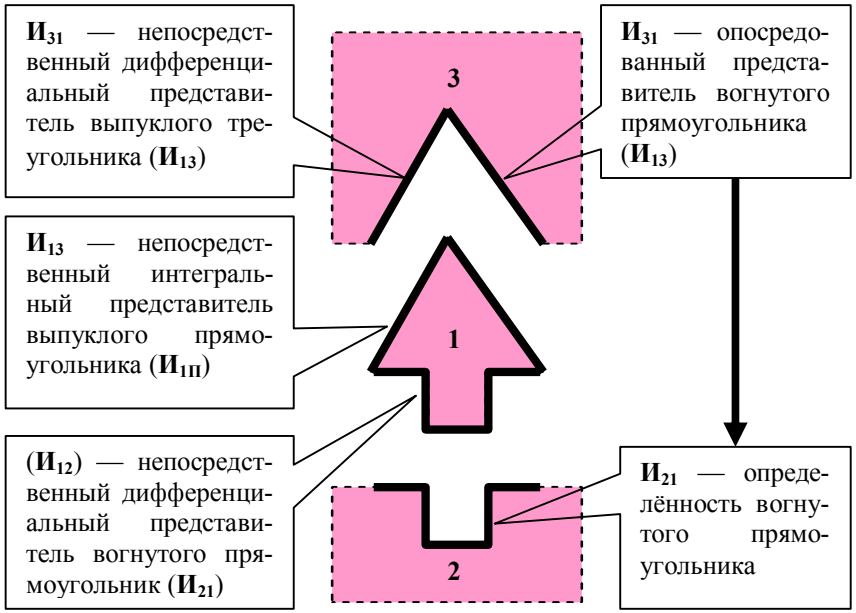


Рис. 3

ния с первым сущим. Далее вогнутый треугольник третьего сущего (**И$_{31}$**) есть релятивный презентант выпуклого треугольника первого сущего (**И$_{13}$**). Стало быть, вогнутый треугольник третьего сущего (**И$_{31}$**) есть опосредованный презентант вогнутого прямоугольника второго сущего (**И$_{21}$**) (Рис. 3).

---

[1] Но в известном смысле для трёх.
[2] С учётом третьего сущего.

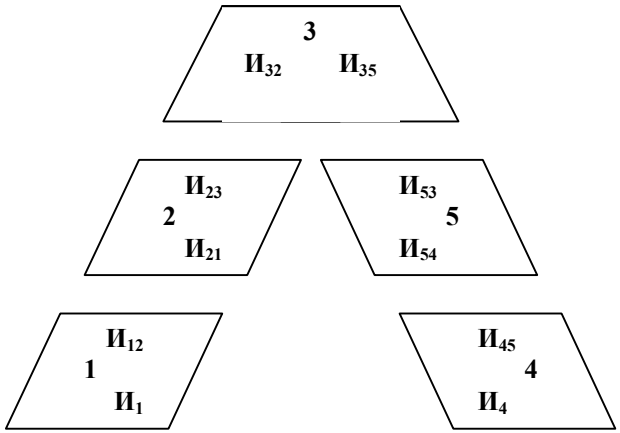
Разумеется, континуальная презентативность может быть реализована не только по одному и тому же основанию (как это было продемонстрировано для пространственной протяжённости на рисунках 2 и 3), но и по определённостям разных оснований. Например, если в рассмотренном нами случае первое сущее обладает ещё и цветом, определённость которого, к примеру, будет «синий», то «синий» также может быть континуальным презентантом выпуклого прямоугольника ($\mathbf{И_{12}}$). Чем «длиннее» цепочка (ряд) представительства и чем разнообразнее основания, используемых определённостей, тем непохожее оказываются представитель и то, что он представляет.

Пока мы описали только одну непрерывную цепь (ряд) представлений. Например, свет, отражённый от яблока, являясь континуальным презентантом всего яблока, воздействует на человеческий глаз, вызывая в нём какие-то изменения. Они приводят к другим изменениям внутри глаза, которые воздействуют, в свою очередь, на нервные волокна, соединяющие глаз и мозг. Изменения нервных волокон, вызванные глазом, затем приводят к другим изменениям нервных волокон. Эти другие изменения уже непосредственно воздействуют на мозг, вызывая его соответствующие изменения (возможно, нейрофизиологические), определённость которых (изменений) человек и переживает как мысль. Здесь определённость мозга (мысль) есть опосредованный презентант яблока.

Наше положение о том, что мысль есть определённость мозга, следует понимать условно, применительно к мозгу, но в строгом значении понятия определённости, как оно было дано в разделе о категории соотношения. Под условностью в отношении к мозгу мы имеем в виду следующее: в настоящее время наука пока не раскрыла всех явлений, обеспечивающих человеческое мышление. Традиционный научный взгляд исходит из того, что конечной стадией мышления является мозг, который, как бы является последней инстанцией в презентативном ряду (цепочке). Однако достоверно это станет известно только в том случае, если мышление будет описано только с помощью процессов мозга. Поэтому пока это всего лишь рабочая гипотеза, которая в настоящее время плохо согласуется с некоторыми явлениями (ясновидение и выход из тела). О том, что подобные явления долж-

ны составлять предмет научного исследования пишет ведущий специалист в области исследования мозга Н. П. Бехтерева[1]. Для конкретной науки этот вопрос важен, а для нашего рассмотрения он не имеет принципиального значения. Если мышление не заканчивается в мозге, а обеспечивается ещё чем-то, стоящим далее за ним, то тогда мы будем говорить не об определённости мозга, а об определённости этого «чего-то», продолжив презентативный ряд (цепочку) дальше. Именно в этом смысле мы говорим об условности в отношении мозга.

В отношении же определённости не допустимо какое-либо синонимичное замещение понятия «определённость», например, выражение «определённость мозга» нельзя заменить выражением «продукт мозга». Отличие нашего положения от понимания



$$И_1 \rightarrow И_{12} \rightarrow И_{21} \rightarrow И_{23} \rightarrow [И_{32} \rightarrow И_{35}] \leftarrow И_{53} \leftarrow И_{54} \leftarrow И_{45} \leftarrow И_4$$

Рис. 4

мысли в вульгарном материализме в том, что там мысль понята как некое самостоятельное сущее, которое либо есть часть мозга как сущего, либо мысль — такое сущее, которое есть результат изменения мозга как сущего. В нашем случае мысль как феномен

[1] *Бехтерева Н. П.* Магия мозга и лабиринты жизни. СПб., 1999.

идеального не является самостоятельным сущим. Оно (идеальное) есть лишь одна сторона сущего, другой его стороной является материальное. То, что мысль есть определённость мозга, означает, что у мозга как сущего кроме этой определённости (идеальное) имеется ещё и другая, материальная сторона, которая в содержание понятия «мысль» (идеальное) не входит. С одной стороны, мы показываем, в каком именно смысле мысль связана с мозгом, при этом данная связь есть необходимость. С дугой стороны, показываем, в чём их принципиальное отличие и принципиальная несводимость одного к другому. Именно это отличает наше понимание мысли, как определённости мозга, от понимания мысли, как такого сущего, которое есть полная противоречивость всякой материи (в том числе и мозгу), понимаемой как другое сущее. При этом нередко признаётся (или не отрицается) связь мысли (идеальное) с мозгом (материальное). Но как связано «чисто» идеальное с «чисто» материальным, как правило, в рамках рационализма не поясняется. Условно такое понимание мысли можно обозначить как идеалистическое. И вульгарно-материалистическое и идеалистическое понимание мысли исходят из того, что мысль есть самостоятельное сущее. Только в первом случае мысль есть такое сущее, которое качественно не отличается от любого другого сущего, при этом всякое сущее может быть только материей. Во втором случае мысль есть такое сущее, которое принципиально не сводимо к материальному сущему, но всё же как-то с ним связано. Мы же исходим из того, что мысль как одно из проявлений идеального не есть самостоятельное сущее, а есть лишь одна из сторон сущего, при этом другой его необходимой стороной выступает материальная сторона.

Рассмотрим теперь две непрерывные цепи (ряда), начинающиеся с различных сущих и сходящиеся в одном сущем. Например, человек одновременно видит яблоко и слышит слово «яблоко». Само яблоко — это одно сущее, звук «яблоко» — это другое сущее. Свет действует на глаз, что впоследствии приводит к соответствующей определённости мозга, которая и есть мысль, в данном случае это — мысль о том, как выглядит яблоко. Это — один ряд (цепочка) представлений, начинающийся действием на человеческий глаз света, отражённого от яблока. Звук действует на ухо, затем через нервные волокна получает своё представи-

тельство в мозгу как специфической его определённости, мысли о слышимом звуке «яблоко». Это — другой ряд (цепочка) последовательных представлений, начинающийся с действия на ухо звука «яблоко» и заканчивающийся мыслью, соответствующей этому звуку. Поскольку изначально оба сущие действовали на человека одновременно или, по крайней мере, одно непосредственно после другого, то в мозгу мысли об изображении яблока и звуке «яблоко» появляются либо одновременно, либо одно строго после другого. Поэтому обе мысли есть дифференциальные определённости одного и того же сущего (мозга). В силу этого одна из них может быть континуальным презентантом другой. При этом сами исходные сущие, то есть отражённый от яблока свет и звук «яблоко» не похожи друг на друга. Здесь одно сущее, которое не похоже на другое, есть его представитель, например, звук «яблоко» является презентантом видимого яблока или яблока в его целостности. Правда, в нашем случае правильнее говорить не о представлении двух сущих, а о представлении одной мысли другой.

В нашем анализе необходимо иметь в виду, что речь идёт не только о материальном взаимодействии, а о таком взаимодействии, которое является единством материального и идеального. Такое взаимодействие допускает непосредственное воздействие одного идеального на другое идеальное, то есть это воздействие идёт не через посредство материального, а именно непосредственно, о чём специально речь пойдёт в следующем параграфе.

Та презентативность, о которой до сих пор шла речь, есть презентативность в возможности. Для того чтобы она реализовалась в действительности необходимо, чтобы та определённость сущего, которая представляет определённость другого сущего, была воспринята третьим сущим не как определённость сущего презентанта, а как определённость «другого» сущего. Предположим, что существует некоторое сущее, которое через взаимодействие с третьим сущим, воспринимая его определённость «вогнутый треугольник», воспринимает определённость «вогнутый прямоугольник» второго сущего, не взаимодействуя с ним. Если это произошло, то презентативность реализовалась, если нет, то она так и осталась в возможности.

Теперь рассмотрим презентативность общего других сущих. Для этого вернёмся к нашему примеру, когда вогнутый треугольник третьего сущего был презентантом вогнутого прямоугольника второго сущего. Предположим теперь, что существует такое четвёртое сущее, которое имеет некоторую общность со вторым сущим. При этом возможны два варианта. Первый: данная общность есть та, что презентируется в предыдущем презентативном ряду, то есть вогнутый прямоугольник. Второй: данная общность есть какая-то иная определённость, например, пусть оба (второе и четвёртое) будут иметь еще и выпуклый полуэллипс.

Рассмотрим первый случай (рис. 5). Сравнивая второе и четвёртое сущее, мы видим, что тот факт, что они оба имеют вогнутый прямоугольник одинаковой формы и одного размера, является моментом общности обоих сущих. Согласно определению момент общности сущих является основой соотношения, в то

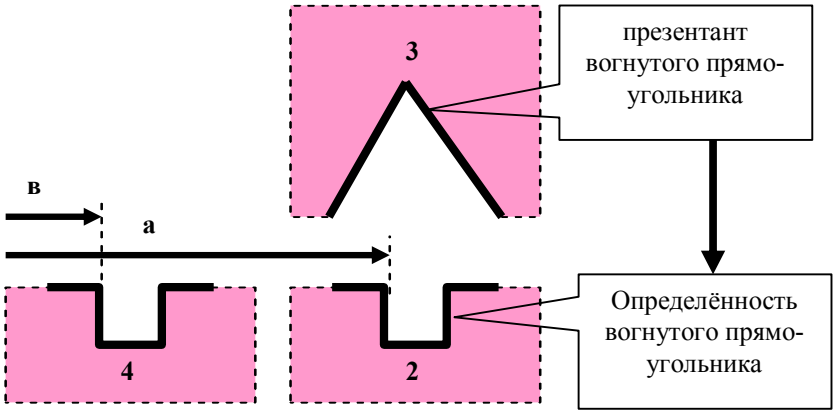


Рис. 5

время как отличие, то есть определённость фиксируется в результате соотношения. Чем же отличаются второе и четвёртое сущее по основанию «вогнутый прямоугольник»? Это отличие состоит в том, что в четвёртом сущем вогнутый прямоугольник находится на расстоянии «**а**» от левого края печатного поля листа, во втором сущем он находится на расстоянии «**в**» от этого же

края печатного листа. При этом «**а**» и «**в**» и есть результат соотношения, пусть «**а**» будет определённостью-позитивом, а «**в**» — определённостью-негативом.

Таким образом, второе сущее имеет две определённости: 1 — «вогнутый прямоугольник»; 2 — «**а**», расстояние вогнутого прямоугольника от левого края печатного листа. Поскольку речь идёт об одном и том же сущем, то одна определённость может быть континуальным презентантом другой. Пусть вогнутый прямоугольник будет континуальным презентантом «**а**». Учитывая, что ранее мы показали, что вогнутый треугольник есть опосредованный презентант вогнутого прямоугольника, то получаем, что вогнутый треугольник есть опосредованный презентант «**а**».

Поскольку «**а**» есть определённость-позитив, а «**в**» — определённость-негатив, то одно может быть релятивным презентантом другого. Пусть «**а**» будет релятивным презентантом «**в**». Тогда вогнутый прямоугольник есть континуальный презентант «**в**», следующий по презентативному ряду в этом направлении. Далее получаем, что вогнутый треугольник третьего сущего есть опосредованный презентант «**в**» четвёртого сущего, которое, как это легко показать, может быть опосредованным презентантом вогнутого прямоугольника четвёртого сущего.

Стало быть, вогнутый треугольник третьего сущего является одновременно опосредованным презентантом вогнутого прямоугольника второго сущего и опосредованным презентантом вогнутого прямоугольника четвёртого сущего. Следовательно, вогнутый треугольник третьего сущего есть опосредованный презентант того общего для второго и четвёртого сущих, чем является вогнутый прямоугольник. Такая презентативность является презентативностью общего, в отличие от ранее продемонстрированной презентативности индивидуального.

Второй случай. Второе и четвёртое сущие имеют определённость выпуклый полуэллипс, который во втором сущем находится на расстоянии «**а**» от левого края печатного поля листа, а в четвёртом сущем — на расстоянии «**в**» (рис. 6). В принципе, рассуждения здесь те же самые, что и в первом случае, поэтому приведём лишь вывод и заключительную часть в виде презентативного ряда: 1 — «вогнутый треугольник» третьего сущего есть опосредованный презентант «вогнутого прямоугольника» второ-

го сущего; 2 — «вогнутый прямоугольник» второго сущего есть континуальный презентант «выпуклого полуэллипса на расстоянии «**а**»» второго сущего; 3 — «выпуклый полуэллипс на

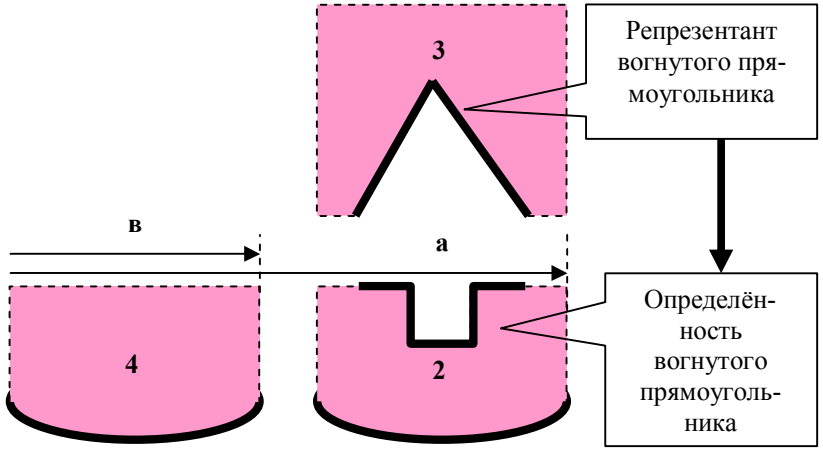


Рис. 6

расстоянии «**а**»» есть релятивный презентант «выпуклого полуэллипса на расстоянии «**в**»» четвёртого сущего. Стало быть, «вогнутый треугольник» третьего сущего есть опосредованный презентант и «выпуклого полуэллипса на расстоянии «**а**»» второго сущего, и «выпуклого полуэллипса на расстоянии «**в**»» четвёртого сущего. Определённости «**а**» и «**в**» в данном выводе специфицируют второе и четвёртое сущее, поэтому они являются лишними, если упоминаются номера сущего, и, наоборот, их указание делает лишним упоминание номера сущего, поэтому достаточно указание одного из этих обстоятельств. Оставив обстоятельство нумерации, получаем, «вогнутый треугольник» третьего сущего есть опосредованный презентант и «выпуклого полуэллипса» второго сущего и «выпуклого полуэллипса» четвёртого сущего. Это означает, что «вогнутый треугольник» третьего сущего есть опосредованный презентант такой общности как «выпуклый полуэллипс».

Таким образом, мы продемонстрировали, как возможна презентативность не только единичной определённости, но и презентативность общей определённости.

Соотношение позволяет описать и коллективную презентативность, и индивидуальную презентативность. В первом случае презентант есть сущее, которое дано в ощущении как минимум двумя людьми, для которых определённость презентанта воспринимается не как его собственная определённость, а как определённость некоторого другого сущего. Примером такой презентативности является язык в разговорном общении между двумя и более людьми. В последнем случае индивидуальный презентант есть сущее, данное в ощущении одному человеку, для которого определённость презентанта воспринимается не как его собственная определённость, а как определённость некоторого другого сущего. Примером такой презентативности является всё тот же язык, но уже в процессе индивидуального чтения. Ведь в данном случае для человека значимо не то, что язык есть продукт коллективного творчества, а только то, в каком именно значении человек понимает читаемые им слова. Кстати, коллективное происхождение языка также реализуется через ряд актов именно индивидуальной презентативности, посредством которой индивидуальный человек использует новое, неизвестное другим людям слово, например, ученый вводит новый философский термин. И лишь позже, когда с этим новым словом он знакомит остальных людей, это слово приобретает черты коллективности. Данное обстоятельство наводит на мысль, что именно индивидуальная презентативность лежит в основе коллективной презентативности.

Мы показали, как возможна презентативность одного сущего другим сущим в одном последовательном презентативном ряду, в параллельных рядах; как может осуществляться коллективная презентативность, и как может образоваться презентативность не только единичного, но и общего.

Глава 7
Взаимодействие

В предыдущем разделе мы достигли определённого уровня законченности в развертывании знания о стационарности. Для дальнейшего понимания сущего как единства материального и идеального следует проанализировать его с позиций взаимодействия. Рассматривая взаимодействие двух сущих, мы как бы возвращаемся в исходный пункт нашего исследования (к соотношению). Такой подход обоснован ещё и тем, что соотношение выражает лишь одну сторону единого процесса, а именно: процесс в его стационарности. Динамику процесса выражает взаимодействие. Рассматривая взаимодействие, мы дополняем общую картину единого процесса, который предстаёт как единство устойчивости и изменчивости. В вопросе соотношения и взаимодействия, их связи с единством устойчивости и изменчивости мы занимаем позицию, близкую позиции В. Н. Сагатовского, который пишет по этому поводу: «Понимание существования как отношения с полной силой заявляет о себе, когда мы переходим к анализу изменения. Устойчивое состояние сущего уже задано определённым отношением, и поэтому при его характеристике допустима абстракция отдельно взятого сущего. При изменении, естественно изменяется само отношение существования. Иными словами, отношение **одного к другому** становится явным, отношение выступает как взаимоотношение. Изменение состояния сущего есть **процесс**. Процесс изменения взаимоотношения есть **взаимодействие**»[1].

Чтобы раскрыть взаимодействие сущих, мы будем опираться на полученную структуру соотношения, преобразуя её в динамическую структуру. Если в соотношении материальное и идеальное были рассмотрены со стороны устойчивости, то теперь наша задача рассмотреть их со стороны изменчивости. Для выяснения

[1] *Сагатовский В. Н.* Философия развивающейся гармонии: философские основы мировоззрения: В 3-х ч. Ч. 2. Онтология С. 72.

структурных элементов взаимодействия рассмотрим простой технический пример штамповки, широко применяемый в производстве (рис. 1). Взаимодействие можно описать как акт изменения сущего следствия $\mathbf{C}^{c}$[1], которое переходит из состояния $\mathbf{C}^{c}_{н}$[2] в состояние $\mathbf{C}^{c}_{к}$, под воздействием сущего причины $\mathbf{C}^{п}$. Ясно, что взаимодействие при штамповке отличается, например, от взаимодействия при химической реакции. Поскольку суть взаимодействия в изменении определённости, то, как соотношения различаются своей основой, так и взаимодействия отличаются тем,

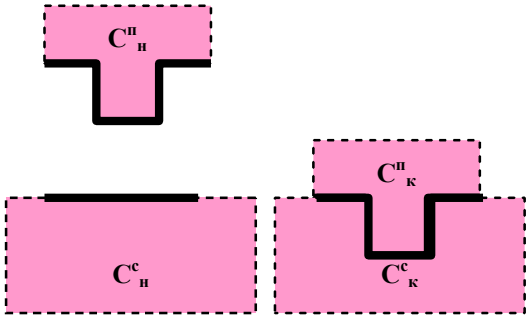


Рис. 1

определённость какого свойства сущих претерпевает изменения. Поэтому для фиксирования различных взаимодействий достаточно такого структурного элемента соотношения как основа, который (элемент) применительно к взаимодействию есть такое его структурное понятие как «основа взаимодействия», в схемах мы будем обозначать его символом «**с**».

В соотношении основа (в случае штамповки — это геометрическая форма) всегда была понята со своей внешней стороны по отношению к соотносящимся сущим (рис. 2). Во взаимодействии эта же самая основа понимается со своей внутренней стороны, обращённой внутрь каждого сущего (рис. 3). Внутреннее пони-

[1] Верхним индексом «с» мы обозначаем сущее, имеющее отношение к следствию, а верхним индексом «п» - сущее, имеющее отношение к причине.

[2] Нижним индексом «н» мы обозначаем начальное состояние сущего, а индексом «к» - конечное состояние сущего.

мание основы соотношения не следует путать с направлением взаимодействия. Это — разные положения. Поэтому в соотношении нас не интересовал вопрос: чем обеспечена основа, мы лишь ограничились констатацией того, что основа должна иметь своего носителя. При обращённости основы соотношения внутрь сущего оказывается, что она может быть обеспечена не всем внутренним содержанием сущего, а лишь какой-то его частью. Например, такое внутреннее свойство сущего как его цвет может и не иметь непосредственного отношения к обеспечению его протяжённости. Это обстоятельство позволяет выделить такой структурный элемент взаимодействия как фундамент взаимодействия, который есть часть сущего, непосредственно участвующая в обеспечении основы взаимодействия. В схемах фундамент взаимодействия мы будем обозначать символом «**ф**». Выделить фундамент взаимодействия помогает то, что он по отношению к основе взаимодействия является сущностным моментом, то есть при исчезновении фундамента взаимодействия исчезает и основа взаимодействия, а, следовательно, разрушается и само взаимодействие. Это обстоятельство является решающим при обнаружении фундамента в конкретных взаимодействиях.

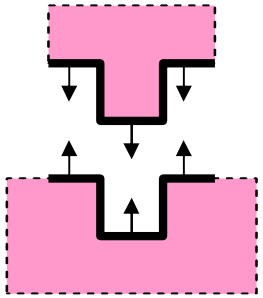


Рис. 2

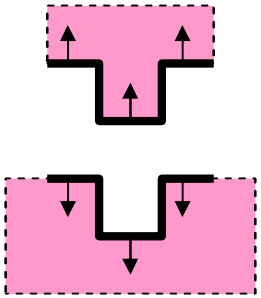


Рис. 3

Введение понятий «основа взаимодействия» и «фундамент взаимодействия» требует некоторой корректировки в содержании тех сущих, которые участвуют во взаимодействии. Суть этой корректировки та же, что и при корректировке структурных элементов соотношения. Поскольку часть содержания взаимодействующих сущих входит в понятия «основа взаимодействия» и «фундамент взаимодействия», то оставшуюся часть содержания этих сущих зафиксируем в понятии «носителя взаимодействия». Таким образом, если в структуре соотношения

было выделено три уровня, то в структуре взаимодействия их — четыре.

И основа взаимодействия, и его фундамент относятся лишь к потенциальным моментам взаимодействия, ибо они не определяют того, было взаимодействие или нет, а это — один из главных вопросов взаимодействия. Ясно, что непосредственное отношение к решению данного вопроса имеет идеальное сущего следствия. На рисунке 1 оно изображено сплошной изогнутой линией вогнутого прямоугольника. Обозначим её как $\mathbf{И^{с}_{к}}$. Достаточно ли этого идеального для реализации взаимодействия, если будет задана основа и фундамент взаимодействия? Допустим, что это так. Но тогда возникает вопрос, почему это идеальное (вогнутый прямоугольник) появляется в результате изменения, ведь без учёта предыдущего идеального (обозначим его как $\mathbf{И^{с}_{н}}$, на рисунке 1 оно изображено как сплошная прямая линия) совершенно неясно, было ли изменение или нет. Если эти идеальные отличаются ($\mathbf{И^{с}_{к} - И^{с}_{н} = \Delta И^{с} \neq 0}$), то изменение могло быть, если они равны ($\mathbf{И^{с}_{к} = И^{с}_{н}; \Delta И^{с} = 0}$), то изменения не было. Стало быть, в акт взаимодействия мы должны включить идеальное начального состояния сущего следствия. Отличие идеального сущего следствия зафиксируем в понятии «результат взаимодействия» ($\mathbf{\Delta И^{с} \neq 0}$).

Понятие результата взаимодействия проясняет соотношение понятий определённости (идеальное) и основы. Именно наличие результата взаимодействия является необходимым условием для существования основы. Ранее эта мысль была выражена в положении о том, что отличие одного сущего от другого обеспечено возможностью различным образом реализации одной и той же основы для неодинаковых сущих. Теперь это же положение можно сформулировать для одного сущего и в обратном направлении. Действительно, если бы сущее по данному основанию всегда имело бы одно и то же идеальное (определённость), то тогда невозможно было бы содержательно отделить понятие основы от понятия идеального (определённость), поскольку этой основе всегда соответствует всего одна вполне конкретная определённость (идеальное), и, наоборот, этой конкретной определённости всегда соответствует одна и та же основа. Стало быть, эта определённость и есть данная основа, и, наоборот, данная

основа и есть эта определённость. Только результат взаимодействия позволяет «оторваться» данной основе от соответствующей определённости (идеальное), поскольку основа — одна, а определённости как минимум — две. Здесь основа проявляет себя как момент устойчивости, а идеальное (определённость) — как момент изменчивости.

Ясно, что вместе с начальным и конечным идеальными мы должны включить в структуру взаимодействия и само сущее следствия в его начальном состоянии. При этом, как и в случае с носителями взаимодействия, мы должны исключить из содержания этого сущего то, что относится к основе взаимодействия, к начальному и конечному идеальному, к фундаменту взаимодействия. Оставшееся содержание сущего обозначим понятиями «начальный носитель взаимодействия». В соответствии с этим конечное состояние этого сущего обозначим как «конечный носитель взаимодействия».

Сами по себе первое и второе состояния одного сущего, рассмотренные как самостоятельные сущие, ещё не обеспечивают наличие взаимодействия. Их указание достаточно лишь для того, чтобы задать соотношение. Недостаточность для взаимодействия обусловлена, прежде всего, тем, что оба состояния оказываются ещё не связанными между собой. Эта связь возникает лишь при условии, если будет констатировано, что конечное состояние является изменением начального. Но что же будет критерием для такого утверждения? Откуда известно, что конечное состояние сущего есть изменение начального состояния того самого сущего, а не другого самостоятельного сущего? Чем изменение одного и того же отличается от уничтожения одного и возникновения другого? Решить данный вопрос, находясь в рамках данного соотношения и взаимодействия, невозможно. Для этого нужен выход за его границы, при котором мы обнаруживаем степень отличия в данном отдельном акте изменения. Поэтому внутри отдельно взятого взаимодействия мы можем лишь постулировать, что конечное состояние сущего есть изменение начального состояния этого же сущего.

Констатировав такое изменение, мы окончательно вышли из категориального содержания соотношения и вошли в специфику категории взаимодействия. Однако достаточно ли присутствия

данной специфики для реализации взаимодействия? Нет, ибо здесь отсутствует ещё один из главных фигурантов взаимодействия — это сущего причины, которое в качестве такого структурного элемента как носитель является участником взаимодействия. Уточнение содержания этого элемента взаимодействия начнем с ответа на вопрос: является ли здесь сущее причины устойчивым или изменяющимся сущим? С одной стороны, на примере штамповки, мы видим, что геометрическая форма штампа-образца осталась неизменной, причем данная его устойчивость является необходимым условием штамповки. Но, с другой стороны, если сущее причины будет находиться в полной устойчивости, то это не приведёт к каким-либо изменениям сущего следствия. На примере штамповки видно (рис. 4), что именно переход сущего причины из начального состояния, когда оно находится

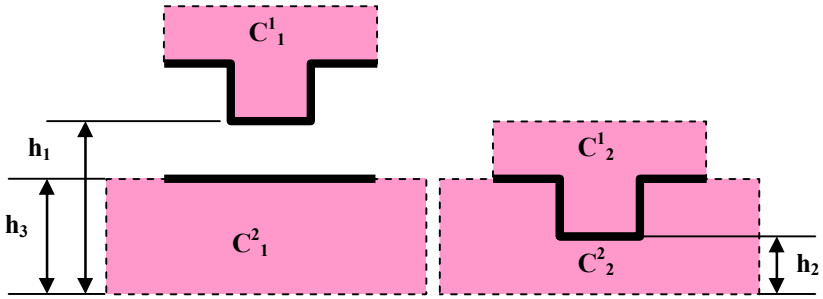


Рис. 4

на высоте $\mathbf{h_1}$**,** в конечное состояние, когда оно находится на высоте $\mathbf{h_2}$**,** обеспечивает данное взаимодействие. (Конечно, относительно конкретного примера штамповки можно возразить, что возможна такая техническая конструкция, при которой двигаться будет не штамп-образец, а сама заготовка. Но в рамках отдельно взятого взаимодействия обе ситуации тождественны, поэтому мы всегда сможем говорить об изменении сущего причины.) То обстоятельство, что сущее причины находится на высоте $\mathbf{h_1}$, фиксируется в идеальном, соответствующем его начальному состоя-

нию ($\mathbf{M^{п}_{н}}$)[1]. Тогда обстоятельство (то, что оно находится на высоте $\mathbf{h_2}$) фиксируется в идеальном, соответствующем его конечному состоянию ($\mathbf{M^{п}_{к}}$). Различие этих положений ($\mathbf{M^{п}_{к} - M^{п}_{н} = \Delta M^{п} \neq 0}$) связано с реализацией взаимодействия.

Стало быть, участником взаимодействия является не сущее причины, взятое в его устойчивости, а два его состояния, отражающие его изменение. Ясно, что сказанное относительно изменения сущего следствия справедливо и в отношении сущего причины, то есть мы можем лишь констатировать, что начальное и конечное состояния сущего причины есть разные состояния одного и того же сущего. В силу того, что изменение первого сущего есть именно изменение, то возникает вопрос: следует ли это изменение включать в содержание понятия «результат взаимодействия»? Думаем, что нет, ибо понятие «результат взаимодействия» связано с содержанием другого понятия — «основа взаимодействия». Основа взаимодействия как геометрическая форма поверхности сущего следствия отлична от высоты расположения штампа над заготовкой, которая (высота) есть основа изменения сущего причины. Содержательно высота расположения входит в фундамент взаимодействия.

Рассматривая взаимодействие на конкретном примере штамповки, мы взяли простейший пример взаимодействия, в котором изменяется лишь геометрическая форма сущего следствия (заготовка), в то время как геометрическая форма сущего причины остаётся неизменной (штамп-образец). В реальности штамп-образец так же, как и заготовка, меняет свою форму, только это изменение незначительно по сравнению с изменением заготовки. Мы не стали рассматривать это изменение сущего причины, для того, чтобы вначале рассмотреть простой вариант взаимодействия. При всестороннем описании взаимодействия, конечно же, должны быть учтены и соответствующие изменения сущего причины, которые следует включить в содержание понятия «результат взаимодействия». Когда исключается из рассмотрения таких

[1] Поскольку эта определённость входит в состав материального, которое задаётся как материальное по отношению к идеальному по такой основе как геометрическая форма, то для отличия этих идеальных мы будем использовать другое обозначение — «М».

изменений, то имеет место не с взаимодействием, а — воздействием.

Таким образом, здесь присутствует два изменения: изменение сущего причины ($\mathbf{М^{п}_{к} – М^{п}_{н}}$) и изменение сущего следствия ($\mathbf{И^{2}_{2} – И^{2}_{1}}$), произошедших по различным основаниям (**с** и **ф**). Чтобы отобразить различие оснований, используем следующую форму записи этих изменений: [$\mathbf{М^{п}_{к}(ф) – М^{п}_{н}(ф)}$] — для первого сущего, и соответственно для второго сущего будет: [$\mathbf{И^{с}_{к}(с) – И^{с}_{н}(с)}$]. Однако в таком своём виде они представляют собой самостоятельные отдельные изменения. Реализация взаимодействия идёт через соединение этих изменений: [$\mathbf{М^{п}_{к}(ф) – М^{п}_{н}(ф)}$] → [$\mathbf{И^{с}_{к}(с) – И^{с}_{н}(с)}$]. Записав взаимодействие в таком виде, мы следуем традиции материалистической диалектики в развитии понятия «причинности до понятия взаимодействия»[1], когда причина понимается именно как изменение состояния[2]. В нашем случае мы конкретизировали запись причинности в виде схемы ($x_b \rightarrow x_g$) ($y_b \rightarrow y_g$), принятой в материалистической диалектике[3]. Эта конкретизация была реализована в том, что связь между различными состояниями одного и того же[4] сущего была представлена через соотношение. При этом выделяется особенная функция результата взаимодействия, основы взаимодействия, фундамента взаимодействия. Это уточнение позволило выразить теоретическое положение, что во взаимодействии сущих принимают участие их разные основания, поэтому при взаимодействии мы имеем дело не с одним соотношением, а, по крайней мере, с двумя соотношениями по различным основам.

В строгом смысле правильнее говорить не о том, что взаимодействие есть динамическое соотношение, а о том, что взаимодействие реализуется, по крайней мере, за счёт двух динамических соотношений. Когда мы говорим, что причинно-

---

[1] Материалистическая диалектика. В 5 т. Т. 1. Объективная диалектика. М., 1981. С. 218.

[2] *Панцхава И. Д., Пахомов Б. Я.* Диалектический материализм в свете современной науки. М., 1971.

[3] Материалистическая диалектика. ... С. 214 – 215.

[4] Об одном и том же сущем речь идёт именно в относительном случае, а не как пример соотношения с одним и тем же его участником, ибо наличие любого отличия уже свидетельствует, что в строгом смысле имеются два сущих.

следственное взаимодействие есть соотношение, где причина и следствие являются участниками этого соотношения, нужно иметь в виду, что сами эти причина и следствие, в свою очередь, есть соотношения, в которых фиксируется изменение сущего причины и изменение сущего следствия.

Взгляд на взаимодействие в контексте категории соотношения позволил не только посмотреть с иной стороны на причинность, но и поставил вопрос об обоснованности связи причины как изменения и следствия как изменения, которые реализуются на разных основах (**с** и **ф**). Выясним возможности обоснования со стороны такого момента причинности как временность, которая означает «последовательность причины и следствия во времени: причина предшествует следствию»[1]. Если понимать причину как соотношение изменения и следствие как другое соотношение изменения, то в одном из смыслов причина и следствие одновременны. Действительно, идеальное начального состояния сущего причины и идеальное начального состояния сущего следствия могут соответствовать одному и тому же моменту времени. Штамп-образец в состоянии над заготовкой (высота $\mathbf{h_3}$) существует в то же время, как и заготовка существует до момента проникновения в неё штампа. Это справедливо и для идеального конечного состояния обоих сущих.

Таким образом, с точки зрения соотношения изменения идеального уже нельзя утверждать, что «временной интервал между причиной и следствием может быть очень малым, но он всегда имеется»[2]. Здесь мы иным образом, нежели это было сделано А. И. Уёмовым[3], провели обоснование одновременности изменения причины и изменения следствия. Подчёркиваем, причина и следствие одновременны именно с этих позиций, что не отрицает наличия других оснований для присутствия момента времени в причинно-следственном взаимодействии.

Относительно проблемы времени следует заметить, что физика как раз и исходит из одновременности причины и следствия.

---

[1] Материалистическая диалектика. ... С. 211.

[2] *Иванов В. Г.* Детерминация, инициация, детерминизм // Проблемы диалектики. Вып. 1. Л., 1972. С. 106 – 107.

[3] *Уемов А. И.* О временном соотношении между причиной и действием. Иваново. 1960.

Правда, существует и другой взгляд на физическое время. Мы имеем в виду концепцию причинной механики Н. А. Козырева, который в основу своих рассуждений положил именно наличие временного интервала между причиной и следствием[1]. Однако при этом Н. А. Козырев пришёл к нетрадиционным результатам относительно времени и энергии, онтологическое обобщение которых может привести к пересмотру некоторых устоявшихся характеристик причинно-следственных взаимодействий. В отношении момента времени в причинности не следует забывать и положение о необходимой трехмерности времени для всякого физического события, обоснованное Р. О. ди Бартини. Мы полагаем, что онтологическое содержание временности причинности сильно зависит от конкретного физического понимания времени. В рамках традиционной концепции линейного времени сказанное здесь относительно одновременности причины и следствия не означает полного отсутствия времени во взаимодействии, ибо идеальное начального и конечного состояний обоих сущих разнесено во времени.

Выясним теперь, в какой мере искомым обоснованием воздействия основы взаимодействия на фундамент взаимодействия может выступать такой момент причинности как асимметричность, которая означает, что «следствие определённой причины не может быть причиной этой же причины. Асимметричность причинности непосредственно вытекает из временной последовательности причины и следствия»[2]. Если принять одновременность причины (как соотношение изменения идеального одного сущего) и следствия (как соотношение изменения идеального другого сущего), то асимметричность оказывается уже не связанной необходимым образом с временной последовательностью. Однако это не означает отсутствия самого признака асимметричности, ибо остаётся главное различие между двумя соотношениями изменения идеального в акте рождения. Для того чтобы понять один из аспектов этого различия, необходимо

---

[1] *Козырев Н. А.* Причинная механика и возможность экспериментального исследования времени // История и методология естественных наук // Физика. 1963. Т. 2. С. 98 – 113.

[2] Материалистическая диалектика. ... С. 212.

уточнить границы взаимодействия.

Обратимся к нашему примеру со штамповкой. С взаимодействием можно связать три этапа. Первый этап — это изменение штампа-образца, когда он с высоты $\mathbf{h_1}$ снижается до высоты $\mathbf{h_3}$, при этом геометрическая форма заготовки остаётся неизменной. Второй этап — это изменение штампа-образца, когда он с $\mathbf{h_3}$ снижается до высоты $\mathbf{h_2}$, при этом изменяется форма заготовки. Третий этап — это изменение штампа-образца, когда он с высоты $\mathbf{h_2}$ поднимается, например, до высоты $\mathbf{h_3}$.

На втором этапе изменение штампа-образца совпадает (момент равенства) с изменением заготовки. Поэтому в данном аспекте можно говорить о неразличимости этих изменений, а значит о неразличимости причины и следствия. В самом деле, если нашему восприятию доступен только второй этап, а первый и третий этапы скрыты, то нет оснований для различия этих изменений (причины как изменения и следствия как изменения), ибо мы воспринимаем их не как разные изменения, а как одно изменение. Однако во второй главе мы показали, что равенство есть лишь один момент соотношения. Другим его моментом является отличие. Поскольку в моменте равенства отражено равенство идеального, то, согласно определению соотношения, к моменту отличия следует отнести всё то, что относится к содержанию носителя соотношения, то есть то, что есть материальное в причине и следствии. Материальное выражает собой фактор опосредования по отношению к идеальному, которое есть непосредственное. Именно уровень материального в причинности и выражает признак асимметричности, который отражает в акте рождения лишь различие опосредованных моментов. Всё это справедливо лишь в том случае, если мы не выходим за границы второго этапа.

Рассмотрение взаимодействия с позиций всех трёх этапов позволяет установить соотношение, где участниками будут именно данные этапы, взятые в своей целостности. Это — соотношение другого уровня, нежели соотношение изменения для причины и соотношение изменения для следствия. Установление этих соотношений показывает, что отличительной особенностью является то, что сущее причины испытывает изменения во всех трех этапах, в то время как изменение сущего следствия присутствует

лишь во втором, среднем этапе, в остальных (первом и третьем) следствие присутствует как устойчивость. Это различие и фиксируется в признаке асимметричности, который в данном случае действительно сопровождается временной последовательностью, ибо все три этапа распространены во времени.

Можно по-разному относиться к включению первого и третьего этапов в содержание взаимодействия, но включение туда второго этапа остаётся несомненным. Положение об одновременности изменения причины и изменения следствия в границах второго этапа разрушает основание для связи этих изменений, ибо ранее этим основанием была временная последовательность. Поскольку вывод об одновременности причинных изменений и следственных изменений был сделан на основе анализа причинного взаимодействия в контексте содержания категории соотношения, то следует проанализировать возможности, которые предоставляет этот контекст для обоснования связи изменения следствия именно с данными изменениями причины.

Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что геометрическая форма выпуклого прямоугольника конечного состояния сущего причины является позитивом, а идеальное (вогнутый прямоугольник) конечного состояния сущего следствия является негативом одной и той же определённости (прямоугольник). Это хорошо видно на рисунке 4. Условие равенства этих геометрических форм и связывает оба изменения, реализуя из них взаимодействие. Данное равенство есть главное условие взаимодействия. Если сутью соотношения является отличие (результат соотношения), реализующееся на основе равенства (основа соотношения), то сутью взаимодействия является именно равенство, обеспеченное неравенством.

Однако для того чтобы это положение было включено в содержание взаимодействия, необходимо прояснить: каким образом геометрическая форма (основа взаимодействия) сущего причины связана с изменением положения (фундамент взаимодействия) штампа-образца. Ведь конкретная геометрическая форма, например, прямоугольник или прямая линия, это совершенно иное идеальное, нежели идеальное, как положение штампа-образца, выраженное расстояниями $\mathbf{h_1}$ и $\mathbf{h_2}$. Для того, чтобы отличать эти идеальные, необходимо указывать их основы, то есть идеальное по

основе взаимодействия (геометрическая форма) обозначим как **$И^{п}_{к}$(с)**, а идеальное как высоту расположения (фундамент взаимодействия) штампа-образца обозначим как **$М^{п}_{к}$(ф)**.

Смысл взаимодействия в том, что соответствие между начальным неравенством и конечным неравенством двух сущих реализуется через их относительное равенство. Если убрать из этого положения равенство, тогда невозможно обосновать связь двух неравенств. Поскольку равенство является необходимым и значимым моментом взаимодействия, выясним, какие существуют теоретические возможности его достижения? Исходя из содержания сущего как единства материального и идеального, формально есть несколько возможностей. Поскольку непосредственно к взаимодействию относятся оба конечные сущие, то установление взаимодействия описывается материальным равенством и идеальными равенством именно этих сущих. Необходимо учитывать то обстоятельство, что идеальное одного сущего не может непосредственно воздействовать на материальное другого сущего; и, наоборот, материальное одного сущего не может непосредственно воздействовать на идеальное другого сущего. Такое требование вытекает из единства материального и идеального внутри сущего. В противном случае, если разрешить подобные воздействия, то материальное одного сущего окажется связанным с идеальным данного сущего в той же степени, что и с идеальным другого сущего. Это разрушает границы между сущими. В дополнении к этому невозможно равенство между материальным и идеальным, ибо они являются различными функциональными элементами сущего. Таким образом, имеется всего две возможности реализации взаимодействия: 1 — **$М^{п}_{к}$ = $М^{с}_{к}$**; 2 — **$И^{п}_{к}$(с) = $И^{с}_{к}$(с)**.

Рассмотрим первую возможность (**$М^{п}_{к}$ = $М^{с}_{к}$**). Для этого посмотрим, что относится к материальному а что к идеальному в структуре взаимодействия. Степень материального и идеального в обоих сущих задаётся теми соотношениями, которые присутствуют в данном взаимодействии. Ничего нового (по сравнению с тем, что задаёт соответствующее соотношение во взаимодействии) в материальном и идеальном нет. Различие не в «массе» материального и идеального, а в распределении непосредственного и опосредованного участия во взаимодействии между внут-

ренними частями материального и внутренними частями идеального.

Так же, как и в соотношении, к материальному во взаимодействии относятся: носители взаимодействия, основа взаимодействия (**с**), фундамент взаимодействия (**ф**) и соответствующие ему (фундаменту) определённости. Основа и фундамент взаимодействия изначально фиксируют в себе равенство соответствующих частей материального, причём это равенство присутствовало и до взаимодействия. Поэтому равенство основы и фундамента взаимодействия не является решающим во взаимодействии. Не может быть речи и о равенстве носителей взаимодействия, ибо по определёнию в носителе представлено всё то, что не имеет непосредственного отношения к взаимодействию. Стало быть, в равенстве материального речь идёт о той части материального, которая относится к определённости фундамента взаимодействия, то есть $\mathbf{M^{п}_{к}(ф) = M^{с}_{к}(ф)}$. Именно определённости фундамента взаимодействия различны вначале у обоих сущих $\mathbf{[M^{п}_{н}(ф) \neq M^{с}_{н}(ф)]}$. Что же означает их равенство в конце?

Поясним это на примере штамповки. Фундамент взаимодействия фиксирует в себе высоту расположения штампа-образца в каждый момент времени, то есть в его содержание входит вертикальное движение штампа-образца. Определённость штампа-образца по фундаменту взаимодействия, находящегося в покое, отлична от определённости фундамента взаимодействия штампа-образца, находящегося в движении ($\mathbf{M^{п}_{н} \neq M^{п}_{к}}$). Это отличие как раз и состоит в наличии движения для конечного состояния. Штамповка на техническом языке означает, что закон движения штампа-образца после контакта с заготовкой распространяется и на соприкасающуюся часть заготовки, что и приводит к изменению формы заготовки в части соприкосновения. Технический термин «распространение закона движения» и есть онтологическое равенство определённостей фундамента взаимодействия $\mathbf{[M^{п}_{к}(ф) = M^{с}_{к}(ф)]}$, ибо распространение закона движения означает, что закон движения некоторых частей (только фундамента) сущего, относящегося к следствию, будет тот же (момент равенства), что и закон движения сущего, относящегося к причине.

Представление о материальном как основе, фундаменте и носителе взаимодействия означает, что равенство взаимодейст-

вующих сущих по фундаменту реализуется на разных носителях. Различие в носителях обосновывает невозможность полного совпадения идеального причины и идеального следствия: «причинное воздействие в общем случае означает перенос движения и структурных элементов с одного объекта на другой (момент равенства фундаментов сущих — *П. К.*), и этот перенос, как правило, связан с преобразованием формы движения и структурных моментов в соответствии со специфическим содержанием объектов (специфическое содержание и есть носитель взаимодействия — *П. К.*), являющихся причиной и следствием»[1]. Понятие носителя взаимодействия позволяет в понятийной форме выразить мысль о наличии в причине и следствии различного содержания. Эта специфика является необходимой в причинности. Понятие носителя взаимодействия восходит к традиции неоплатоников, которые считали материю источником зла, ибо именно она не позволяет в точности реализоваться идеальному как образцу, именно она в силу своего состава и искажает изначальный божественный образец (идеальное). Поэтому равенство, о котором мы говорим, есть относительное равенство. Мы формулируем его как равенство с минимальным отличием [$\mathbf{M^{п}_{к}(ф) - M^{с}_{к}(ф) = \Delta M(ф) = min}$]. На примере штамповки относительность данного равенства проявляется в том, что химический состав штампа-образца отличается от химического состава заготовки, поэтому один и тот же закон движения реализуется по-разному для этих сущих. Поэтому, как мы покажем далее, форма штампа-образца никогда строго не тождественна форме заготовки.

Данное относительное равенство проясняет нам содержание понятия «фундамент взаимодействия». В примере штамповки в это понятие не входят приграничные молекулы (или атомы), ибо их относительное равенство в конечных состояниях обоих сущих будет означать, что это одни и те же молекулы, что приведёт к неразличимости частей обоих сущих. Не входят в содержание и некоторые характеристики этих молекул, например, их пространственное расположение, так как оно разное у приграничных молекул конечного состояния обоих сущих. Ясно, что фундамент связан именно с приграничными молекулами обоих сущих. От-

[1] Материалистическая диалектика. ... С. 212.

носительное равенство определённостей фундамента означает, что в содержание фундамента в примере штамповки следует включить только закон движения приграничных молекул. Тогда относительное равенство определённостей фундаментов обоих сущих в конечном состоянии является одним из звеньев в обосновании связи между причиной как изменением и следствием как изменением, которая (связь) приобретает следующий вид: $[\mathbf{М^{п}_{к}(ф) - М^{п}_{н}(ф)}] \rightarrow [\mathbf{М^{п}_{к}(ф) = М^{с}_{к}(ф)}] \rightarrow [\mathbf{И^{с}_{к}(с) - И^{с}_{н}(с)}]$. Однако эта формула не может считаться окончательной, ибо в ней ещё не обоснован переход от фундамента взаимодействия к его основе (**ф** → **с**), и не обоснована необходимость результата взаимодействия, то есть необходимость отличия идеального начального и конечного состояний сущего следствия $[\mathbf{И^{с}_{н}(с) \neq И^{с}_{к}(с)}]$.

Относительное равенство материального обоих сущих как относительное равенство определённостей фундамента взаимодействия $[\mathbf{М^{п}_{к}(ф) = М^{с}_{к}(ф)}]$ привело к неравенству определённостей фундамента взаимодействия сущего следствия в начале и в конце взаимодействия $[\mathbf{М^{с}_{н}(ф) \neq М^{с}_{к}(ф)}]$, ведь это сущее также содержит в своём материальном фундамент взаимодействия. Главная функциональная особенность фундамента взаимодействия состоит в обоснованности основы взаимодействия, то есть в этом положении и осуществляется связь двух разнокачественных основ, которыми в случае штамповки являются закон движения (**ф**), проявлением чего и является изменение высоты расположения штампа-образца и геометрической формы (**с**). Хотя эти основы и являются разными, но в данном случае обоснованность геометрической формы законом движения прозрачна, ибо именно закон движения точек поверхности и обеспечивает геометрическую форму этой поверхности. Однако в науке такая прозрачность — скорее редкость, чем закономерность. Даже когда такая обоснованность ясна на «качественном» уровне, на количественном уровне она редко реализуема. Примером является обусловленность всех явлений классической механики электромагнитными взаимодействиями. Этим в области физики мы занимались обусловленностью трех видов механического сопротивления электромагнитными явлениями: активного, индуктивного и ем-

костного сопротивления[1]. Чаще в науке устанавливается связь между свойствами предмета исследования феноменологически. В логике для этого разработаны специальные методы научной индукции: метод отбора, метод исключения, метод сходства, метод различия, соединительный метод сходства и различия, метод сопутствующих изменений, метод остатков. Связь двух основ в одном сущем есть ничто иное, как обоснование континуальной презентативности, когда одно свойство было представителем другого свойства.

Обоснованность основы взаимодействия фундаментом взаимодействия в рамках одного сущего означает некоторое соответствие определённостей по различным основам соотношения, то есть [**М(ф) ⇒ И(с)**]. В примере со штамповкой конкретному закону движения соответствует вполне конкретная специальная геометрическая форма. В физике по этому принципу построены все физические законы, устанавливающие соответствие между количествами различных качеств, например, закон о зависимости изменения объёма тела от его температуры.

В соответствии с обоснованием основы фундаментом взаимодействия [**М(ф) ⇒ И(с)**] вышедшее из равновесия определённость сущего следствия по фундаменту взаимодействия [$\mathbf{М^{с}_{н}(ф) \neq М^{с}_{к}(ф)}$] выводит из равновесия и идеальное сущего следствия по основе взаимодействия [$\mathbf{И^{с}_{н}(с) \neq И^{с}_{к}(с)}$]. Действительно, каждому члену неравенства по фундаменту соответствует специфическое идеальное по основе {$\mathbf{[М^{с}_{н}(ф) \Rightarrow И^{с}_{н}(с)] \neq [М^{с}_{к}(ф) \Rightarrow И^{с}_{к}(с)]}$}. Отличие идеальных сущего следствия по основе есть результат взаимодействия, то есть мы обосновали необходимость возникновения результата взаимодействия. Теперь следует обосновать относительное равенство идеальных обоих сущих по основе в конечном состоянии.

Поскольку сущее причины так же, как и сущее следствия, в своем материальном содержит как основу взаимодействия, так и фундамент взаимодействия, то для каждого их состояния имеется аналогичное соответствие между их идеальными, например, для конечного состояния сущего причины [$\mathbf{М^{п}_{к}(ф) \Rightarrow И^{п}_{к}(с)}$] или для ко-

[1] *Колычев П. М.* Использование понятия «импеданс» для анализа механических систем. Саратов. 1986. Деп. ИНИОН АН СССР 02.04.86 г., № 2310-В. – 9 с.

нечного состояния сущего следствия [$\mathbf{М^{с}_{к}(ф) \Rightarrow И^{с}_{к}(с)}$]. Учитывая относительное равенство определённостей по фундаменту конечного состояния обоих сущих, и то, что обоснование основы фундаментом для обоих сущих одно и то же, следует ожидать относительное равенство идеальных обоих сущих по основе взаимодействия для конечного состояния [$\mathbf{И^{п}_{к}(с) - И^{с}_{к}(с) = \Delta И(с) = min}$]. В примере со штамповкой это означает следующее. Из того, что для обоих сущих выполняется одно и то же обоснование законом движения геометрической формы и что это — один и тот же закон, следует, что и геометрическая форма обоих сущих будет одна и та же.

Итак, связи изменения причины и изменения следствия в полном своём объёме имеют следующий вид: $\mathbf{[М^{п}_{к}(ф) - М^{п}_{н}(ф)] \rightarrow [М^{п}_{к}(ф) = М^{с}_{к}(ф)] \rightarrow [М^{п}_{к}(ф) - М^{с}_{к}(ф) = \Delta М(ф) = min] \rightarrow \{[М^{с}_{н}(ф) \neq М^{с}_{к}(ф)] + [М(ф) \Rightarrow И(с)]\} \rightarrow \{[М^{с}_{н}(ф) \Rightarrow И^{с}_{н}(с)] \neq [М^{с}_{к}(ф) \Rightarrow И^{с}_{к}(с)]\} \rightarrow [И^{с}_{к}(с) - И^{с}_{н}(с) = \Delta И^{с}(с) \neq 0] \rightarrow \{[М^{п}_{к}(ф) = М^{с}_{к}(ф)] + [М^{п}_{к}(ф) \Rightarrow И^{п}_{к}(с)] + [М^{с}_{к}(ф) \Rightarrow И^{с}_{к}(с)]\} \rightarrow [И^{п}_{к}(с) - И^{с}_{к}(с) = \Delta И(с) = min]$. Здесь схематично представлены следующие положения причинного материального взаимодействия: 1. Причина как изменение сущего, при этом само изменение обусловлено отличием идеального этого сущего в начале и в конце взаимодействия — [$\mathbf{М^{п}_{к}(ф) - М^{п}_{н}(ф) = \Delta М^{п} \neq 0}$]. 2. В изменении идеального необходимо учитывать основу в применении к сущему причины, эта основа называется фундаментом взаимодействия (**ф**). 3. Взаимодействие осуществляется за счёт того, что материальное сущего причины равно материальному сущего следствия — [$\mathbf{М^{п}_{к}(ф) = М^{с}_{к}(ф)}$]. 4. Из-за того, что фундамент взаимодействия реализован на разных носителях, то речь может идти только об относительном равенстве [$\mathbf{М^{п}_{к}(ф) - М^{с}_{к}(ф) = \Delta М(ф) = min}$]. 5. Относительное равенство определённостей обоих сущих по фундаменту взаимодействия в конечном состоянии обеспечивает неравенство определённостей начального и конечного состояний сущего следствия по фундаменту [$\mathbf{М^{с}_{н}(ф) \neq М^{с}_{к}(ф)}$]. 6. Фундамент взаимодействия является обоснованием основы взаимодействия, что выражается в соответствии между определённостью фундамента взаимодействия и идеальным основы взаимодействия одного и того же сущего, находящегося в одном и том

же состоянии $\{[\mathbf{М^{п}_{к}(ф) \Rightarrow И^{п}_{к}(с)}]; [\mathbf{М^{с}_{к}(ф) \Rightarrow И^{с}_{к}(с)}]\}$. 7. Из неравенства идеальных (начального и конечного состояний сущего следствия по основе взаимодействия (положение 5)) и обоснования основы фундаментом взаимодействия (положение 6) следует необходимость отличия идеальных начального и конечного состояний сущего следствия по основе. А это означает необходимость существования результата взаимодействия $[\mathbf{И^{с}_{к}(с) - И^{с}_{н}(с) = \Delta И^{с}(с) \neq 0}]$. 8. Из относительного равенства определённостей конечного состояния обоих сущих по фундаменту взаимодействия (положение 4) и обоснованности основы фундаментом взаимодействия следует относительное равенство идеальных конечного состояния обоих сущих по основе взаимодействия $[\mathbf{И^{п}_{к}(с) - И^{с}_{к}(с) = \Delta И(с) = min}]$.

Полученное нами положение об относительном равенстве части материального взаимодействующих сущих (положение 4) может быть отнесено к такому моменту признака генетичности причинного взаимодействия[1] как условие, ведь для «действия причины необходимы определённые условия, которые сами по себе не могут породить следствие, но создают возможность для его возникновения, и эта возможность превращается в действительность, когда начинает действовать причина»[2]. Представление о сущем как о единстве материального и идеального позволяет конкретизировать содержание, по крайней мере, части условия причинности, оставаясь при этом на уровне всеобщего. Содержательное отличие относительного равенства части материального взаимодействующих сущих от изменения (неравенства) причины позволяет уже не просто констатировать факт отличия условия от причины, но и наполнять это отличие функциональным различием условий и причины. Это помогает аргументировано противостоять тезису о сведении причинности к совокупности всех условий[3]. Предложенное отличие условия и причины можно считать дополнением к их относительному отличию, когда «каждое условие в определённом отношении является причиной, а

[1] Иногда понятия генетичности и причинности рассматривают как самостоятельные понятия, см., например, *Штофф В. А.* Моделирование и философия. Л., 1966, С. 188.

[2] Материалистическая диалектика. ... С. 211.

[3] *Свечников Г. А.* Категория причинности в физике. М., 1961. С. 30.

каждая причина в соответствующем отношении является условием»[1]. С самим же признаком генетичности (который означает, что причина «вызывает, производит, порождает следствие»[2]) связано и положение 6, ведь именно здесь фиксируется связь между основой и фундаментом взаимодействия.

Из принципа единства материального и идеального вытекает положение о необходимости соответствия первого второму. Именно это положение лежит в основе реализации второй возможности взаимодействия – идеального взаимодействия. Соответствие между материальным и идеальным является теоретическим положением, обосновывающим такой признак причинности как однозначность, когда «одна и та же причина при одинаковых условиях вызывает одно и то же следствие»[3]. Однако положение соответствия между материальным и идеальным шире, чем однозначность причинности. Ибо оно выступает «движущей причиной», то есть тем, посредством чего изменения причины реализуются как изменения следствия. Поэтому это положение связано и с генетическим признаком причинности.

Описанное выше материальное взаимодействие на примере штамповки, обладая визуальной наглядностью, задаёт нам абстрактный «рисунок» взаимодействия. Воспользуемся этим для описания материального канала взаимодействия в химии. При рассмотрении онтологической категории взаимодействия в конкретных науках, как это будет показано ниже, следует иметь в виду, что, как и в случае с онтологической категорией соотношения, далеко не всё то, что считается взаимодействием в конкретных науках, совпадает с онтологическим содержанием этой категории. Поэтому следует ожидать не совпадения содержания онтологической категории взаимодействия с содержанием соответствующих конкретно-научных понятий. В химии наиболее близким к онтологическому взаимодействию является понятие химической реакции, ибо именно в реакции главную роль выполняет подлинно химическое основание: состав химического вещества.

---

[1] *Свечников Г. А.* Диалектико-материалистическая концепция причинности // Современный детерминизм. Законы природы. М., 1973. С. 131.

[2] Материалистическая диалектика. ... С. 211.

[3] Материалистическая диалектика. ... С. 212.

Рассмотрим взаимодействие двух химических веществ: алюминия и кислорода.

$$\mathbf{4Al + 3O_2 = 2Al_2O_3}$$

С этой простой реакцией окисления сталкивается каждый, кто пользуется алюминиевой посудой, состоящей не только из чистого алюминия, но и из оксида на его поверхности.

Взаимодействующими сущими здесь являются кислород и алюминий. Основой взаимодействия будет состав (**с**). Причиной (как изменение) будет изменение кислорода, следствием (как изменение) будет изменение алюминия. Идеальным сущего следствия будет определённость его состава. В начальном состоянии идеальное следствия [$\mathbf{И^с_н(с)}$] будет химический состав сущего следствия, то есть **Al**. В конечном состоянии идеальное сущего следствия [$\mathbf{И^с_к(с)}$] будет химический состав, в который входит как алюминий (**Al**), так и кислород (**O**). Например, «алюминиевая» ложка содержит в себе не только чистый алюминий, но и оксид алюминия на своей поверхности, поэтому в строгом смысле ложка состоит из алюминия и оксида алюминия, то есть, если мы обращаем внимание только на атомарный состав, то ложка состоит из алюминия и кислорода.

Отличие идеального начального и конечного состояния сущего следствия задают нам результат взаимодействия [$\mathbf{И^с_к(с) - И^с_н(с) = \Delta И \neq 0}$] (положение 8). Этим результатом является кислород, присутствующий в оксиде алюминия. Именно только кислород, а не весь оксид алюминия, ибо сам алюминий присутствует как в идеальном начального состояния, так и в идеальном конечного состояния, а отличаются они именно кислородом. В этом в частности проявляется отличие онтологического содержания категории взаимодействия от содержания понятия химической реакции, ибо продуктом химической реакции является оксид алюминия.

Для того чтобы выявить фундамент взаимодействия, воспользуемся положением об относительном равенстве его определённостей в конечном состоянии обоих сущих. Условия химической реакции могут быть как физическими, так и химическими; к последним относится присутствие в химической реакции необходимого катализатора. К физическим условиям относятся, на-

пример, температура и давление, при которых может быть осуществлена реакция. Когда мы говорим о химической реакции, то мы, как правило, имеем в виду такую реакцию, которая осуществляется в «нормальных» условиях, то есть при нормальном давлении, при средней температуре, которые характерны для современной земной поверхности. Эти постоянные, привычные условия вырабатывают у нас стереотипный взгляд, который затрудняет осознание постоянно присутствующего условия. Если особенности температуры или давления требуются лишь в некоторых реакциях, и поэтому эти условия достаточно заметны, то существует одно условие, которое необходимо всегда, а поэтому на него не обращают специального внимания даже химики-теоретики, ибо его выполнение считается очевидным. Это условие становится серьёзной проблемой лишь для химиков технологов, ибо выполнение этого условия требует специального технологического решения. Этим постоянно выполняющимся условием любой химической реакции является совмещение пространственных объёмов химических веществ реакции, которая будет просто невозможна в условиях несовпадения этих объёмов. Таким образом, равенство части пространственного объёма химических веществ, вступающих в химическую реакцию, соответствует онтологическому относительному равенству определённостей конечного состояния обоих сущих по фундаменту взаимодействия. В реакции окисления алюминия выполнение этого условия означает, что часть объема кислорода [$\mathbf{M^{п}_{к}(ф)}$] и часть объема алюминия [$\mathbf{M^{с}_{к}(ф)}$] совпадают [$\mathbf{M^{п}_{к}(ф) = M^{с}_{к}(ф)}$] (положение 3), эта часть объема и есть объем оксида алюминия. Поскольку молекулы кислорода и алюминия различны, то это равенство всегда относительно (положение 4).

Теперь нам ясно, что фундаментом взаимодействия является пространственный объем исходных продуктов химической реакции (**ф**) (положение 2). Поэтому начальному состоянию сущего причины соответствует такая определённость как весь пространственный объём кислорода, который (объем) заканчивается на границе с чистым алюминием до его вступления в реакцию окисления [$\mathbf{M^{п}_{н}(ф)}$]. Конечному состоянию сущего причины соответствует такая определённость как весь пространственный объём кислорода, который заканчивается на границе с чистым алюми-

нием, включая при этом объём, занятый оксидом алюминия (рис. 5) [$\mathbf{M^{п}_{к}(ф)}$]. Отличие определённостей такого сущего как кислород в начальном и конечном состоянии задаёт причину как изменение [$\mathbf{M^{п}_{к}(ф) - M^{п}_{н}(ф)}$] (положение 1). Изменение первоначального объёма кислорода за счёт его проникновения в чистый алюминий с образованием оксида алюминия уменьшило первоначальный объем чистого алюминия, чем и обеспечило неравенство определённостей сущего следствия начального и конечного состояния по фундаменту взаимодействия [$\mathbf{M^{с}_{к}(ф) \neq M^{с}_{к}(ф)}$] (положение 5).

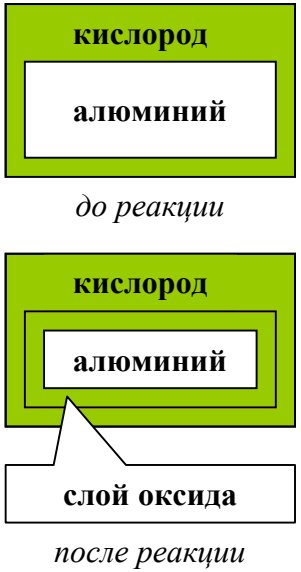


Рис. 5

Теперь обратимся к обоснованности фундаментом взаимодействия, в данном случае пространственным объемом, основы взаимодействия, роль которой в данном случае выполняет химический состав. Смысл химического состава определяется двумя факторами; во-первых, элементами, образующими данный состав, и, во-вторых, целостностью множества из данных элементов. То, что это — два разных фактора, хорошо видно из того, что два химических вещества, находящихся в различных сосудах, не считаются одним химическим веществом. В противном случае вещества до реакции и продукты реакции должны были бы быть одним химическим веществом. Целостность множества элементов обеспечивается единством их пространственного объема, то есть фундаментом взаимодействия, которым является пространственный объем, обеспечивающий такую основу, как состав химического вещества (**ф → с**) (положение 6)**.**

Взяв в качестве примера онтологического взаимодействия химическую реакцию, последнюю мы рассматриваем не в полном объеме, как это принято в химии. В частности, мы не принимаем во внимание обеспечение химической реакции физическим взаимодействием электронных оболочек-облаков. Обращение к

физическому взаимодействию есть переход к другому уровню рассмотрения, в то время как мы остаёмся только на уровне, где проявлен лишь химический состав. В обоснованности химического уровня нас интересуют только те факторы, которые могут быть отнесены только к этому уровню. Поэтому здесь пространственный объём является достаточным для обоснования химического состава.

Совмещение объёма кислорода с частью объёма алюминия приводит к изменению состава этой части сущего следствия. Суть этого изменения в равенстве состава кислорода и состава сущего следствия, что реализуется как присутствие кислорода в оксиде алюминия. Относительность этого равенства обусловлена, по крайней мере, различной плотностью кислорода вне сущего следствия и кислорода в оксиде алюминия [$\mathbf{И^{п}_{к}(с) - И^{с}_{к}(с) = \Delta И(с) = min}$] (положение 8).

Таким образом, на примере химической науки мы проиллюстрировали положения, которые мы выделили в понимании онтологической категории взаимодействия. При этом речь идет не о частом примере из химии, а о главном в этой науке — как протекают химические реакции. Химия преимущественно пользуется физическими методами. Однако только физические методы недостаточны для объяснения всех химических явлений. Например, они не могут объяснить распределение химических элементов в космосе, поскольку сам факт существования веществ с элементарным составом, включающим, по крайней мере, два элемента, уже противоречит второму закону термодинамики.

Теперь обратимся к биологии. Ранее в этой области мы рассматривали одну из центральных проблем — проблему образования специфических признаков организмов. Продолжая эту тему, рассмотрим представленность онтологического содержания при взаимодействии организма и окружающей его среды, в результате чего происходит видоизменение организма. Окружающая среда будет сущим причины, изменение которой и будет причиной. Сам живой организм будет сущим следствия, изменение которого есть следствие. В качестве конкретного примера рассмотрим появление белой окраски песца. Новым признаком будет белый цвет его шерстяного покрова. Если изменение живого организма мы будем рассматривать как следствие, то в качест-

ве причины будет выступать изменение среды.

В общих чертах само взаимодействие выглядит так. Организм животного приспособлен к конкретным условиям среды, изменение которой приводит к нарушению этого баланса. Однако живые организмы не являются точной копией друг друга. Они имеют незначительные особенности. Вопрос о причине этих особенностей мы затрагивать не будем. Поэтому при изменении среды организмы оказываются в разных условиях. Предположим, что при изменении среды у части популяции оказались такие особенности, которые позволяют животным более эффективно функционировать в новых условиях. За счёт дальнейших изменений этих особенностей и благодаря передаче их по наследству, формируется новый устойчивый признак организма.

Если сформировавшийся признак принять за идеальное сущего следствия в его конечном состоянии ($\mathbf{И^{с}_{к}}$), то идеальным его начального состояния ($\mathbf{И^{с}_{н}}$) будут те изначальные особенности, которые позволили некоторым особям приспособиться к изменениям среды. Отличие сформировавшегося признака от начальных особенностей и задаёт нам результат взаимодействия ($\mathbf{И^{с}_{к} – И^{с}_{н}}$) (положение 7)**.** Идеальное — это конкретное значение признака, а сам признак есть основа взаимодействия (**с**). Например, цвет шерсти у песца — это основа, а то, что это цвет белый есть идеальное.

Причиной являются изменения среды, окружающей живой организм. Для того чтобы обнаружить фундамент взаимодействия, воспользуемся тем, что идеальное конечного состояния сущего следствия совпадает с идеальным конечного состояния сущего причины по основе взаимодействия, в нашем примере — это цвет [$\mathbf{И^{п}_{к}(с) = И^{с}_{к}(с)}$] (положение 8). Следовательно, нам следует рассмотреть такие изменения среды, которые приводят в конечном итоге к такому её состоянию, которому соответствует белый цвет, то есть белый цвет среды и есть идеальное конечного состояния сущего причины по основе цвета [$\mathbf{И^{п}_{к}(с)}$]. Ясно, что белый цвет среды соответствует такому времени года как зима в северном полушарии. Теперь для того чтобы определить фундамент взаимодействия, воспользуемся тем, что этот фундамент является обоснованием для такого идеального причины как белый цвет. В отношении времён года таким обоснованием будет

температура среды, именно она и является фундаментом взаимодействия (**ф**) (положение 2). Тогда начальному состоянию сущего причины по такому фундаменту как температура соответствует такая определённость как тёплый климат [$\mathbf{М^{п}_{н}(ф)}$], а конечному её состоянию соответствует такая определённость как холодный климат [$\mathbf{М^{п}_{к}(ф)}$]. Отличие этих определённостей, то есть изменение климата с теплого на холодный, и является причиной рассматриваемого взаимодействия [$\mathbf{М^{п}_{к}(ф) – М^{п}_{н}(ф)}$] (положение 1).

Фундамент изменения сущего причины задаёт нам и отличие его от всего материального сущего причины, ведь в окружающую среду входит не только температура, но и такие параметры как влажность, атмосферное давление, освещённость. Это только примеры характеристик атмосферы, но в окружающую среду, кроме этого, входят еще и кормовая база животного, и химический состав тех веществ, с которыми организм сталкивается, и многое другое. В сущем следствия отличие фундамента от остального материального сущего, которым является живой организм, состоит в том, что к фундаменту относится лишь температура животного, да и то не вся, а только его внешней части [$\mathbf{М^{с}(ф)}$], то есть шерстяного покрова, в случае с песцом. К материальному кроме фундамента относится ещё и внутренняя температура животного, и все его внутренние органы со своими характеристиками. Равенство определённостей обоих сущих в конечном состоянии по фундаменту взаимодействия в нашем примере с песцом означает равенство температуры окружающей среды и температуры шерстяного покрова песца [$\mathbf{М^{п}_{к}(ф) = М^{с}_{к}(ф)}$] (положение 3)**.** Поскольку шерстяной покров соединён с остальным организмом песца, который теплее окружающей среды, то это равенство является относительным (положение 4).

Именно температура среды и обуславливает её цвет, то есть фундамент взаимодействия обуславливает основу взаимодействия (**ф → с**) (положение 6). Относительное равенство температур среды и шерстяного покрова песца выводит его из равновесия по температуре, ибо ранее, до изменения климата, он имел иную температуру [$\mathbf{М^{с}_{н}(ф) \neq М^{с}_{к}(ф)}$] (положение 5), что через обоснование температурой цвета приводит к тому, что песец меняет свой цвет похожий на цвет среды.

Здесь так же, как и в случае с химической реакцией, обнаруживается несовпадение полноты содержания биологического взаимодействия с содержанием онтологической категории взаимодействия. Действительно, биологический уровень рассмотрения взаимодействия песца с окружающей его средой не сводится только к обусловленности его белой окраски понижением температуры. С точки зрения биологии другим немаловажным фактором здесь является и то, что цвет песца делает его незаметным и для его врагов, и для тех, кем он питается. То, что это обстоятельство не попало в круг рассмотрения онтологической категории взаимодействия, означает, что так была выбрана основа взаимодействия. Если выбрать за основу то, что связано с пищевой цепочкой, то онтологические положения будут вновь обнаружены в этом аспекте биологического взаимодействия. Понижение температуры и обстоятельство пищевой цепочки — это два фактора, обуславливающие изменение песца, относятся к разным уровням, подобно тому, как пространственный объём и связи электронных оболочек в химии. Рассмотрение связи между уровнями представляет самостоятельную проблему, которая не входит в задачу нашего исследования.

Таким образом, мы показали все онтологические положения взаимодействия в области биологии. При этом была рассмотрена одна из фундаментальных проблем этой науки, а именно проблема эволюции. Конечно, образование новых признаков связано не только и мимикрией животных, но и с другими факторами, которые выступают в качестве иных значений фундамента взаимодействия. Например, изменение такой основы как пищевая база животного, приводит не к возникновению специфической цветности его поверхности, а приводит, например, к изменению его органов пищеварения. Поэтому, в каждом конкретном случае взаимодействие осуществляется согласно тем положениям, которые были представлены в онтологическом содержании категории взаимодействия. Напомним, что до сих пор речь шла только о материальном взаимодействии. И мы уже видели на примере с химией, что учёт материального взаимодействия не способен объяснить некоторые проблемы. По-видимому, не объясняются только материальным взаимодействием и биологические явления. Одним из свидетельств тому является проблема согласова-

ния времени существования планеты Земля с тем временем, которое требуется для эволюции, если появление новых признаков понимать как вероятностное явление, а единственным способом передачи этих признаков считать лишь генетическое наследование детьми признаков своих родителей.

До сих пор мы рассматривали лишь материальное взаимодействие, то есть такое взаимодействие, которое обусловлено равенством материального [$\mathbf{М^{п}_{к}(ф) = М^{с}_{к}(ф)}$]. Теоретически допустимо и другое (идеальное) взаимодействие, которое обусловлено равенством идеального ($\mathbf{И^{п}_{к} = И^{с}_{к}}$). Если в материальном взаимодействии последовательность взаимодействия идёт от материального к идеальному, то в идеальном — наоборот, от идеального к материальному. Однако это не означает, что материальное взаимодействие пускается в обратной последовательности. Обратной эта последовательность считается только с позиции идеального взаимодействия, точно так же, как и обратной считается последовательность идеального взаимодействия с точки зрения материального взаимодействия. Поэтому речь идёт лишь об относительности последовательности материального и идеального взаимодействия.

Выявим основные положения идеального взаимодействия, используя при этом положения о материальном взаимодействии. Положим, что в идеальном взаимодействии так же, как и в материальном, причина и следствие есть изменения. Тогда следствие — изменение идеального сущего следствия по основе взаимодействия [$\mathbf{И^{с}_{к}(с) - И^{с}_{н}(с) \neq 0}$]. В материальном взаимодействии причиной было изменение сущего по фундаменту взаимодействия, который обосновывал основу взаимодействия. Всё это было связано с тем, что относительное равенство реализовывалось на материальном уровне. Если же равенство реализуется на идеальном уровне, то обращение к фундаменту взаимодействия оказывается излишним. К этому же выводу приводит и другой путь рассуждений. Если речь идёт о равенстве на уровне идеального, то это равенство должно быть реализовано по той же основе взаимодействия; ибо невозможно равенство между идеальным основы взаимодействия и определённостью фундамента взаимодействия. Стало быть, причина есть изменение идеального сущего причины по основе взаимодействия [$\mathbf{И^{п}_{к}(с) - И^{п}_{н}(с) \neq 0}$]. Тогда

само взаимодействие есть переход от причины к следствию, то есть $\{[\mathbf{И}^{п}_{к}(с) - \mathbf{И}^{п}_{н}(с) \neq 0] \rightarrow [\mathbf{И}^{с}_{к}(с) - \mathbf{И}^{с}_{н}(с) \neq 0]\}$. Эта связь реализуется за счёт того, что конечное идеальное сущего причины выводит из состояния равновесия сущее следствия, при этом нарушение равновесия осуществляется потому, что конечное идеальное сущего причины оказывается относительно равным конечному идеальному сущего следствия $[\mathbf{И}^{п}_{2}(с) - \mathbf{И}^{с}_{2.1}(с) = \Delta\mathbf{И}(с) = \mathbf{min}]$. Как и в случае материального взаимодействия, относительность равенства обусловлена различием материального обоих сущих. Таким образом, вся схема идеального взаимодействия выглядит так: $[\mathbf{И}^{п}_{к}(с) - \mathbf{И}^{п}_{н}(с)] \rightarrow [\mathbf{И}^{п}_{к}(с) - \mathbf{И}^{с}_{к}(с) = \Delta\mathbf{И}(с) = \mathbf{min}] \rightarrow [\mathbf{И}^{с}_{к}(с) - \mathbf{И}^{с}_{н}(с)]$.

Основным звеном в цепочке этих положений является допущение возможности для идеального обусловить материальное. Это положение резко контрастирует с обусловленностью идеального материальным. Материальное взаимодействие освоено человеком как на практическом уровне (человек пользуется отдельными навыками материального взаимодействия), так и на теоретическом уровне (отдельные навыки человек систематизировал и обобщил в форме научного знания). Идеальное взаимодействие также освоено на практическом уровне как опыт человеческого мышления. Можно говорить о теоретическом освоении идеального взаимодействия в форме таких областей научного знания как психология, гносеология, логика. Ясно, что степень освоения материального и идеального взаимодействий различна. Связано это с тем, что человек связывал свою деятельность чаще с освоением материального взаимодействия, обращаясь к анализу идеального взаимодействия преимущественно для того, чтобы прояснить явления познания именно материального взаимодействия, а не для того, чтобы проанализировать идеальное взаимодействие как самостоятельное явление.

Неравномерность развития знаний о материальном и идеальном взаимодействии означает, в частности, то, что в области знания об идеальном взаимодействии нерешённых вопросов значительно больше, чем о материальном. И, наоборот, в последнем случае значительно больше вопросов решённых, нежели в области знания об идеальном взаимодействии. Однако присутствие нерешённых проблем в обоих случаях в какой-то мере уравнива-

ет их. Это выравнивание выглядит убедительнее, если учесть, что существующие нерешённые проблемы затрагивают основные принципы материального и идеального взаимодействия. Мы имеем в виду равенство части материального в сущих при материальном взаимодействии и равенство идеального в сущих при идеальном взаимодействии. Конечно, когда нам удаётся четко провести обоснование одного основания другим, переходя при этом на всё более низкий уровень, то у нас возникает некоторая уверенность в правильности наших знаний. Совсем другое дело, когда мы сталкиваемся с трудностью обоснования равенства идеального уже на первом этапе.

Но ведь это различие свидетельствует лишь об уровне нашего знания о материальном и идеальном взаимодействиях. Не следует забывать то, что метод редукции в знании о материальном не является бесконечным. Мы всегда (и надо сказать буквально через несколько шагов) придём к необоснованности равенства части материального сущих при их материальном взаимодействии. В самом деле, как происходит материальное взаимодействие элементарных частиц? Модели кварков или суперструн в этом случае лишь отодвигают проблему, но не решают её окончательно. Физики в этих ситуациях давно поступают чисто феноменологически, довольствуясь количественным описанием и оставляя в «тени» качественное осмысление явления, но ведь равенство материального как раз и относится к этому качественному уровню. Поэтому степень обоснованности равенства идеального в сущих такая же, как и степень качественной обоснованности материального взаимодействия элементарных частиц. Таким образом, если в рассмотрении ограничиться только одним уровнем, то в границах этого уровня равенство материального и равенство идеального имеют одну и ту же степень обоснованности.

Наука о материальном взаимодействии не сразу пришла к многоуровневой обусловленности основ. В начале своего развития она также испытывала трудности в такого рода обоснованности, например, в тот период, когда каждое явление объяснялось наличием специфического качества. Нечто аналогичное имеет место и в современном знании об идеальном взаимодействии, по крайней мере, в знании о человеческом мышлении. Пока так и не удаётся объяснить возникновение у человека таких представле-

ний (мыслей), которые не являются результатом непосредственного ощущения, например, представление о кентавре, который не дан нам в непосредственном ощущении. Но это не означает, что мы отказываемся от решения этого вопроса. Предложенная здесь концепция материального и идеального позволяет не только взглянуть на этот вопрос с иной стороны, что будет способствовать его решению, но и предлагает онтологическое основание для ответа. Ведь в поиске ответа немалую роль играет сама уверенность в том, что такое решение имеется.

К тому же мы ведь не ограничиваемся констатацией феномена равенства идеального, а предлагаем более фундаментальное основание, где идеальное взаимодействие выступает лишь одной из сторон взаимодействия, а материальное взаимодействие выступает другой его стороной. Одна из точек зрения современной западноевропейской философии состоит в невозможности онтологического фундамента для физических и духовных процессов: «Являются ли так называемые ментальные процессы физическими или нет? Являются ли так называемые физические процессы действительно духовными или нет? Сомнительно, что мы можем найти какое-либо теоретическое содержание в подобных вопросах, обсуждаемых монизмом, дуализмом или плюрализмом»[1]. Своей концепцией мы утверждаем прямо противоположное, показывая общие моменты идеального и материального взаимодействия, одним из которых и выступает понимание сущего как единство материального и идеального. Поэтому мы считаем необоснованной позицию, согласно которой следует отказаться от онтологических понятий материального и идеального в анализе человеческого поведения.

Примером реализации идеального взаимодействия является человеческая деятельность. Однако здесь нам не удастся столь же чётко, как в случае с материальным взаимодействием, выявить онтологическое содержание взаимодействия. Связано это, прежде всего, с тем, что наука о человеке пока не столь точна по сравнению, например, с физикой, химией, биологией. Пока до конца не известно (пожалуй, самое главное в этом аспекте), а

[1] *Carnap R.* Logical Foundation of the Unity of Science // Readings in Philosophical Analysis. N. Y., 1949. P. 413.

именно, как осуществляется сам процесс мышления. Это обстоятельство необходимо иметь в виду при выявлении онтологического содержания взаимодействия с участием человека. Поэтому главная ценность предложенной схемы идеального взаимодействия как раз и заключается в формировании философской основы будущих конкретных исследований в этой области.

В настоящее время общепринятой является такая точка зрения, согласно которой изменения в мозге человека вызывают соответствующие изменения в нейронах нервной системы, на одном конце соединённых с мозгом, а на другом конце — с мышцами. При этом мысль считается результатом деятельности мозга. В западноевропейской философии существовало целое материалистически ориентированное течение для решения проблемы человеческой духовности. Согласно этому направлению человек является физическим объектом, поэтому «методы естествознания, в частности физики, способны дать *исчерпывающее* (выделено нами) описание человеческого существа»[1]. Если не учитывать, что этому высказыванию всего около 40 лет, можно подумать, что мы вернулись на позиции древнегреческой философии. Столь радикальный поворот, разумеется, имеет свои причины, о чём пойдёт речь чуть ниже.

Разумеется, далеко не все исследователи разделяли столь определённое тождество душевного и физического. Проблема душевного и телесного человека в XX веке выступала той средой, где обсуждалась тема материального и идеального. Конечно, инициатива здесь принадлежала не философам, а специалистам в конкретных областях, именно постановка проблемы и определяла тот спектр философского знания, которым и воспользовались эти специалисты. Поскольку проблема мышления была поставлена в контекст душевного и телесного, при этом были обнаружены некоторые корреляции между воздействиями на тело и изменением некоторых функций мышления, то, естественно, первая роль в философской методологии принадлежала материализму. Специалисты оказались просто «глухи» к иным достижениям философии в области идеального. Если мы учтём и те процессы,

[1] *O'Connor J.* Introduction // Modern Materialism: Readings on Mind-Body Identity. N. Y., Chicago, 1969, P. 5.

которые определяли философию с середины XIX века, мы имеем в виду возникновение неклассической философии и соответственно отступление на второй план классической философии с её онтологическими достижениями в области идеального, то становится более понятным стремление специалистов именно к материалистическим философским течениям. Отчасти философы (представители неклассической философии) сами расчистили им путь в этом направлении.

Обнаружив корреляцию между душевным и физическим в человеке, нейрофизиологи посчитали её достаточным основанием для объяснения **всех** душевных человеческих процессов. Но так ли это? Конечно, нейрофизиология — это молодая отрасль конкретного научного знания, поэтому на любое возражение, что она не в полном объёме достигает намеченной цели, у неё всегда есть ответ, что **пока** нейрофизиология не может ответить на поставленный вопрос, например, на вопрос о том, как возможно творческое мышление, но с развитием науки найдутся ответы на все вопросы о человеческой душевности. Ясно, что с такой позицией спорить совершенно невозможно, да, в общем-то, и не следует. К этому нужно прибавить и то, что нейрофизиология имеет немалые достижения в области лечения некоторых болезней, что добавляет ей аргументов в полемике с философией. Но ведь отсрочка в решении вопросов о функционировании мышления может оказаться тупиком. Вот что пишет о перспективах нейрофизиологии Н. П. Бехтерева: «…сейчас и в обозримом будущем понимание целого ряда обычных — и уникальных — возможностей мозга для науки о живом мозге человека в прямом нейрофизиологическом и нейрохимическом исследовании невозможно. Надо идти в обход, подходить «с другой стороны», в том числе и с той, которая достаточно разработана религией, не боясь того, что многое в ней дается в виде постулатов»[1].

С позиции нашей концепции факт указанной корреляции свидетельствует о функционировании в этих явлениях материального взаимодействия. Однако это только часть возможностей этой концепции. Рассмотрим онтологический аспект взаимодействия в процессе восприятия человеком окружающих его пред-

[1] *Бехтерева Н. П.* Магия мозга и лабиринты жизни. СПб., 1999. С. 217 – 218.

метов. Например, вначале человеку показывают стол, на котором ничего не находится, а затем показывают стол, на котором лежит яблоко. Взаимодействующими сущими здесь будут яблоко и человек, при этом яблоко будет сущим причины, а человек — сущим следствия. Подчёркиваем, человек должен быть взят во всей своей целостности, то есть как такое нечто, которое не разложимо на деятельность души, мозга, нервной системы, мышц и так далее. При этом представление (мысль) будет рассматриваться как продукт такого целостного человека, а не как продукт его мозга. В этом случае взаимодействие человека с физическим предметом является непосредственным взаимодействием.

Итак, отличие определённости стола без яблока ($\mathbf{И^{п}_{н}}$) от определённости стола с яблоком ($\mathbf{И^{п}_{к}}$) есть причина [$\mathbf{И^{п}_{к} – И^{п}_{н} \neq 0}$]. Тогда отличие представления (мысли) о столе без яблока ($\mathbf{И^{с}_{н}}$) от представления (мысли) о столе с яблоком ($\mathbf{И^{с}_{к}}$) есть следствие [$\mathbf{И^{с}_{к} – И^{с}_{н} \neq 0}$], а результатом взаимодействия будет представление (мысль) о яблоке. Чему же при этом соответствует положение об относительном равенстве идеальных обоих сущих в их конечном состоянии? В силу непосредственности взаимодействия и целостности человека это не два различных идеальных (как это имеет место в концепции отражения), а это есть одно и то же идеальное, то есть представление (мысль) о предмете и есть определённость самого этого предмета ($\mathbf{И^{с}_{к} = И^{п}_{к}}$). Именно в этом смысл равенства идеальных обоих сущих в конечном состоянии. На первый взгляд это положение кажется парадоксальным, ведь оно отрицает традиционное философское положение о двойственности мира при его познании.

В истории философии А. Бергсоном уже было высказано похожее положение, мы имеем в виду его положение о тождестве восприятия и предмета восприятия: «Наше восприятие ... изначально находится скорее в вещах, чем в духе, скорее вне нас, чем в нас. Восприятия различного рода обозначают различные направления реальности. Но это *восприятие, совпадающее со своим объектом* (выделено нами)... существует скорее *de jure*, чем *de facto*: оно занимает лишь мгновение»[1]. Разумеется, мы допус-

[1] *Бергсон А.* Материя и память // Бергсон А. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1992. С. 298.

каем, что у А. Бергсона речь не о том, что мы обосновываем в своём исследовании. Но нельзя не заметить их близость, что свидетельствует о тенденции, которая в каждом конкретном случае облекается в различную аргументацию, и, отчасти, в различное содержание, но как общая тенденция она всё же присутствует. В этом, в частности, и проявляется действие идеального взаимодействия как «самостоятельной» жизни идей (теоретических положений) через их относительное равенство.

Надеемся, что эту парадоксальность значительно снижает то обстоятельство, что при непосредственном взаимодействии идеальные являются друг для друга позитивом и негативом. В этом смысле можно говорить и о двойственности, ибо всё же это два идеальных. Об этом же свидетельствует и положение об их относительном равенстве и о единственности (ибо содержательно это одна и та же определённость) подобно тому, как выпуклость и вогнутость выражают одну и ту же кривую линию. Если к этому мы добавим, что идеальное сущего всегда относительно, то есть оно может быть различно в зависимости от конкретного материального сущего, с которым образуется соотношение (что и обусловливает относительность равенства идеальных обоих сущих в их конечном состоянии [$\mathbf{И^{с}_{к} - И^{п}_{к} = min}$]), то отсутствие абсолютной определённости как раз и обусловливает двойственность и единственность идеального.

В примере с представлением (мысли) о яблоке мы не показали основу взаимодействия. Однако, если нам понятен смысл представления (мысли), обращать внимание на основу нет необходимости. И, наоборот, обращение к основе взаимодействия становится необходимым при нашем непонимании смысла представления (мысли).

Итак, описанный нами случай есть пример идеального взаимодействия. Из представленной нами схемы идеального взаимодействия и в примере с человеком видно, что идеальное взаимодействие никак не связано именно с человеком. Действительно, то же идеальное взаимодействие можно было бы проиллюстрировать и на примере штамповки, который мы представили как материальное взаимодействие. С чем же связано то, что одно и то же является примером материального и идеального взаимодействия? Все дело в том, чтó берётся в каждом рассмотрении за иде-

альное, а что — за материальное, отчасти это связано с тем, что есть сущее. Если сущее рассматривать как единое целое, то любое непосредственное взаимодействие есть идеальное взаимодействие. Если же сущее рассмотрено как сложная внутренняя структура, когда мы выделяли не только основу, но и фундамент взаимодействия, то взаимодействие может идти по материальному каналу. Это обстоятельство приводит к следующим выводам. Первое, материальное и идеальное взаимодействия относительны, подобно тому, как относительны сами понятия материального и идеального. Второе, материальное и идеальное взаимодействия всеобщи, то есть каждое из них присутствует в каждом взаимодействии. Относительно материального взаимодействия это положение было широко распространено в онтологии, чего нельзя сказать относительно всеобщности идеального взаимодействия. Третье, всякое взаимодействие так же, как и соотношение, и так же, как и сущее, есть единство материального и идеального аспектов.

Относительное равенство идеального при идеальном взаимодействии это — то же самое относительное равенство определённостей при материальном взаимодействии (положение 8). Поэтому существует две возможности осмысления субординации материального и идеального взаимодействия. В первом случае — это два описания различных сторон одного и того же явления, когда идеальное взаимодействие представляет собой внешнюю (поверхностную) сторону явления, а материальное взаимодействие — внутреннюю (глубинную) сторону того же явления. Здесь идеальное взаимодействие и материальное взаимодействие это — два различных уровня одного явления. При этом идеальное взаимодействие всегда пассивно, подчинённо по отношению к материальному, которое всегда активно, играет главенствующую роль. Материальное взаимодействие всегда обусловливает идеальное взаимодействие. Тогда описание идеального взаимодействия является менее содержательным (поверхностным, феноменологическим), а описание материального взаимодействия — более полным, информативным, обоснованным.

Однако не всегда причина в идеальном взаимодействии (идеальная причина) может быть сведена к причине материального взаимодействия (материальной причине), подобно тому, как это

представлено в положении об обоснованности основы взаимодействия фундаментом взаимодействия (положение 6). Например, человек берёт в руки лежащее на столе яблоко. В ситуации равновесия человек равнодушен к яблоку, в этом случае у человека имеется представление (мысль) о лежащем на столе яблоке ($\mathbf{И}^{п}_{н}$). Затем у него возникает представление (мысль) — взять это яблоко ($\mathbf{И}^{п}_{к}$). Переход от одного представления (мысли) к другому обеспечивает нам наличие причины как изменения ($\mathbf{И}^{п}_{к} - \mathbf{И}^{п}_{н}$). Положение яблока на столе — это его начальное идеальное ($\mathbf{И}^{с}_{н}$), а его положение, когда его берёт человек — это его конечное идеальное ($\mathbf{И}^{с}_{к}$), их отличие есть следствие ($\mathbf{И}^{с}_{к} - \mathbf{И}^{с}_{н}$). Взаимодействие реализуется за счёт относительного равенства идеальных обоих сущих в конечном состоянии.

Само это относительное равенство может быть обусловлено материальным уровнем сущего причины, например, чувством голода, которое в данном случае относится к фундаменту такого сущего как человек. Но то же самое относительное равенство может быть обусловлено и внешними по отношению к данному человеку обстоятельствами, например, просьбой со стороны другого человека. Стало быть, идеальная причина в этом смысле является независимой. Из этого следует, что существуют такие явления, в которых идеальное взаимодействие не сводится к соответствующему материальному. В этих случаях идеальное взаимодействие, как активная сторона, является уже не способом описания, а — именно самостоятельным способом взаимодействия. Наиболее ярким примером проявления идеального взаимодействия является человеческое мышление, как «конструирование» новых представлений. Самому акту такого конструирования не соответствует материальное взаимодействие. Например, «конструирование» представления о том, как берётся яблоко, может и не завершиться тем, что яблоко возьмут.

Способность человека к воображению основана на возможности синтеза и анализа. С позиции механистического материализма единство материального и идеального в человеке может быть понято как единство материальных процессов мозга и определённости этих процессов, которые и есть представления (мысли). Способность человека к синтезу в сфере мышления сводится к объединению нескольких идеальных в одно идеальное. Напри-

мер, представление (мысль) о человеке мы «сажаем» на представление (мысль) о лошади и получаем представление (мысль) о всаднике. Он является результатом нашего воображения. Это со стороны идеального, а со стороны материального мы объединяем два материальных процесса человека, один из них соответствует представлению (мысли) о человеке, а другой — представлению (мысли) о лошади. Объединение обоих материальных процессов реализуется в третьем материальном процессе, которому соответствует представление (мысль) о всаднике. В основе воображения может лежать не только синтез, но и анализ с последующим новым синтезом. Этим способом можно получить, например, кентавра или план будущего дома.

Проблемы внутри концепции механистического материализма начинаются тогда, когда воображаемое идеальное (всадник, кентавр, план дома) «уходит» из нашего сознания. С позиции механистического материализма «уход» идеального из сознания со стороны материального может означать либо «разрушение» соответствующих материальных процессов человека (но тогда не понятно, как быть с памятью); либо эти процессы должны быть «сданы на хранение в склад» памяти (но тогда не понятно, каким образом хватает материального человека для хранения всего идеального человеческого сознания), ведь эксперименты с регрессивным гипнозом убедительно показали, что человек хранит в своей памяти всякую подробность каждого идеального, когда-либо возникшего в его сознании. Трудности механистического материализма связаны с идеальным сущего в его прошлом. При понимание идеального как определённости существование настоящего идеального не отличается от существования прошлого идеального.

Если представление (мысль) понимать как определённость человека в целом, то тогда оно должно быть связано с каждым органом человека. В то время как ясно, что, например, в формировании представления о яблоке через посредство зрения принимают участие лишь органы зрения, то есть в формировании этого представления не принимают участие, например, мышцы рук. Стало быть, существуют такие представления (мысли), которые есть определённость не человека в целом, а только его части. В общем случае каждое представление (мысль) есть определён-

ность специфической части человека, которая есть основа этой определённости. Основа вместе с оставшейся частью человека образует его телесность, которая есть материальное по отношению к данному конкретному идеальному (именно этому представлению). Такое понимание телесности отличается от физиологического понимания человеческого тела, в чём и проявляется различие онтологического и физиологического содержания взаимодействия, далее мы вполне допускаем различие между представлениями (мыслями), которые есть результат восприятия человеком окружающих предметов, и представлениями (мыслями), которые являются результатом человеческого мышления.

Действие идеального взаимодействия обеспечивает работу нашего мышления, и, прежде всего, помогает ответить на вопрос: как возникает представление (мысль)? Мы имеем в виду возникновение сложного представления (мысли) как сочетание простых представлений (мыслей), которые есть результат материального воздействия. Если мы будем исходить только из материального воздействия, то в содержании представления (мысли) может быть только то, что имеется на уровне материального, и не может быть того, чего нет на этом материальном уровне. Но сложносоставное представление (мысль) потому и является сложным, что его содержание не соответствует составному материальному. И уж тем более необъяснимыми остаются такие явления, когда содержание наших представлений (мыслей) никак не может быть связано с материальным нашей телесности. Если же мы будем исходить только из идеального воздействия, то мы объясним возникновение любых сложных представлений (мыслей), но от нас ускользнет, по крайней мере, объяснение того факта, почему не каждая наша фантазия реализуется на уровне материального.

Только исходя из признания двух способов изменения (от материального к идеальному и от идеального к материальному) возможно объяснение явлений из обоих рядов, ибо оба эти способа не только дополняют, но и ограничивают друг друга. Образование сложного представления (мысли) идёт за счёт того, что определённость (идеальное) одной телесности становится равной определённости (идеальное) другой телесности (материальное). Поэтому образуется новая определённость (идеальное), которая затем формирует состояние, соответствующее ее телесности (мате-

риальное). Возможно, с этим процессом связано открытие Н. П. Бехтеревой. Она обнаружила в мозгу два вида связей: жесткие и гибкие. Именно гибкие связи и обеспечивают процесс мышления[1], который идёт за счёт образования сложных мыслей.

Соотношение материального взаимодействия и идеального взаимодействия можно пояснить на работе компьютера, который моделирует многие процессы нашего сознания. Работа компьютера основана на использовании только материального взаимодействия, в данном случае это — физические процессы, потому такой компьютер не может мыслить, то есть не может образовывать самостоятельно новую информацию. Для обеспечения этого процесса компьютеру, по-видимому, необходимо такое устройство, которое обеспечивало бы непосредственное, например, комбинирование информации помимо любых (известных или неизвестных) физических процессов.

Разумеется, данное обоснование возникновения мышления носит лишь абстрактный, «качественный» характер. Но ведь онтология в силу своего абстрактного характера не должна, да и не может обеспечить объяснение конкретного «механизма» воздействия одного идеального на другое. Это возможно лишь на уровне конкретных исследований, к тому же на современном этапе ещё не завершённых. Однако конкретный уровень не является совершенно независимым от онтологии, которая через влияние на мировоззрение обеспечивает направление конкретных исследований. Поэтому значимость предлагаемого здесь объяснения определяется не в конкретности, а в формировании мировоззрения, задающего такое направление конкретных исследований, которое обеспечивает «количественное» описание воздействия одного идеального на другое.

Приведём два примера: один — со стороны философии, другой — со стороны физики. Философ Ф. Бэкон на «качественном» уровне совершенно верно описал процессы теплообмена, но только спустя значительное время физиками были получены ко-

---

[1] *Бехтерева Н. П.* О гибких и жестких звеньях мозговых систем обеспечения психической деятельности // С. 28 – 31; *Бехтерева Н. П.* Здоровый и больной мозг. Л., 1980; *Бехтерева Н. П.* Магия мозга и лабиринты жизни. СПб., 1999. С. 85.

личественные уравнения теплообмена. Онтология может лишь показать, где надо искать, но у неё нет соответствующего инструментария и методики поиска на уровне конкретного. Учитывая фактор мирового многообразия, значимость указания правильного направления возрастает. Другой пример, частично рассмотренный нами выше. У нас не вызывает сомнений научность объяснения физикой, например, явлений электрического притяжения. Но ведь физика не показывает до конца сам «механизм» этого притяжения, ибо всегда это «до конца» будет означать, что в предлагаемом объяснении будет некоторый уровень, где конкретные данные будут приняты как состоявшийся факт без проникновения на дальнейший более глубокий уровень. Физик начала XX века не смог бы ответить на вопрос, что же собой представляет электрический заряд. Приняв эти факты, учёные, сравнивая их, начинают исследовать условия, обеспечивающие их многообразие. Результаты этих условий и фиксируются в соответствующих законах, например, законе Кулона.

Поэтому уже само признание наличия воздействия между различными определённостями может обеспечить начало конкретных исследований по выявлению условий, влияющих на это воздействие, что впоследствии может быть закреплено в соответствующих правилах, пользуясь которыми мы сможем управлять воздействием одного идеального на другое. Отчасти такие правила уже известны как положения о мышлении, например, законы формальной логики и положения гносеологии. Мы предлагаем в этих положениях заглянуть чуть дальше, что позволит более точно сформулировать сами эти положения, а также сформулировать иные, может быть более фундаментальные, законы управления мышлением.

Человеческое мышление, хотя и является одной из распространённых областей, где функционирует идеальное взаимодействие, но оно не позволяет до конца прояснить специфику идеального взаимодействия. Отчасти это связано с наличием уже имеющихся концепций, объясняющих феномен мышления. Поэтому убеждённость в правоте таких концепций ограничивает восприятие и понимание иных концепций. Отчасти это связано с привычностью самого акта мышления для каждого человека. Это делает мышление для нас настолько обычным явлением, что мы

его как бы и «не замечаем». Стало быть, специфика идеального взаимодействия ярче воспринимается на аномальном опыте мышления, то есть на таких феноменах, где, с одной стороны, задействовано мышление, а с другой стороны, сам этот феномен имеет такие последствия, которые значительно его отличают от обычного акта мышления.

Западноевропейская философия уже с середины XX века включает в научный и философский дискурс паранормальные психические явления. Э. Полтен в своей критике физикалистского понимания мышления обращается к парапсихологическому опыту и к бестелесному существованию души[1]. В это время возникает направление «новой теории некартезианского дуализма»[2], представители этой концепции помимо декартовой протяжённости признают существование «ментального пространства», где реализуются «ментальные феномены»[3]. Исходя из того, что «память, желания, образы могут существовать в отсутствии физического мозга», делается вывод о существовании «Другого мира» и «загробного опыта» и о нашей способности «понимать посмертное воплощение как осуществляемое неким квазифизическим способом, подобно тому как это делает оккультизм или спиритизм»[4].

В качестве примера, который не поддается объяснению с точки зрения современной науки, рассмотрим давно известный эффект плацебо. Если человек чувствует себя больным, то он строит соответствующие планы относительно своего выздоровления: либо самому сходить в аптеку и купить соответствующие лекарства, либо попросить это сделать своих близких, либо вызвать врача на дом. Эти мысли составляют содержание его иде-

---

[1] *Polten E. P.* Critique of the Psycho-Physical Identity Theory. A Refutation of Scientific Materialism and Establishment of Mind-Matter Dualissm by Means of Philosophy and Scientific Methods. The Hague. Paris, 1973. P.260.

[2] *Kuhlenbeck H.* The Concept of Consciousness in Neurological Epistemology // Brain and Mind. Modern Concepts of the Nature of Mind. N. Y., 1965; *Beloff J.* The Identity Hypothesis: A Critique // Brain and Mind. Modern Concepts of the Nature of Mind. N. Y., 1965/

[3] *Stythies J. R.* The Representative Theory of Perseption // Brain and Mind. Modern Concepts of the Nature of Mind. N. Y., 1965

[4] *Price H. H.* Survival and the Idea of «Another World» // Brain and Mind. Modern Concepts of the Nature of Mind. N. Y., 1965

ального будущего, которое влияет лишь на выбор дальнейшего материального воздействия, выражающееся в выполнении тех или иных лечебных процедур: принятие необходимых лекарств, либо прогревание, либо массаж. И лекарства, и прогревание, и массаж — всё это различные способы материального воздействия на тело человека, результатом которого является его выздоровление. Это — традиционный для западной культуры способ поправить своё здоровье.

Наряду с этим существуют и нетрадиционные способы. Одним из таких нетрадиционных способов является выздоровление через «внушение»[1]. Оно может быть осуществлено либо в нормальном состоянии сознания больного, либо в его изменённом состоянии сознания, например, в гипнотическом. Основная цель «внушения» — это формирование в сознании больного, что он выздоравливает, что ему становится лучше. Уже давно было замечено, что иногда к выздоровлению приводят такие лечебные процедуры, которые не связаны с материальным воздействием на причины болезни, например, приём больным таблеток, состоящих всего лишь из кальция (мела), но при этом больному говорят, что он принимает нужное для его здоровья, и, как правило, дорогое лекарство. Больной верит в это и выздоравливает от принятия обыкновенного кальция.

С позиции теории, развёрнутой здесь, в подобных ситуациях происходит следующее: у больного формируется либо самостоятельно, либо при помощи другого человека мнение о том, что он постепенно выздоравливает, либо уже здоров. Это мнение есть не что иное, как идеальное будущего, только в этом случае оно представлено не веером возможных вариантов, а сконцентрировано лишь на одном таком варианте. Если такое мнение сформировано успешно, то оно совпадает с идеальным, соответствующим здоровому человеку. Далее, исходя из единства материального и идеального в сущем, «здоровому» идеальному должно соответствовать и «здоровое» материальное. Следовательно, сформированное «здоровое» идеальное должно исправить больное материальное, чтобы прийти в соответствие со «здоровым»

[1] Внушение — это не совсем точный термин, поэтому он взят нами в кавычки.

материальным. «Здоровое» идеальное как бы должно «подтянуть» к себе соответствующее «здоровое» материальное. В противном случае будет нарушен принцип единства материального и идеального в сущем.

Здесь происходит нечто подобное положению об обязательном изменении идеального в соответствии с изменившимся материальным. Только последовательность этих изменений обратная: материальное меняется в соответствии с уже изменившимся идеальным. Если материальное воздействие происходит под лозунгом: «в здоровом теле — здоровый дух», то другой случай осуществляется под лозунгом: «здоровому духу — здоровое тело».

Процесс формирования идеального будущего, по-видимому, имеет место и в таком религиозном действии как молитва. Творя молитву, делается установка на формирование идеального в соответствии с содержанием молитвы.

К подобным явлениям следует отнести и такие случаи, когда некоторые люди обладают совершенно необычными телесными способностями. Например, могут ходить по раскалённым углям, не обжигаясь при этом, ходить по битому стеклу, не повреждая ступни ног[1]. Как же возможны явления подобного рода? Традиционно эти явления связывают с изменёнными состояниями сознания.

С феноменами изменённых состояний сознания человек сталкивался постоянно на протяжении всей своей истории, то есть, начиная с глубокой древности и заканчивая современным периодом, о чём свидетельствуют наши современники. Для того

---

[1] Вот как об этом рассказывает А. Иванов, один из интервьюеров книги: *Лебедько В.Е.* Хроники Российской Саньясы: из жизни российских мистиков 1960-х – 1990-х. М., 2000. С. 178. «Да, я могу ходить босиком по раскалённым углям. Я могу вылизывать раскалённую добела железку. Ещё в передачах Невзорова, в конце восьмидесятых годов, показывали, как раскаляется добела лом, после этого Невзоров от него прикуривает, а я этот лом вылизываю. Пар идёт и всё такое. Я потом язык показываю, — все нормально, никаких ожогов. Есть ещё заснятые кадры, где я ложусь голой спиной на кучу разбитых стёкол, на меня подъёмным краном погружают плиту бетонную, на которую одним колесом заезжает здоровая машина, грузовик. Я встал, — нет ни одной царапинки, а от стёкол — мелкие кусочки. Я могу, в частности, останавливать сердце на какое-то время…»

чтобы правильно оценить это заявление, следует иметь в виду, что присутствие данного феномена (как феномена, а не шарлатанства) и его фиксирование человеческим сознанием это — принципиально разные вещи. Известны случаи, когда человек, присутствующий при демонстрации феномена телекинеза узкому кругу философов, отказывался верить происходящему.

На теоретическом уровне осмысление подобного рода феноменов осуществлялось издавна в сказаниях, затем в мифах. Это нашло своё продолжение в различных мистических и философских учениях. Но следует принципиально различать мистическое учение и философское, ибо эти учения используют различные методы. Тема изменённых состояний сознания для философии не является темой традиционной, поэтому здесь, как и в современной психологии, термин «изменённое состояние сознания», к сожалению, не является твёрдо устоявшимся. Иногда этот термин трактуют широко, включая практически любую смену состояния сознания, например, переживание радости, страха, состояние сознания, которое вызвано лёгким опьянением и так далее.

Мы придерживаемся иной точки зрения, когда под «изменённым состоянием сознания» понимаем качественное изменение сознания. Если сознание представить как совокупность некоторых элементов (мыслей, образов, переживаний) с установленными между ними связями и отношениями, с наличием некоторой доминанты (**Я**), которая «оттеняет» эти связи и отношения, накладывает на них специфический отпечаток, то качественное изменение может означать либо реструктуризацию с образованием принципиально новой структуры, либо смену доминанты (другое **Я**), либо расщепление первоначально единой доминанты (**$Я_1$**, **$Я_2$** …), либо и то, и другое. У нас нет стремления выдать данное положение за определение изменённого состояния сознания, здесь мы выражаем лишь наше понимание данного термина. Такое понимание изменённого состояния сознания близко термину «дискретное изменённое состояние сознания», используемое Ч. Тартом[1].

С изменёнными состояниями сознания обычно связывают два

[1] *Тарт Ч.* Состояния сознания. // Магический кристалл: Магия глазами учёных и чародеев. М., 1994. С. 182.

рода явлений: во-первых, перцептивные (сверхчувственные, экстрасенсорные) восприятия, «связанные с информационными процессами»[1]; во-вторых, психофизические явления, обусловленные «взаимодействием психических процессов живых существ с физическим миром»[2]. К перцептивным восприятиям относят сновидения, гипноз, телепатию, ясновидение, биолокацию. К психофизическим явлениям — аномальное поведение человеческого тела, например, хождение по раскаленным углям, телекинез (психокинез), телепортацию, полтергейст, левитацию и другие. В настоящее время устоявшимся мнением является то, что анализ денотата «изменённого состояния сознания» является прерогативой науки о сознании, в основном психологии, а точнее парапсихологии, и лишь частично гносеологии.

Обоснуем целесообразность использования (рассмотрения) подобного рода феноменов для онтологии. Классическая онтология использовала и использует в основном данные науки, которая, по крайней мере, на своём официальном уровне либо не признаёт существование феноменов изменённого состояния сознания, либо обходит их молчанием. Стремление классической онтологии использовать только научные феномены ещё не способствует её совпадению (приближение) с истиной. Надо сказать, что у феноменов изменённого состояния сознания больше проблем с достоверностью, чем у науки. Существовало и существует большое количество шарлатанов «демонстрирующих» феномены изменённых состояний сознания. Так Ч. Хэнзел, проанализировав значительную часть экспериментов с подобного рода феноменами, пришёл к следующему выводу: «Утверждать категорически, что результаты этих экспериментов объясняются обманом, нельзя, но нельзя и считать, что эти эксперименты отвечают целям, поставленным перед собой экспериментаторами, и что они дают окончательное доказательство ЭСВ (экстрасенсорные восприятия — *П. К.*). Хотя потрачено много времени, сил и денег, до сих пор не получено ни одного приемлемого доказательства ре-

---

[1] *Кундакова Е. Е.* Парапсихология. // Эзотерическая философия: от герметизма к теософии. Мистический опыт и оккультные теории: Сборник научных статей. В 2-х т. Т. 1. Ростов н/Д, 2002. С. 255

[2] Там же.

ального существования ЭСВ»[1].

Конечно, вопрос о том, насколько каждая онтологическая система должна использовать феномены изменённого состояния сознания, во многом зависит от самой конкретной онтологической системы. Некоторые онтологии вполне обходятся без обращения к феноменам подобного рода. Здесь следует говорить о полноте и неполноте онтологической системы. Чем большее количество принципиально различных явлений удастся охватить онтологии, тем она будет выглядеть полнее.

Для того чтобы осмыслить феномены изменённого состояния сознания как онтологические феномены, первые должны быть выражены в онтологических терминах. Основным термином в классической онтологии является «сущее». Представим феномен ясновидения через термин «сущее». Ясновидение в парапсихологии есть бесконтактный, с физической точки зрения, способ передачи человеку определённости об объекте, то есть феномен ясновидения есть восприятие одним сущим идеального другого сущего вне физического взаимодействия.

Однако это ещё неокончательное онтологическое положение. Для получения полного онтологического положения нам осталось только «перевести» конкретное понятие «физического». С развиваемых здесь онтологических позиций «физическое» может быть интерпретировано в онтологии как «материальное». Тогда мы получаем следующее онтологическое представление о ясновидении: ясновидение есть восприятие одним сущим идеального другого сущего вне материального взаимодействия.

Ясновидение с точки зрения науки — слабо изученное явление. Поэтому в своём стремлении обосновать его с предлагаемых здесь онтологических позиций, мы отдаём себе отчёт в гипотетичности таких рассуждений. Нельзя отрицать и другой возможности таких объяснений, основанных на обнаружении более тонкого материального уровня, который не может выявить современная наука. Надо сказать, что реализация идеального воздействия не связана ни с какой тонкой или сверхтонкой и так далее материей, ибо идеальное в нашем понимании несубстанционально по своей «природе».

---

[1] *Хэнзел Ч.* Парапсихология. М., 1970. С. 295.

В случае идеального взаимодействия идеальное одного сущего изменяет идеальное другого сущего, что приводит в дальнейшем к соответствующим изменениям в сфере материального. Примером идеального канала взаимодействия может оказаться такой психофизический феномен как телекинез, который может быть описан как способ человеческого сознания (идеальное одного сущего) изменять определённость некоторых вещей (идеальное другого сущего).

Таким образом, изменённые состояния сознания с точки зрения онтологии есть изменение идеального такого конкретного сущего как человек, а феномены изменённого состояния сознания демонстрируют собой действие идеального взаимодействия двух сущих, каждое из которых есть единство материального и идеального.

Умение человека пользоваться идеальным воздействием на материальное ограничено. С чем же связаны эти ограничения? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо провести некоторые уточнения понятий материального и идеального в отношении к человеку. Сущее, представляя единство материального и идеального, не является монолитом каждой из этих сторон, то есть, сущее не есть некоторый материальный или идеальный монолит. Сущее есть материальная и идеальная система. Различие между монолитом и системой состоит в том, что монолит есть нечто одно, а целостность есть объединение каким-либо способом многих частей. При этом «способ объединения» и задаёт целостность. Разумеется, монолит и целостность относительны; ибо при определённых условиях, налагаемых (или снимаемых) на такое объединение, оно (это объединение) из целостности может превратиться в монолит, и наоборот. Эти рассуждения справедливы как для материального, так и для идеального.

Изменение сущего может происходить из-за убавления (или прибавления) элементов, входящих в объединение данного сущего. В принципе, мы должны ожидать, что вслед за изменением материального должно последовать и соответствующее изменение идеального. Однако здесь не всё так просто. Например, человек есть сущее как единство тела (материального) и сознания (идеального). Предположим теперь, что этот человек взял в руки бильярдный шар. Объединение «человек + бильярдный шар»

есть новое изменённое сущее. Со стороны материального это понятно. А со стороны идеального? Ведь вряд ли мы сможем утверждать, что идеальное «человек + бильярдный шар» есть некоторая целостность, ибо сознание первоначального сущего «человек» не распространяется на объединённое сущее «человек + бильярдный шар». Однако иногда это так и происходит, и тогда новый элемент — «шар» подчиняется сознанию «человека». Об этом свидетельствуют эксперименты, которые демонстрировала Н. С. Кулагина[1].

Теперь понятно, что для того чтобы получить контроль, то есть управлять внешним для человека сущим, необходимо так расширить своё сознание, чтобы идеальное этого сущего стало составной частью сознания человека. При этом уже необязательно иметь материальный контакт человека с управляемым сущим. Это есть не что иное, как магия: контактная или бесконтактная. Контактная магия подразделяется на непосредственно контактную и опосредовано-контактную. При непосредственно контактной магии тело человека непосредственно соприкасается с внешним сущим. В опосредовано-контактной магии тело человека соприкасается с представителем (презентантом) того сущего, которым человек стремится управлять.

Человек берёт в руки деревянную палку и пытается с ее помощью достать яблоко. Казалось бы, в этом случае мы имеем дело с примером управления сознанием деревянной палкой. Причём делает человек это не магическим, а самым обыкновенным способом. Рассмотрим этот пример более внимательно. Почему палка совершает некоторые движения, помогающие человеку достать яблоко? Да потому, что на палку действуют мускулы руки человека. Стало быть, сознание человека управляет не деревянной палкой, а мускулами собственной руки, то есть мускулами собственного тела, или в онтологическом смысле — материальным. И уж затем рука (материальное человека) взаимодействует с деревянной палкой (материальное деревянной палки). Поэтому здесь нет управления сознанием человека деревянной палкой. Это — пример взаимодействия идеального и матери-

[1] *Дубров А. П. , Пушкин В. Н.* Парапсихология и современное естествознание. М. 1990. С. 116 – 118.

ального различных частей человека и взаимодействия материальных сторон двух сущих: человека и деревянной палки. Управление сознанием человека деревянной палкой было бы в том случае, если бы эта палка без каких-либо мускульных усилий человеческого тела сбила интересующее его яблоко.

Для того чтобы в большей мере научиться управлять собственным телом, необходимо расширение сознания в рамках идеального самого человека. Когда мы расширим своё сознание до размеров человеческого идеального, мы получим полный контроль над собственным телом (материальным). Механизм задействования идеального взаимодействия человеком связан с замещением одного сущего другим. Вспомогательная функция замещения может создавать препятствия в использовании идеального воздействия на сущее. Суть идеального воздействия на сущее состоит в формировании будущего идеального этого сущего. Например, вы хотите доставить себе (сущее) удовольствие (новое состояние сущего). Для этого можно использовать традиционные материальные воздействие, например, выпить чашечку кофе, принять ванну и тому подобное. В случае использования идеального воздействия вам необходимо сформировать идеальное вашего будущего состояния, то есть такое идеальное, которое будет соответствовать вашему удовольствию. Какими средствами вы будете пользоваться при формировании этого идеального? Если это будут заместители (презентанты) представления об удовольствии, то сразу же возникает проблема о соответствии данных заместителей для передачи удовольствия, насколько адекватны эти средства или насколько они однозначны. В случае полисемии используемых заместителей может получиться так, как это показано в фильме «Чародеи», когда Иванушка, воспользовавшись волшебной палочкой, требует, чтобы перед ним появилась Алёнушка, в результате в комнате появляются кукла, говорящая «Алёна», мебель под названием «Алёна», корова, по-видимому, с таким же именем и так далее. Может быть, те заместители, которыми вы воспользовались для формирования идеи вашего удовольствия на другом уровне вашего сознания, который (уровень) ближе к процессу формирования идеального, обозначают прямо противоположное. Поэтому вместо удовольствия вы накличете беду.

Пример с удовольствием был выбран нами, чтобы продемонстрировать проблемы языка при описании некоторых явлений. Вот другой пример, с которым под силу справиться языку. Предположим, что вы хотите, чтобы вам сопутствовала удача при оформлении каких-то важных для вас документов, часть из которых подаётся ксерокопиями. При этом, настраивая себя на удачу, вы представляете себе, как обращаетесь в известную вам фирму «Копир» по изготовлению ксерокопий, которую (фирму) вы считаете оптимальной в данной ситуации. Таким образом, свою удачу вы связываете с предельно конкретным символом в виде фирмы «Копир». Однако в момент обращения в эту фирму девушка, которая работает на копировальном аппарате, по уважительной причине задержалась. В результате этого вы делаете ксерокопии позже и опаздываете с подачей важных для вас документов. Казалось бы, удача вам изменила. Однако дело здесь не в эффективности идеального воздействия, а в его неправильном использовании, в неправильной ориентации. Вы настроили себя на изготовление ксерокопий в «Копире». Вы их получили.

Настраивая себя на удачу, не следует связывать эту удачу с конкретными заместителями. Но именно в этом и состоит проблема. Как сформировать идеальное вне знака, в то время как мы привыкли именно к знаковому способу продуцирования идеального? Язык сделал человека сильным в одном, но бессильным — в другом отношении. Присутствие языка обязало человека облекать идеальное в языковую форму, при этом во многих случаях язык не способен был адекватно выразить многое идеальное. Человек, приобретя способность продуцировать идеальное, во многом потерял способность непосредственного его восприятия. Поэтому продуцирование идеального у человека осуществляется преимущественно только в рамках его языка. Следующим этапом развития человека является приобретение способности преодолеть языковой барьер, сохранив при этом способность продуцировать идеальное, например, за счёт развития у себя интуитивных способностей.

Во многих (может быть не во всех) идеальных взаимодействиях между людьми существенную роль играет понимание. Поэтому решение проблемы понимания может оказаться одним из следствий принципа материального и идеального. Однако, по

крайней мере, из-за обширности философской литературы по этой проблеме, здесь мы её касаться не будем. Часть решения этой проблемы была нами изложена в работе «Понимание мифа»[1], где на примере исторических мифов шумеров демонстрируются конкретные методы и приёмы внутреннего понимания мифа, которое существенно отличается от внешнего его понимания.

Реализация идеального воздействия, по-видимому, имеет свои ограничения, к которым, прежде всего, следует отнести законы функционирования сущего на уровне материального воздействия. В этом смысле идеальное и материальное воздействие должны быть согласованы друг с другом. Возможности идеальных преобразований лежат в границах материальных законов. Так материальные процессы изменения реализуются непрерывно, поэтому переход от материального к идеальному также должен осуществляться непрерывно. По-видимому, также должен быть реализован и переход от идеального к материальному. При разогреве утюга до температуры в 100 °С, через идеальный канал температура утюга не должна испытывать скачок от комнатной температуры до значения в 100 °С. При этом должны быть непрерывно пройдены все промежуточные значения температур.

Теоретические положения, характеризующие идеальное взаимодействие, не связаны с конкретностью сущего. Поэтому мы должны допустить возможность реализации такого взаимодействия для всякого сущего. Образно это можно представить как «внедрение» нового идеального одного сущего в другое. Как реализуется «механизм» этого «внедрения» мы пока не знаем. Мы лишь можем констатировать, что для некоторых сущих это «внедрение» возможно, а для некоторых сущих оно невозможно.

Таким образом, рассмотрение взаимодействия с позиции единства материального и идеального в сущем привело к пониманию самого взаимодействия как единства двух способов его реализации: материального и идеального. Разумеется, сказанное о взаимодействии двух сущих может быть использовано и для описания совокупности сущих. В предельном варианте можно говорить о такой совокупности сущих, чем является мир. Тогда

[1] *Колычев П. М.* Понимание мифа. СПб., 2005.

мир предстаёт как единство материального и идеального, различное соотношение влияния которых обеспечивает его развитие в целом. Поскольку оба способа взаимодействия присутствуют в рамках одного сущего, постольку они связаны друг с другом. То, в каких формах проявляется эта связь и какие последствия они (формы) имеют для сущего, будет рассмотрено в следующей главе.

Глава 8
Развитие

Существуют различные способы изложения теории диалектики. Мы же будем придерживаться такой последовательности, которая начинается с закона единства и борьбы противоположностей[1]. Основанием такого выбора для нас явилось то, что учение о противоречиях есть суть диалектики. В самой формулировке данного закона есть некоторая некорректность. Во-первых, в отношении термина «борьбы» мы предпочитаем использовать более корректный, «мягкий» термин «взаимодействие». К тому же термин «взаимодействие» обладает большей всеобщностью, нежели термин «борьба». В самом названии диалектического закона единства и взаимодействия противоположностей фиксируются две его составные части. Первая часть — это единство противоположностей, а вторая — взаимодействие противоположностей. Кроме этого в рассматриваемом законе присутствует и третья сторона: тождество противоположностей.

Суть единства противоположных сторон состоит в «раздвоении единого на взаимоисключающие противоположные моменты, стороны и тенденции»[2]. Определяя сущее, как единство двух его сторон: материальной и идеальной, мы тем самым выполнили первое требование о единстве противоположных сторон, то есть требование о раздвоении единого надвое.

Вторая часть диалектического закона обозначена как отличительный признак противоположных сторон, а именно: их «взаимоисключаемость». Иногда говорят и о «несовместимости»[3] противоположностей друг с другом или «отрицающих» друг друга

---

[1] Марксистско-ленинская диалектика. В 8-ми книгах. Кн. 1. Материалистическая диалектика как научная система. М., 1983.

[2] *Спиркин А.* Единство и борьба противоположностей // Философская энциклопедия. В 5-ти томах. Т.2 . М., 1962. С. 106.

[3] *Батищев Г. С.* Единство и борьба противоположностей // Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С.190.

противоположностях[1]. Различная терминология в данном случае, по-видимому, предполагает один и тот же признак, ибо взаимоисключение, несовместимость, отрицание — очень близки по смыслу. В дальнейшем мы будем использовать лишь один из этих терминов, на наш взгляд, наиболее выражающий суть данного признака противоположностей, а именно: отрицание. Это понятие имеет ещё и категориальный статус в диалектике материального объекта.

Выясним, насколько отрицание присуще материальному и идеальному? Насколько материальное отрицает идеальное и, наоборот: насколько идеальное отрицает материальное? Примеры противоположных сторон, приводимые в диалектике материального объекта, очевидно, предполагают отрицательность. В самом деле, «притяжение и отталкивание в форме приближения и удаления масс, положительный и отрицательный электрические заряды, химические соединения и разложение, ассимиляция и диссимиляция в организмах, возбуждение и торможение нервного процесса»[2]. Из этих примеров становится ясно, что отрицательность подразумевает обратную количественную зависимость между противоположностями. В предельных случаях, когда количество уменьшаемой противоречащей стороны заканчивается, отрицательность приводит к уничтожению этой противоречащей стороны, так исчезает приближение при достижении места, к которому двигался физический предмет. Однако не всегда количества имеют непрерывный характер, так как существуют, так называемые, точечные количества, о которых нельзя сказать, сколько их: они либо есть, либо их нет. Если для противоречащих сторон присущи точечные количества, то отрицание вырождается в уничтожение.

Что же означает увеличение-уменьшение материальности или увеличение-уменьшение идеальности? Понимание отрицания как уменьшение-увеличение количества, то есть использование категории «количества» вполне очевидно при анализе взаи-

---

[1] *Вяккерев Ф. Ф.* Противоречие как источник развития // Материалистическая диалектика. В 5-ти томах. Т.1. Объективная диалектика. М. С. 301, 303.

[2] *Спиркин А.* Единство и борьба противоположностей // Философская энциклопедия. В 5-ти томах. Т.2 . М., 1962. С. 109.

модействий конкретных сущих. Однако этот же приём несколько осложняется при понимании отрицания на предельно абстрактном уровне. Это связано, прежде всего, с тем, что понятие «количество» предполагает понятие «качество».

Соотношение противоположностей можно описать математически с помощью такой операции, как взаимнооднозначное отображение. По определению при взаимнооднозначном отображении множества **X** на множество **Y**, каждому $\mathbf{x_1}$ соответствует одно единственное специфическое значение $\mathbf{y_1}$. Множество **X** может быть понято как множество количественных значений одной из противоположных сторон, например, идеального. Тогда множество **Y** может быть представлено как множество количественных значений другой противоположности — материального. Математическую модель взаимнооднозначного отображения можно использовать при доказательстве того, что материальное и идеальное, действительно, являются противоположностями.

В данной математической модели есть один нюанс. Дело в том, что математика имеет дело с уже «существующими» стационарными, стабильными множествами, которые не могут претерпевать какие-либо изменения. При этом само изменение есть специальное онтологическое понятие: «Изменение означает появление того, чего не было и что стало, появилось»[1]. В самом деле, изменение множества есть всегда изменение количества его элементов. Предположим, что при каких-то условиях у одного из отображаемых множеств, например, множества **X**, появился новый элемент — $\mathbf{x_n}$, в то время как множество **Y** не изменилось. Тогда нарушается условие взаимного отображения, ибо элементу $\mathbf{x_n}$ либо не соответствует никакой элемент множества **Y**, и тогда автоматически нарушается условие взаимной однозначности, либо элементу $\mathbf{x_n}$ соответствует некоторый элемент $\mathbf{y_m}$ множества **Y**. Однако ранее, до изменения множества **X**, элементу $\mathbf{y_m}$ уже соответствовал некоторый элемент $\mathbf{x_m}$. Таким образом, после изменения множества **X** одному и тому же элементу $\mathbf{y_m}$ соответствуют два элемента $\mathbf{x_m}$ и $\mathbf{x_n}$, что также нарушает условие взаимно-

[1] *Сагатовский В. Н.* Философия развивающейся гармонии: философские основы мировоззрения: В 3-х ч. Ч. 2. Онтология (Мир и Человек: укоренён ли Человек во Вселенной?). СПб., 1999, С. 69.

однозначности отображения.

Казалось бы, данное опасение излишне, так как задача математического доказательства как раз и состоит в обосновании того, что исследуемая математическая функция, осуществляющая взаимнооднозначное отображение, всегда будет вести себя таким образом, что обеспечит взаимнооднозначность отображения. Но мы здесь имели в виду нечто иное. Математическая функция всегда есть некоторая модель сущего. В расширяющемся множестве эта модель всегда имеет приблизительный характер, по крайней мере, потому, что не может учесть поведения новых сущих. Ведь даже в математике есть функции, которые сначала и очень «долгое время» ведут себя «гладко» и только потом резко меняют свое поведение своими неожиданными «выпадами». Сущее же всегда богаче.

Так, изменение материального есть изменение свойств сущего, а изменение идеального — изменение определённостей. При таком подходе увеличение материального может означать, в частности, увеличение числа свойств сущего. Ясно, что чем больше (меньше) свойств, тем больше (меньше) соответствующих определённостей. Стало быть, увеличение (уменьшение) материального приводит к увеличению (уменьшению) соответствующего ему идеального, то есть отсутствует процесс отрицания.

Посмотрим, как обстоят дела в случае обратной зависимости, то есть, как увеличение или уменьшение идеального влияет на количество материального. Однако если воздействие материального как по своей сущности, так и по результату достаточно легко поддаётся пониманию, то для обратного воздействия это далеко не так. Всё это никак не повлияет на общее заключение о количественных взаимозависимостях материального и идеального. В самом деле, рассмотрение количественной связи между материальным и идеальным показало, что в указанном аспекте нет обратной количественной зависимости между материальным и идеальным, то есть между ними нет отрицания. Стало быть, материальное и идеальное по данному основанию не являются противоположностями, и этот вывод не зависит от рассмотрения воздействия изменений идеального на материальное.

В поиске такого основания следует обратить внимание на то обстоятельство, что закон единства и взаимодействия противо-

положностей является основанием развития. Именно фактор развития сущего и является искомым уточняющим фактором для основы противоречивости материального и идеального. Развитие сущего обеспечивается взаимодействием материального и идеального. На самом элементарном уровне взаимодействие этих двух аспектов можно понять: с одной стороны, как зависимость одного от другого, с другой стороны, как степень их влияния на сущее, которое есть единство их обоих. Что касается первой стороны этого взаимодействия, то мы уже выяснили в ней отсутствие противоречивости. Но вот во второй стороне взаимодействия материального и идеального у нас есть возможность обнаружить искомое отрицание. Для этого нужно допустить некоторый «закон сохранения влияния на развитие сущего», при котором суммарная величина влияния со стороны материального и идеального есть величина постоянная. Тогда противоположными оказываются доли их участия в развитии сущего, а именно, доля участия материального в развитии сущего противоположна доле участия идеального в развитии того же сущего. Отсюда следует такой признак противоречивости, как обратная количественная зависимость. Чем больше доля влияния материального в сущем, тем меньше доля его идеального влияния, и наоборот, чем меньше (пассивнее) доля материального, тем больше (активнее) доля идеального. Таким образом, материальное и идеальное есть противоположности друг для друга.

Другим признаком диалектического противоречия является признак тождества и различия противоположностей. Говоря о категории соотношения, мы выделили в ней присутствие тождества и различия. Тождество как тождество носителей соотношения фиксировалось в таком структурном элементе соотношения как основа соотношения. Различие было представлено таким структурным элементом соотношения как результат соотношения, через посредство которого носители соотношения отличались друг от друга. Поскольку диалектическое противоречие в своей основе есть также соотношение, то ему в указанном смысле присуще тождество и различие. В случае диалектического противоречия материального и идеального тождественность представлена тем, что и материальное, и идеальное есть стороны

одного и того же сущего, а различие выражается в том, что одна из этих сторон сущего есть материальное, а другая — идеальное.

Однако такое представление о тождестве и различии в диалектическом противоречии материального и идеального требует некоторой коррекции, обусловленной тем, что противоположностями в сущем являются не материальное и идеальное, а степени их влияния на развитие сущего. Поэтому момент тождества представлен тем, что и материальное, и идеальное влияние на сущее есть две стороны одного и того же процесса развития этого сущего. Различие представлено здесь не только тем, что одно из таких влияний есть материальное влияние, а другое — идеальное, но тем, что увеличение одного влияния обязательно сопровождается уменьшением другого. Поскольку процессы увеличения и уменьшения влияний материального и идеального в точности соответствуют друг другу, увеличение, например, материального влияния на какую-то величину в точности соответствует уменьшению влияния идеального на такую же величину, постольку здесь также присутствует момент тождественности материального и идеального влияния.

Предложенное здесь понимание диалектики сущего несколько корректирует позицию о единстве сущего. В самом деле, поскольку противоположностями в диалектике сущего выступают не материальное и идеальное в собственном виде, а их влияние (то есть, влияние материального на сущее находится в противоречии с влиянием на него идеального), постольку это ставит вопрос о сущем не как о единстве материального и идеального, а как о единстве материального и идеального влияния. В частности, это обстоятельство может повлиять на возможность существования материального и идеального независимо друг от друга.

Наличие двух способов воздействия означает, что теоретически существует три принципиально различных возможности изменения сущего. Первая возможность реализуется с преобладанием материального воздействия. В предельном случае изменения сущего обеспечено только этим фактором. Вторая возможность реализуется с примерным равноправным присутствием обоих факторов, как материального, так и идеального воздействия. Третья возможность реализуется с преобладанием идеально-

го воздействия. В предельном случае изменения обеспечены только этим фактором.

Примером изменения по сценарию первой возможности в её предельном варианте являются такие сущие, которые на житейском языке мы обозначаем как вещи, в дальнейшем мы будем называть такие сущие вещными сущими. Причём детерминация здесь достаточно жёсткая, ибо вещное сущее лишено возможности выбора своего будущего состояния. В этом смысле будущее вещного сущего находится в состоянии устойчивого равновесия, ибо отсутствуют иные возможности будущего. Если вещное сущее находится в покое, то его будущее изменение определяется законом внутреннего взаимодействия этого сущего. Этот закон и есть некоторая составляющая идеального в настоящем. В принципе то же самое имеет место и в отношении покоящегося вещного сущего, положение которого определяется законом о покое (отсутствие изменения), ибо этот закон также есть составляющая настоящего идеального покоящегося вещного сущего.

Примером изменения сущего по сценарию второй возможности является такое сущее как человек. Общий случай этого вида сущего мы обозначим как антропологическое сущее. Поведение антропологического сущего не столь фаталистично как у вещного сущего, ибо первое более активно в вопросах своей будущности. Антропологическое сущее прокладывает дорогу своего будущего либо посредством планов, проектов, фантазий относительно этого самого будущего, либо путем формирования настоящего идеального. Оно подготавливает, освещает своё будущее этими проектами. Сами проекты по своему характеру принадлежат к идеальному самого антропологического сущего. Конечно, проект, как бы ни старался современный человек, всегда есть лишь приблизительное подобие идеального, которое потом возникнет как отражение того, что будет реализовано по намеченному проекту. Действительно, план задуманного жилого дома, по крайней мере, по своей информационной насыщенности, значительно уступает всему идеальному реально построенного дома, ведь туда входят все детали, как самого процесса строительства, так и все детали каждого элемента, вплоть до отдельных элементарных частиц, из которых состоит этот дом.

Что же касается идеального прошлого на антропологическом уровне сущего, то оно может быть понято как его память.

В отличие от вещного сущего антропологическое сущее способно осуществить некоторые изменения в сфере своего идеального, не выходя при этом за границы этой сферы, в то время как у вещного сущего изменения идеального детерминированы только соответствующими изменениями материального. Разумеется, всё, что происходит с материальным антропологического сущего находит своё отражение в его идеальном, однако кроме этого оно способно порождать новые идеальные элементы, аналогов которых в материальном нет. Поэтому перед будущим антропологического сущего могут открыться не одна, как в механическом детерминизме, а сразу несколько возможностей, что обеспечивает будущее антропологического сущего как состояния неустойчивого равновесия.

Ясно, что такие сущие, как вещное сущее и антропологическое сущее, являются определёнными крайностями. Между ними существуют такие сущие, которые представляют собой промежуточные состояния. В них, с одной стороны, присутствует фактор полной зависимости прошлого и настоящего идеального от материального (материальное воздействие). С другой стороны, наряду с этим фактором присутствует идеальное воздействие, второй фактор зависимости материального от продуцированного (будущего) идеального. При этом идеальное воздействие, в силу своей незначительности, играет лишь второстепенную роль в поведении сущего как целого. Конкретными представителями таких сущих, по-видимому, являются растения, потом —растения с элементами поведения животных, далее — это простейшие животные, затем — животные и, наконец, высшие животные, максимально близкие к человеку. В этих сущих соотношение влияния материального и идеального воздействия различно. Причём они упомянуты в таком порядке, что влияние идеального воздействия у них нарастает. В человеке это количественное изменение (нарастание) перерастает в качественное изменение; то есть, изменение влияния идеального воздействия привело к качественной смене сущего, из вещного сущего оно перешло в антропологическое сущее, для которого характерно примерное равенство влияния обоих факторов материального и идеального воздейст-

вия. Разумеется, о качественном переходе можно уже говорить и при переходе от вещи к растениям, однако здесь имеют в виду количественные изменения иного качества, нежели нарастание второго фактора.

В качестве гипотезы можно предположить, что именно из-за влияния идеального взаимодействия объясняется распределение химических элементов в космическом пространстве, когда стремление к объединению одних и тех же, то есть имеющих одно и то же идеальное (одну и ту же определённость состава), химических элементов объясняется «притяжением» их идеальных, что и обеспечивает нарушение второго закона термодинамики. В области явлений, обеспечивающих биологическую эволюцию, идеальное взаимодействие может обнаруживаться как на внешнем, так и на внутреннем уровнях организма. В первом случае идеальное взаимодействие может проявляться в «притяжении» внешнего вида живого организма и внешнего вида окружающей его среды, что происходит в мимикрии. Во втором случае осознание полезности конкретного признака живым организмом через механизм самовнушения может изменять этот признак в нужную сторону на протяжении жизни уже одного организма, более того, этот же механизм даёт возможность закрепить эти изменения на уровне ДНКа. Оба эти фактора значительно ускоряют процесс эволюции.

Вернёмся теперь к изложению следующего этапа развития. На выравнивании влияния обоих факторов (материального и идеального каналов воздействия) дело не останавливается. Связано это с дальнейшим нарастанием влияния идеального воздействия, которое начинает уже преобладать над первым фактором. Сначала такое преобладание незначительно, затем оно увеличивается больше. Это увеличение может достичь такого значения, когда сущее вообще откажется от материального способа своего изменения. Однако это не означает, что материальный способ изменения для него невозможен. Нет, речь идет о добровольном отказе от такого способа и переходе на контроль изменения со стороны будущего идеального. Такое сущее обозначим как теологическое сущее. В самом этом названии содержится прозрачный намёк на то, о каких сущих здесь пойдёт речь. Например, Единый Бог христиан творит словом, то есть идеей. Теологиче-

ское сущее — это реализация третьей возможности изменения сущего.

Таким образом, теологическое сущее есть результат естественного развития мира. Мысль о генезисе в отношении Бога, пожалуй, наиболее отчётливо прозвучала из уст А. Бергсона: определяемый им Бог «не имеет ничего законченного; он есть непрекращающаяся жизнь, действие, свобода»[1]. Но основания для такого генезиса у А. Бергсона и у нас различны.

Если между вещным сущим и антропологическим сущим мы легко указали промежуточные сущие, то промежуточные сущие между антропологическим и теологическим сущими не так очевидны. На роль таких промежуточных сущих можно выдвинуть такие сущие как святые и ангелы. Это то, что касается христианской религии. Что же касается языческих религий, то там ситуация с промежуточными сущими значительно проще, ибо существует иерархия Богов вплоть до тех, которые являются полубогами — полулюдьми, например, Одиссей у древних греков, или Гильгамеш, который у аккадцев на одну треть был Богом, а на две трети — человеком.

Каков механизм возникновения промежуточных (между антропологическим и теологическим) сущих? Нами достаточно хорошо изучен вариант возникновения сущих промежуточных между вещным и антропологическим. Поскольку интересующее нас промежуточное антропо-теологическое сущее качественно отличается от промежуточного вещно-антропологического, то механизм возникновения последнего вряд ли следует распространять на механизм возникновения первого. Возможно, механизм возникновения связан с опытом духовного (экстрасенсорного, магического, монашеского) воспитания. Или это связано с опытом жизни после смерти (идея предрождения у австралийских аборигенов, переселение души как способ её улучшения, очищение души прохождением через адское чистилище у христиан).

Возможности реализации идеального канала взаимодействия в большей мере следует связывать не с антропологическим сущим, а с сущим, занимающим промежуточное положение между антропологическим и теологическим сущими. Высокая степень

[1] *Бергсон А.* Творческая эволюция. М., 1998. С. 246.

освоения этого канала воздействия реализуется в теологическом сущем. С этим сущим связан особый тип мировоззрения, следующий за научно-философским типом. Его можно обозначить как теолого-магическое мировоззрение, в рамках которого происходит пересмотр основных ценностей прошлого мировоззрения, например, ценность знания о прошлом материальном, ибо они могут творить материальное здесь и сейчас. В этих условиях прошлое материальное становится неактуальным. «Современное человечество — пишет И. И. Евлампиев, — настоятельно нуждается в возрождении религиозного и, не побоимся этого слова, *мистического* отношения к бытию и к своему собственному существованию. Однако это вовсе не означает возврата к ортодоксальной, догматической религии и церкви»[1].

Различие влияния материального и идеального на сущее в истории философии выражено в том, что практически все философские концепции относят либо к идеализму, либо к материализму. «Это — дилемма всегдашняя и, можно сказать, неискоренимая. Все хотят быть либо материалистами, либо идеалистами. Правда, необходимо признать, что материализм и идеализм являются только предельными и логически выдержанными до конца философскими позициями. Поскольку является весьма трудным делом проводить неукоснительно и бесповоротно одну из этих позиций, то фактически в истории человеческой мысли эти точки зрения выступали в смешанном и даже весьма запутанном виде. Одни мыслители только ещё тяготели к материализму и были не в силах проводить его до конца. Другие мыслители только ещё тяготели к идеализму и тоже были не в силах проводить свою точку зрения до конца».[2] Эта неразбериха сказывается и на самом понимании материализма и идеализма. Существует, по крайней мере, два подхода в этом вопросе. Во-первых, когда одно сводится к другому. Например, «идеализм … — это воззрение, определяющее объективно действительное как идею … материализм … — воззрение, которое видит основу и субстанцию

[1] *Евлампиев И. И.* Неклассическая метафизика или конец метафизики? Европейская философия на распутье // Вопросы философии. М., 2003, С. 170.

[2] *Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А.* Платон. Аристотель. М., 1993. С. 78 – 79.

всей действительности … в материи»[1]. Во-вторых, когда одно первично, а другое вторично. Например, «идеализм … общее обозначение философских учений, утверждающих, что … духовное первично, … а материя … вторично … материализм … одно из двух главных философских направлений, которое решает основной вопрос философии в пользу первичности материи»[2].

Различие этих двух подходов может приводить к различным оценкам материалистичности и идеалистичности конкретных философских учений. Например, с позиции первого подхода можно оспорить идеализм Платона, который находится в полном согласии со вторым подходом. В самом деле, «наряду с идеями он признаёт существование другого самостоятельного начала – материи. Материя вечна и идеями не творится»[3]. Стало быть, материя у Платона как объективно действительное не сводится к идее, а, следовательно, по первому подходу к определению идеализма, философия Платона не может быть расценена как идеалистическая. А. Н. Чанышев предложил следующий выход из этого казуса: «Платон — идеалист дуалистического вида»[4]. Однако ясно, что с позиции строгой определяемости терминов это не выход, ибо «дуализм … философское учение, исходящее из признания равноправия, не сводимыми друг к другу двух начал — духа и материи, идеального и материального»[5].

Этот эпизод интересен тем, что термин «дуалистический идеализм» наталкивает на мысль о возможности вписать дуализм в философскую парадигму «материализм — идеализм». Действительно, если опираться на второй подход в понимании материализма и идеализма, то они могут быть представлены как нарушение дуализма. Нарушение равенства между материальным и идеальным в «большую» сторону к материальному даёт нам примат материи над идеей, то есть материализм, а нарушение в «меньшую» сторону к материальному даёт нам примат идеи над материей, то есть идеализм. Парадигма «материализм — идеализм», безусловно, входит в круг вопросов о единстве материального и

---

[1] Кратка философская энциклопедия. М., 1994. С.169.
[2] Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989. С. 203 – 346.
[3] *Чанышев А.Н.* Курс лекций по древней философии. М., 1981. С. 253.
[4] Там же С. 253.
[5] Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989. С. 184.

идеального, а с учётом вышесказанного, она выражается в парадигме «парциальности материального и идеального».

Однако в рамках этой парадигмы необходимо привести обоснование для нарушения пропорций между материальным и идеальным. В поиске такой обоснованности обратим внимание на то, что для всех трёх философских течений: идеализма, материализма и дуализма характерна тотальная распространённость каждого из них на все сущие. Так положение идеализма о преимуществе идеального над материальным распространяется как на каждое сущее, так и на мир в целом. Аналогичная ситуация имеет место и относительно материализма и дуализма. Задумаемся, насколько обоснованы эти глобальные претензии?

«Борьба» материализма и идеализма, которая имеет место на протяжении всей истории развития философии, так ни к чему и не привела. Преобладание одного течения над другим всегда было временным. Эта устойчивость обоих философских течений свидетельствует о неудовлетворённости философского знания лишь одним из этих течений, что приводит к мысли о том, что для адекватного описания мира необходимы как материализм, так и идеализм. Это обстоятельство можно интерпретировать как необоснованную распространённость каждого из этих учений на весь мир. Область мира, которая должна быть описана только с материалистических позиций, не пересекается с областью мира, которая должна быть описана только с идеалистической точки зрения.

Не пересечение этих областей, по-видимому, находит подтверждение в том, что при аргументации каждое из двух философских направлений апеллирует к различным группам сущего. Так вульгарный материализм, как правило, апеллирует к анализу человеческих ощущений, а идеализм — к анализу явлений мышления. Создаётся впечатление, что каждый из них является специальной философской теорией для описания ограниченного множества сущих. Иллюзию общности этих множеств создаёт то обстоятельство, что и ощущение, и мышление может иметь отношение к одному и тому же сущему, то есть материализм обращается к системе «ощущение — сущее», а идеализм — к системе «мышление — сущее». Ощущение и мышление это — способности человека, причём разные его способности. Если ощущение –

это способность со стороны человеческого тела, то мышление — это способность со стороны человеческого сознания. Заменяя в обеих системах понятие «ощущение» и «мышление» на понятие «способность человека», получаем, что и материализм, и идеализм имеют дело с одной и той же системой «способность человека — сущее». Теперь и материализм, и идеализм обрели одну и ту же предметную область и, учитывая: во-первых, единство человека, во-вторых, всеобщий характер категории «сущее», эта область совпадает со всем миром. Таким образом, ошибка каждого из этих течений состоит лишь в неправомерной экстраполяции полученного знания на все сущие. Теперь становится ясно, почему «борьба» материализма и идеализма, во-первых, непримирима, а во-вторых, не может привести к «победе» одной из участвующих сторон.

Отказавшись от положения о всеобщей распространённости, как материализма, так и идеализма, мы снимаем основания для противоречия между ними. В самом деле, что означает отказ от всеобщей распространённости для каждого из них? Для идеализма это означает, что идеализм свойственен лишь ограниченному и вполне определённому кругу сущих, для которых свойственен примат идеального над материальным. То же самое имеет место и для материализма, которому соответствует другое определённое множество сущих, связанных с приматом материального над идеальным. В этом контексте логически (теоретически) необходим и дуализм, ибо в условиях бытия сущих с преобладанием либо материального, либо идеального имеется теоретическая возможность существования сущих «переходной» группы, для которых выполняется условие равноправия материального и идеального.

Теперь для окончательного снятия «противоречия» между этими философскими течениями осталось сделать всего два логических шага, а именно: 1 — предположить, что эти три множества сущих не пересекаются друг с другом; 2 — все три указанных множества сущих, вместе взятые, исчерпывают объём мира. Из чего следует, что если мы хотим описать весь мир, то должны использовать все три философских учения.

Закрепив за идеализмом, материализмом и дуализмом соответствующие области мира, мы ещё не образовали подлинного

единства. Даже, если предположить, что эти три области полностью исчерпывают весь мир. В истории философии дуализм выступил как классический дуализм, где речь идёт о двойственности материального и идеального. Конечно, двойственность ещё не является единством. Однако двойственность и единство ближе друг к другу, нежели монизм. Для получения искомого единства необходимы «инвариантные» принципы. С целью обнаружения подобных принципов попробуем упорядочить три множества, соответствующие идеализму — множество идей, материализму — множество вещей, дуализму — множество объектов, в которых в равной степени представлено материальное и идеальное. Поскольку в философской традиции нет специального термина для обозначения дуалистического сущего, используем для этих целей термин «дуалистическое сущее» (в сокращённом варианте «дуал. сущ.»). С позиции комбинаторики у нас всего шесть вариантов такого упорядочивания, которые представлены ниже.

1) вещь – дуал. сущ. – идея	4) вещь – идея – дуал. сущ.
2) идея – вещь – дуал. сущ.	5) дуал. сущ. – вещь – идея
3) идея – дуал. сущ. – вещь	6) дуал. сущ. – идея – вещь

Осмысленность каждого из этих вариантов зависит от основания упорядоченности.

Одним из таких оснований может служить уровень простоты — соответственно этому получаем два противоположно направленных принципа: 1 — от простого к сложному; 2 — от сложного к простому. Если исходить из того, что дуализм сложнее как идеализма, так и материализма, то дуалистическое сущее сложнее вещи и идеи. Тогда при упорядочивании от простого к сложному могут иметь смысл только первая и четвёртая комбинации, а именно:

4) вещь — идея — дуалистическое сущее
2) идея — вещь — дуалистическое сущее

Для определения смысла одной из этих комбинаций, нам необходимо знание о том, что сложнее вещь или идея. Этот вопрос труднее, чем вопрос о сложности дуалистического сущего отно-

сительно вещи и идеи. Хотя и решение последнего вопроса не так уж очевидно. Если же мы хотим произвести упорядочивание от сложного к простому, то нам нужно выбрать между пятой и шестой комбинацией, а именно:

5) дуалистическое сущее — вещь — идея
6) дуалистическое сущее — идея — вещь

Другой принцип упорядочивания рассматриваемых множеств состоит в использовании их объёма. Это основание может быть связано с основанием простоты-сложности следующим правилом: чем сложнее объект, тем меньше существует ему подобных объектов. (В логике соответствующее положение для понятия сформулировано в правиле обратного соотношения между объёмом понятия и содержанием понятия.) Поэтому упорядочивание по объёму может быть сведено к упорядочиванию по принципу простоты-сложности. По-видимому, существуют и другие основания упорядочивания. Однако предыдущий пример зависимости двух оснований показывает, что все основания могут быть связаны (зависимы) друг с другом. Стало быть, среди множества оснований упорядочивания следует выбрать такое основание, которое определяло бы все остальные, то есть, возможно, существование первичного принципа упорядочивания.

На роль такого первичного основания предлагается «развитие», то есть упорядочить наши три множества таким образом, чтобы каждое из них соответствовало определённому этапу развития мира. В самом деле, именно развитие во многом определяет и объём возникших множеств, и их простоту-сложность, и, по-видимому, все другие основания, ибо они должны были бы возникнуть как результат развития.

Выбор развития как принципа упорядочивания идеализма, материализма и дуализма ограничивает, но до конца не определяет нужной комбинации, ибо у этих философских течений свой взгляд на развитие. Так идеализм, признавая первичность идеи, будет настаивать на второй комбинации упорядочивания с точки зрения развития, то есть:

2) идея — вещь — дуалистическое сущее

В то время как материализму, основанному на первичности материи, более близка первая комбинация, а именно:

1) вещь — дуалистическое сущее — идея.

Дуализм не сможет подобрать себе какую-либо комбинацию, ибо представленные нами комбинации имеют, так сказать, «линейный» характер, в котором уже заложено изначально неравенство всех трёх множеств, формально выражающееся в том, что каждое из этих множеств занимает строго определённое место: либо первое, либо второе, либо третье. Для дуализма могла бы подойти следующая «двухмерная» схема упорядочивания:

$$\left.\begin{array}{l}\text{идея}\\ \text{вещь}\end{array}\right\} \text{— дуалистическое сущее}$$

Но и эта схема не способна во всей полноте отразить суть дуализма, ибо дуалистическое сущее есть также единство идеи и вещи.

В дуализме развитие не идёт от идеи к вещи или от вещи к идее, ибо нет чистых идей и нет чистых вещей. Следовало бы ожидать, что дуалистическое развитие есть не внешнее, а внутреннее развитие сущего, которому изначально и в равной степени присущи как идея, так и материя. Поэтому развитие с позиции дуализма, это — и результат взаимодействия идеи и материи в сущем.

В дуализме идея и материя — две противоположности. Мы уже выяснили, что более корректно говорить не о противоположности материального и идеального, а о противоположности их влияний на развитие сущего. Поэтому теоретически существуют три варианта результата их взаимодействия: 1 — «мирное сосуществование» двух противоположностей; 2 — обе противоположности в равной степени уничтожают друг друга; и как результат — одинаковое ослабление как идеальной, так и материальной составляющей сущего, в предельном случае, идеальное и

материальное полностью уничтожат друг друга, и сущее прекратит своё существование; 3 — либо идеальная сторона, либо материальная сторона одерживает верх над своей противоположностью, что приводит к нарушению равновесия между идеальным и материальным, в результате сущее превращается либо в сущее с доминированием идеальной компоненты, либо — в сущее с материальной доминантой, в предельном варианте первого случая сущее превращается в идею, в предельном варианте второго случая — в вещь.

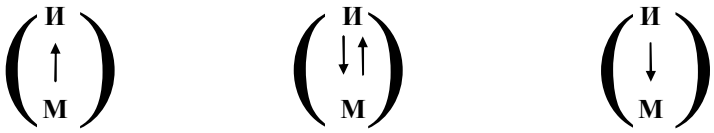
Третья описанная возможность результата взаимодействия идеального и материального не будет поддержана классическим дуализмом; ибо нарушается одно из его основных положений, а именно: равноправное представительство идеального и материального в сущем. Однако именно отказ от положения равноправия делает дуализм перспективным философским направлением. Ведь в своих предельных случаях он превращается в идеализм на одном краю, и в материализм — на другом. Если бы такой дуализм существовал, то его главные принципы выглядели бы следующим образом: 1 — каждое сущее состоит из двух компонент: идеальной и материальной; 2 — идеальная и материальная компонента взаимодействуют между собой внутри сущего; 3 — результатом взаимодействия может быть либо равновесие (устойчивое или неустойчивое), либо преобладание одной компоненты над другой (материальной над идеальной или идеальной над материальной). Такое философское направление следовало бы обозначить как «диалектический дуализм». В самом деле, здесь присутствуют основные элементы диалектики: во-первых, наличие противоположностей; во-вторых, взаимодействие противоположностей, обеспечивающее развитие сущего.

Возможность изменения сущего с преобладанием материального воздействия в большей степени соответствует тенденции материализма, так как для него первична материя, она — инициатор всех изменений. В то время как возможность с преобладанием идеального воздействия больше соответствует духу идеализма, ибо активную роль играет идея, а не материя. Возможность как равенство материального и идеального воздействия — это классический дуализм.

Каждая из возможностей изменения сущего имеет дело лишь

с частью из всего множества сущих. Первая возможность имеет дело с вещными сущими, вторая — с антропологическими сущими, третья — с теологическими сущими. На рисунке 1 изображено схематическое представление трёх типов этих сущих. Распределение всех сущих по этим трём множествам есть то распределение, о котором шла речь при обосновании парадигмы дуализма материального и идеального в истории философии.

Поскольку мы получили теоретические характеристики всех трёх типов множества сущих, то теперь можно прояснить и вопрос об их упорядочивании. Ранее, выделив несколько комбинаций такого упорядочивания, мы остановились на двух из них,



вещное сущее **антропологическое сущее** **теологическое сущее**

Рис. 1

первой и второй. С учётом введённых схем для вещных, антропологических и теологических сущих, обе этих комбинации выглядят так, как представлено на рисунке 2.

Как мы помним, в основе отбора именно этих комбинаций лежал принцип развития. Теперь соединим возможности изменения сущего с принципом мирового развития. Тогда вторую ком-

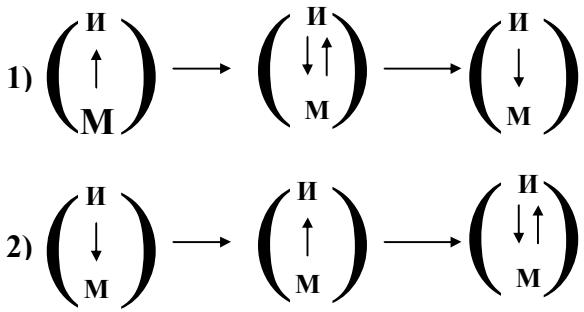


Рис. 2

бинацию можно представить, как развитие сущих от теологических сущих, в которых преобладает идеальное воздействие, к вещным сущим с преобладанием материального воздействия и далее к антропологическим сущим с равноправным представительством материального и идеального воздействия. В первой комбинации мы видим иной ход мирового развития, а именно: от вещных сущих, в изменении которых доминирует влияние материи над идеей, через антропологические сущие, в которых, наряду с воздействием материи на идею, рождается обратный процесс — воздействие идеи на материю, к теологическим сущим с преобладающим воздействием идеи на материю.

Соединение принципа развития с типами изменения сущего, кроме всего прочего, показывает, что первая комбинация развития более обоснована, нежели вторая. В самом деле, во второй комбинации мы наблюдаем перерыв (разрыв), состоящий в том, что в вещных сущих, где изменения сущего обусловлены преобладанием материального влияния над идеальным, исчезает такая способность мира как влияние идеального на материальное, которая (способность) вновь возрождается в антропологических сущих. Если принять второй вариант развития, то придётся объяснить странное поведение идеального, которое, преобладая в начале развития, в середине исчезает и возрождается вновь в конце этого развития. Первый вариант выглядит убедительнее. Он начинает с преобладания материального, далее идёт через антропологическое сущее, где наряду с материальным преобладанием возникает и развивается идеальное влияние, которое (идеальное влияние) становится доминирующим в конце развития в теологических сущих.

Развитие сущего от вещного через антропологическое к теологическому осуществляется в соответствии с диалектическим законом отрицания отрицания. Действительно, антропологическое сущее отрицает вещное тем, что уравнивает материальное и идеальное воздействие на изменение сущего. Отрицание теологическим сущим антропологического состоит в том, что теологическое сущее нарушает равенство материального и идеального воздействия в пользу идеального воздействия. Вместе с тем, теологическое является как бы повтором вещного сущего в том, что и теологическое. И вещное сущее — это сущее с односторонним

фактором изменения, только в теологическом сущем таким фактором является идеальное воздействие, а в вещном сущем — материальное воздействие. Таким образом, развитие сущего от вещного к антропологическому и далее к теологическому сущему охватывает полный цикл диалектического отрицания отрицания. Следующий цикл может начаться с того, чем окончился первый цикл, то есть — с теологического сущего. Только теперь это такое теологическое сущее, которое достигло своего совершенства, что позволяет ему творить как вещное, так и антропологическое сущее, запустив тем самым новый цикл мирового развития.

Итак, понимание сущего как единство материального и идеального позволяет осмыслить его развитие как диалектическое развитие. При этом используются все три закона диалектики. Закон единства и борьбы (взаимодействия) противоположностей проявляется в данном случае как единство и взаимодействие таких противоположностей как степень влияния материального и степень влияния идеального на развитие сущего. Закон перехода количественных изменений в качественные обеспечивает переход от вещного сущего к антропологическому сущему, а от него — к теологическому сущему за счёт изменения баланса (количественное изменение) влияния материального и идеального в развитии сущего. Закон отрицание отрицания, с одной стороны, обеспечивает отрицание антропологическим сущим вещного сущего, а теологическим сущим обеспечивается отрицание антропологического, и, с другой стороны, устанавливает схожесть вещного и теологического сущих как таких сущих, в которых доминирует один из типов взаимодействия. У вещного сущего такой доминантой является материальное взаимодействие, а у теологического сущего — идеальное взаимодействие.

Заключение
Перспективы развития релятивной онтологии

Определив предметом релятивной онтологии предельное, в качестве которого в конечном итоге выступает сущее, мы не остановились на такой его характеристике как степень общности. Из того, что сущее — любое нечто, ясно, что сущее есть предельно всеобщая категория. Эта же степень всеобщности присуща и многим остальным понятиям и категориям, положениям, используемым в развёртывании онтологии: бытие, определённость, соотношение и её структурные элементы, материальное, идеальное, качество, количество, законы диалектики. Беря во внимание именно эту сторону развертываемой онтологии, её следует обозначить как онтологию всеобщего. Когда речь заходит о всеобщем, то, как правило, имеют два соответствующих определения: всеобщее — то, что присуще отдельному кругу явлений; всеобщее — то, что присуще каждому нечто. Думаем, что в предмете философии речь идет о втором варианте всеобщего. Правда, при этом остается неясным вопрос о том, имеется ли в виду любое всеобщее или только существенное всеобщее.

Стало быть, для того чтобы оценить данный подход, следует выяснить причины (корни) существования всеобщего, то есть обосновать его необходимость. Всеобщее существует в конкретном, которое есть результат развития предшествующего конкретного, возникшего как итог развития третьего и так далее. Конкретно-научные дисциплины как раз и берут предметом своего исследования ту или иную часть этого развития. Одно из направлений человеческого познания устремлено к «первоисточникам» такого развития. Признавая объективность бесконечности развития вглубь, но, учитывая ограниченность человеческого познания на определенном историческом отрезке, можно исходить из конечности, начальности или первоначальности развития мира. На данном этапе познания в качестве первоначала можно принять физическое состояние мира, что соответствует совре-

менной космологической идеи «первоначального» взрыва. Элементы этого взрыва можно считать сущими-первоначалами, сущими-первокирпичиками. Современный мир со всем его многообразием в конечном итоге — результат развития именно таких сущих-первоначал.

На каждом этапе такого развития возникали конкретности, содержащие в себе нечто новое. Процесс новизны нарастал от этапа к этапу. Поэтому появляющиеся сущие все более и более отличались от самих сущих-первоначал. Существование всеобщего означает наличие одного и того же и в сущих-первоначалах, и в последующих сущих, то есть и сущие-первоначала, и новые сущие имеют нечто общее. Учитывая процесс развития, можно констатировать, что такая общность передается от сущих-первоначал к новым элементам. Но является ли такая передача необходимостью? Если брать во внимание только непосредственные причинно-следственные связи, то наличие общности у причин и следствия бесспорно. Чего нельзя утверждать при наличии опосредованной причинно-следственной связи. В самом деле, последнее сущее такой связи может быть порождено не всем содержанием среднего сущего, а только той его частью, которая является новой по отношению к первому сущему-причине. Поэтому в опосредованных причинно-следственных связях общность входящих туда сущих — лишь возможность. И уж тем более этот вывод справедлив при рассмотрении различных причинно-следственных цепочек. Очевидно современный мир — не результат непосредственной причинно-следственной связи из сущих-первоначал. Стало быть, всеобщее в таком мире носит характер возможности. К такому выводу приводит теоретический учет причинно-следственных связей в развитии мира. Что же касается практики, то она, по-видимому, переводит эту возможность в действительность, ибо неоспорим тот факт, что физические сущие-первоначала включаются во все последующие сущие. В настоящий момент у нас нет какого-либо положительного положения, объясняющего данный факт. Учитывая выше сказанное, следует принять реальность существования, по крайней мере, всеобщего, восходящего к сущим-первоначалам, назовем такое всеобщее первоначальным всеобщим.

В силу своей природы, для такого всеобщего характерно, что его содержание не выходит за рамки содержания сущего-первоначала, а поэтому оно не затрагивает то новое, что образовалось за всё время существования мира. Равнодушие к новому резко снижает ценность и актуальность первоначального всеобщего как предмета онтологии. Кроме этого, серьёзным аргументом против включения первоначального всеобщего в предмет онтологии является то, что доля участия нижнего уровня мира постоянно снижается с переходом к его более высоким уровням. Так, снижение доли участия физических сущих-первоначал можно наблюдать уже в функционировании химических веществ, ещё меньше она становится в биологических организмах и так далее. Иными словами, подобного рода всеобщее существенно лишь для анализа сущих-первоначал, и эта существенность неумолимо падает в описании функционирования и развития последующих этапов мира. Если онтология берёт своим предметом всеобщее, то это должно быть существенное всеобщее. Включение первоначального всеобщего в предмет онтологического знания повторяет предмет конкретных научных дисциплин, в данном случае — предмет квантовой физики.

Исходя из характера фиксирования сущих-первоначал, следует мысль об исторической относительности всеобщего, восходящего к этим сущим-первоначалам. В самом деле, если сейчас познание не идёт дальше элементарных частиц, то завтра оно может заглянуть ещё глубже, зафиксировать в качестве сущих-первоначал более фундаментальные мировые образования, что, в свою очередь, приведёт к изменению всеобщего. Такая относительность всеобщего не способствует актуальности его изучения.

Как видим, у первоначального всеобщего мало шансов выступить в роли предмета онтологии. Однако, на наш взгляд, первоначальное всеобщее в качестве физикализма оказывает большое влияние на содержание многих онтологических категорий, считающихся всеобщими, например: бытие, материя, пространство, время, причина, необходимость, случайность. Так, ещё до недавнего времени: «Бытие по сути дела сводилось к материи, а последняя трактовалась прежде всего как физическая, телесная,

объективная реальность, данная человеку в ощущениях»[1]. Выявление физикализмов традиционной науки во всеобщих онтологических категориях — дело очень трудоёмкое, а поэтому значительно превышает объём данной работы. Однако есть иной метод обнаружения таких физикализмов. Для этого нужно продемонстрировать иную, нетрадиционную, физическую теорию, которая тесно связана с указанными выше онтологическими категориями. И тогда следует посмотреть на эти категории с позиций нового физикализма. Именно это и было продемонстрировано нами на примере нового представления о времени, в основе которого лежит концепции Х. Эверетта и Р. О. ди Бартини.

Принятие этих концепций координально меняет наше представление о таких онтологических категориях, как время, причинность возможность и действительность. Например, совершенно иной смысл приобретает переход от возможности к действительности. Повлияют эти идеи и на смысл понятий, которые описывают существование человека. Так, «расщепление» сущего в конкретной временной точке для человека означает буквально расщепление личности. Ведь, после того как я бросил игральный кубик, меня стало уже шесть «**Я**», у одного из меня выпала «тройка», у второго — «шестёрка», у третьего — «единица», у четвёртого — «пятёрка», у пятого — «двойка» и у шестого — «четвёрка». Если допустить, что существует некоторая связь между мною шестерыми, то возникает вопрос, что есть личность? Это — только одно из «**Я**» или совокупно все шесть «**Я**»? Учёт скорости реализации события ещё больше усложняет дело, ибо из-за отставания событий существую не только «**Я**» в данный момент времени, но и существует такое моё «**Я**», которое моложе меня, например: на 5, 10, 20 лет. Так же за счёт убыстрения событий существует такое моё «**Я**», которое старше меня, например: на 2, 4, 7 лет. Что тогда понимать под смертью, в этой ситуации?

Мы не настаиваем на выдвинутых здесь физических положениях. Мы только хотим показать, насколько наши всеобщие представления зависят от первоначального всеобщего.

---

[1] *Сагатовский В. Н.* Философия развивающейся гармонии: философские основы мировоззрения: В 3 ч. Ч. 2. СПб., 1999. С. 95.

По-видимому, онтология всеобщего избирает своим предметом такое всеобщее, которое присуще не только сущим-первоначалам, но и всему новому, что является результатом развития этих сущих-первоначал. Обозначим такое всеобщее как

е	**д**	**с**	**в**	**а**
АВСД	**АВСЕ**	**АВДЕ**	**АСДЕ**	**ВСДЕ**

мобильное всеобщее. Необходимость существования подобного рода всеобщего требует своего обоснования. В этой связи следует привести вывод теории «семейных сходств» Л. Витгенштейна: «Возьмём пять фамильных черт семьи Черчиллей, скажем, рост, черты лица, походку, цвет глаз, темперамент. Обозначим их буквами «**А**», «**В**», «**С**», «**Д**», «**Е**». Пятерых членов семьи Черчиллей обозначим буквами «**а**», «**в**», «**с**», «**д**», «**е**». Допустим, что одна из фамильных черт у каждого из Черчиллей отсутствует. Тогда возможна следующая картина:

Из схемы видно, что у пятерых Черчиллей нет ни одной общей черты. Есть лишь признаки, общие различным подклассам этого класса, из пяти элементов. Такой же результат, указывает Витгенштейн, дают и попытки обнаружить признак, общий всем числам, всем языкам, всем играм и т. д.»[1].

Разумеется, нельзя не согласиться с Г. Д. Левиным в том, что теория семейных сходств не способна противостоять идее существования общего. Однако эта критика совершенно бессильна против положения о существовании всеобщего. Правда, при этом следует заметить, что теория семейных сходств, скорее, констатирует, а не доказывает невозможность существования всеобщего. Тем не менее, данное положение является определённым аргументом против онтологической основы существования имён, обозначающих всеобщее. Но тогда необходимо объяснить: как возникают всеобщие имена, в частности, онтологические категории. На наш взгляд, удовлетворительный ответ можно дать, исходя из способности сознания переносить черты, присущие части, на всё целое. Поясним это на примере.

---

[1] *Левин Г. Д.* Диалектико-материалистическая теория всеобщего. М., 1998. С. 89.

Рассмотрим два вида человеческой деятельности с характерным набором из четырёх признаков:

1 $\boxed{\textbf{А В С}}$ **Д** **2** $\boxed{\textbf{А В С}}$ **Е**

Как видим, они имеют общие признаки: **А**, **В**, **С**, наличие которых даёт основание обозначить оба вида деятельности одним именем, например, «игра». В начале функционирования данного имени, по-видимому, осознаётся, что собственно игрой считается не вся игра, например, первая деятельность как совокупность признаков **А**, **В**, **С**, **Д** (целое), а только часть этой деятельности, состоящей из признаков **А**, **В**, **С**, то есть термин «игра» не распространяется на признаки **Д** и **Е**. Однако именно последнее и происходит при длительном функционировании термина, который уже обозначает не только совокупность игровых признаков (часть), но и всю, как первую, так и вторую, деятельность в целом, то есть наше сознание совершенно незаконным образом считает признаки **Д** и **Е** также игровыми. Возможно, что причина такого переноса термина с части на целое кроется в приверженности сознания функционировать большей частью на уровне конкретного.

Теперь наряду со второй рассмотрим третью деятельность. При этом вторая и третья деятельности отличаются наличием признаков **А** и **К**. Наличие общности трёх признаков опять позволяет обозначить обе деятельности одним термином. Но ка-

2 $\boxed{\textbf{А В С}}$ **Е** **3** $\boxed{\textbf{В С}}$ **Е К**

ким? Ранее вторая деятельность была названа «игрой», к тому же мы привыкли к незаконному включению **Е** в игровые признаки, то есть игровыми будут все три общих признака, поэтому новой деятельности также присваивается имя «игра». На этом этапе произошло онтологическое «размывание» смысла термина «игра», так как от трёх подлинно игровых признаков в новой деятельности осталось лишь два признака **В** и **С**. Что же касается признака **К**, то он незаконно приобретает статус игрового признака.

На следующем этапе, когда рассматриваются третья и четвёртая деятельность, также отличающиеся одним признаком, происходит дальнейшее размывание онтологических основ

3 $\boxed{\textbf{В С}}$ **Е К** **4** $\boxed{\textbf{С}}$ **Е К Л**

смысла термина «игра», ибо из подлинно игровых в четвёртой деятельности остаётся лишь один признак **С**. И уже при анализе четвёртой и пятой деятельности окончательно исчезает единый

4 $\boxed{\textbf{С}}$ **Е К Л** **5** **Е К Л М**

денотат для термина «игра», так как в последней деятельности вообще нет подлинно игровых признаков, несмотря на то, что она, как и все предыдущие деятельности, носит имя «игра», не имеет при этом ничего общего с первоначальной игрой. Из представленных рассуждений следует вывод о гносеологическом характере всеобщего.

Другая характеристика мобильного всеобщего выражается в том, что оно отражает мир в целом со стороны его устойчивости. В самом деле, всеобщее означает, что оно имеется в каждом сущем, то есть в каждом из его фрагментов развёртывается один и тот же процесс развития. Всё это напоминает театр, в котором каждый раз идёт одна и та же пьеса с различными декорациями. И как бы ни была хороша постановка, как бы ни были привлекательны декорации, смотреть изо дня в день такие спектакли утомительно и скучно. Здесь перед нами застывший процесс развития. Именно в этом смысл стационарности мобильного всеобщего.

Мобильное всеобщее равнодушно к фрагментам мира, пусть даже эти фрагменты взяты из различных конкретно-научных дисциплин, например: один — из области физики, другой — из области психологии. Иными словами, мобильное всеобщее фиксирует только локальный процесс развития. Осознание этого ставит вопрос о том, какой из видов знания отражает глобальный процесс развития мира, то есть процесс развития мира в целом, а не в его отдельных фрагментах. Если предположить, что мобиль-

ное всеобщее является таковым, то есть всеобщим не только для частей мира, но и для мира в целом, то проблема глобального развития — частная проблема онтологии всеобщего. Правда, в этом случае нам следовало бы объяснить, почему законы, полученные путём наблюдения над частями целого, окажутся справедливыми и для самого целого.

Трудности, связанные с обоснованием присутствия мобильного всеобщего, настораживают нас при его выборе в качестве предмета онтологического знания. Однако характер этих трудностей, то есть нерешённость поставленных вопросов, оставляет место для оптимизма в отношении мобильного всеобщего. Поэтому мы придерживаемся компромиссного решения между полным отказом от рассмотрения мобильного всеобщего и неограниченной экспансией мобильного всеобщего. Суть нашего компромисса – в ограничении проникновения мобильного всеобщего в «глубину» сути конкретных сущих. Развитие мобильного всеобщего следует остановить на уровне всеобщего (поверхностного) конструкта конкретного сущего, не углубляясь при этом в детали его существования.

Релятивная онтология, приводит к такому представлению о развитии мира: вначале появляется вещное сущее, в котором материальное доминирует над идеальным, затем возникает антропологическое сущее, в котором материальная доминанта уравновешивается идеальной доминантой, следующий этап развития мира — это возникновение теологического сущего, в котором идеальное доминирует над материальным. Доведя разворачиваемую здесь онтологию до появления вещного, антропологического и теологического сущего, следует остановиться: дальнейшее развитие знания о сущем возможно как развитие знания о вещном сущем, об антропологическом сущем, о теологическом сущем. При этом то знание, которое получено о каждом из таких сущих, будет специфичным именно для этого рода сущих, без каких-либо экспансионистских претензий на всеобщее. То, что характерно для вещного сущего, может не быть важным для антропологического и теологического сущих, а то, что характерно для антропологического сущего, может не распространяться на вещное и теологическое, а, что характерно для теологического

сущего, может не иметь места для вещного и антропологического сущих.

Куда поместить подобного рода знания? Оставить ли его в рамках онтологии или рассматривать вне этих рамок — не столь существенно, главное — в разграничении сферы влияния как между мобильным всеобщим, которое и составляет онтологию, и знаниями о вещном, антропологическом и теологическом сущих, так и в разграничении между самими знаниями о вещном, антропологическом и теологическом сущих. Существующая философская традиция никогда не ограничивала себя рассмотрением только уровнем всеобщего. Поэтому, следуя этой традиции, знание о вещном сущем, знание об антропологическом сущем и знание о теологическом сущем надо рассматривать как знание философское.

Мы посмотрели на проблему глобального развития со стороны всеобщего, однако у проблемы глобального развития мира существуют несколько уровней рассмотрения, которые определяются различными этапами самого развития мира, а точнее, результатами такого развития. В элементарном смысле промежуточными результатами глобального развития мира можно считать возникновение любого сущего. Выбрав именно такой уровень исследования, решение поставленной проблемы включало бы в себя результаты всего человеческого познания и совпадало бы с целью познания вообще. Разумеется, нет никакой необходимости включать в решение проблемы глобального развития мира все конкретно-научные дисциплины. Следовательно, такой простейший уровень рассмотрения данной проблемы не содержит элемента новизны.

Новизна возникает тогда, когда мы поднимаемся до уровня дифференциации кокретно-научных дисциплин. Здесь имеется в виду такая дифференциация, которая отражает последовательность возникновения предметов и их исследования. Общепринятой и простейшей в этом смысле является дифференциация, когда науки делятся на физические, химические, биологические, антропологические. Действительно, существование физического сущего исторически предшествовало возникновению химического, вслед за которым появляются сущие биологические, затем

такое сущее, как человек. Происхождение этих сущих — определённые этапы в процессе развития мира.

В связи с упомянутой классификацией этапов развития мира необходимо сделать следующее замечание. При выделении названных этапов мы руководствовались таким критерием, согласно которому сущие предыдущего уровня могут существовать вне сущих последующего уровня. Например, химические вещества имеются и помимо биологических организмов, которые, в свою очередь, не могут существовать без физических явлений. Однако главное в нашем замечании то, что на данном уровне разработки проблемы глобального развития мира принципиально не важно, какие из его этапов выделены, главное в том, что такие этапы есть.

Теперь представим себе, что нам известны законы перехода физического состояния мира в химическое, из химического — в биологическое, из биологического — в антропологическое. Подчёркиваем, именно закономерности перехода, а не функционирования на каждом из представленных уровней развития. Подобное знание позволяет охватить весь процесс развития мира в целом, сконцентрировать своё внимание именно на развитии. Это есть не что иное, как описание глобального процесса развития мира в целом. Такое описание должно ответить на вопросы: как и почему развитие мира шло через становление нечто физического, химического, биологического, антропологического? Если философия мобильного всеобщего напоминает одну и ту же пьесу, но каждый раз с различными декорациями, а различные системы наук (физические, химические, биологические, антропологические) ассоциируются с различными спектаклями, то решение проблемы глобального развития мира представляет собой идею обоснования всего репертуара театра, которым является весь мир. Ясно, что данная проблема не входит в предмет исследования какой-либо одной специальной науки. Не входит она, по-видимому, и в предмет онтологии всеобщего.

Рассмотрим мировоззренческую и познавательную функции конкретно-научного знания глобального развития мира. Мировоззренческая функция онтологии означает видение мира в целом. Для онтологии всеобщего целостность мира состоит в наличии этого всеобщего, которое, находясь в каждом фрагменте ми-

ра, объединяет их в единое целое. Иногда в рамках данного онтологического направления целостный характер мира обосновывается положением о существовании взаимной связи между всеми сущими. Однако это положение, как правило, лишь констатируется, но не раскрывается содержательно. Оно является главной задачей именно в решении проблемы глобального развития, где мир отражён путём восстановления и раскрытия связей между его отдельными этапами, путём обоснования необходимости возникновения каждого из этих этапов. Поэтому в рамках этой проблемы мы раскрываем подлинную целостность мира.

В плане познавательной функции знание всеобщих закономерностей позволяет использовать их для описания новых явлений, то есть всеобщий характер старого знания позволяет экстраполировать его на описание ещё непознанных явлений. Однако для реализации подобного рода задач, кроме вопроса об истинности всеобщего, следует, по крайней мере, преодолеть исторический характер всеобщего и слабую конструктивность всеобщего.

Если исторический характер первоначального всеобщего связан с познанием, направленным на изучение мира в прошлом, то исторический характер мобильного всеобщего объективно обусловлен устремлением познания в будущее мира, то есть историчность в последнем случае связана с возникновением новых сущих. Отметим, что такое возникновение может реализоваться как объективно, так и субъективно. В первом случае образование определённого нечто есть результат объективного процесса развития; во втором случае «рождение» осуществляется путём расширения нашего познания. В связи с этим мы говорим, например, об открытии микромира, который уже существовал до нашего открытия. Таким образом, постоянно расширяется объём всеобщего. Ясно, что при этом возможно содержательное изменение всеобщего.

Конструктивность философии всеобщего означает конструктивность перехода от её абстрактных категорий и положений к вполне конкретным понятиям и законам узкоспециальных наук. Существуют различные варианты реализации такой конструктивности. Например, однозначное соответствие философских категорий и положений в определённой конкретно-научной об-

ласти, то есть когда данной философской категории или положению соответствует лишь одно, например, физическое понятие. Наряду с однозначностью существуют и иные способы перехода от абстрактного философского знания к научной конкретности. Например, всеобщие категории и положения могут быть воплощены в какие-либо отдельно взятые стороны, черты конкретно-научных понятий и положений. Однако при любом варианте достаточная степень конструктивности будет лишь в том случае, если всеобщее найдёт своё воплощение в существенных сторонах той или иной конкретно-научной теории.

Познавательная функция конкретно-научного знания глобального развития полностью выражается в прогностической функции. Каждый раздел этого знания (под разделом понимается описание определённого перехода от одного мирового состояния к другому) определяет как бы линию перехода между двумя состояниями в мировом развитии. Тогда все разделы этого знания дают, говоря математическими образами, линию мирового развития, знание которого может предсказывать возникновение иных состояний мира, стоящих за антропологическим и за физическим. В рамках этого знания мы можем описать основные контуры сущности этих новых состояний, определить условия необходимости их возникновения из прежних мировых состояний. Именно в этом мы видим основную идею познавательной функции конкретно-научного знания глобального развития мира как междисциплинарного знания.

Из сказанного становится ясным соотношение познавательной функции философии всеобщего и познавательной функции конкретно-научного знания глобального развития мира. Обе эти функции взаимнодополняют друг друга, ибо их предметом может стать одно и то же новое состояние мира. При этом конкретно-научное знание глобального развития мира обосновывает необходимость и условие его возникновения и характеризует его основные качественные контуры, а онтология всеобщего путём экстраполяции старого знания на новое осуществляет более детальную, содержательную разработку этого состояния.

К мировоззренческой и познавательной функциям конкретно-научного знания глобального развития следует добавить её интегративные способности в самом знании. Эти способности могут

проявлять себя в таком аспекте, как стиль мышления. Учитывая связь между стилем мышления и характером отражаемого им, необходимо констатировать, что с изменением предмета различных разделов конкретно-научного знания глобального развития следует ожидать и смену самого стиля мышления в этих разделах. Стиль отражения перехода от физического к химическому будет несколько отличаться от стиля отражения перехода от химического к биологическому, и ещё больше эта разница будет со стилем отражения перехода от биологического к антропологическому. Такая смена стилей будет осуществляться плавно, здесь вряд ли следует ожидать противопоставления стилей двух соседних разделов. Теперь ясна интеграционная способность конкретно-научного знания глобального развития. Различие в стилях мышления следует ожидать и при развёртывании знаний о вещном, антропологическом и теологическом сущих.

Характер мировоззренческой и познавательной функций в значительной мере определяет уровень актуальности как онтологии всеобщего, так и конкретно-научного знания глобального развития мира. С точки зрения мировоззрения актуальность онтологии всеобщего мало чем отличается от актуальности конкретно-научного знания глобального развития. Влияние же познавательной функции на актуальность по существу обусловлено объёмом новых сущих, с которыми общество вступает во взаимодействие. В этом смысле конкретно-научное знание глобального развития мира значительно проигрывает в актуальности перед онтологией всеобщего. В самом деле, сущие, с которыми имеет дело конкретно-научное знание глобального развития мира, что называется, можно перечислить по пальцам: это физическое, химическое, биологическое, антропологическое. В то же время в поле зрения онтологии всеобщего попадает буквально каждое сущее. Для конкретно-научного знания глобального развития мира положение усугубляется ещё и тем, что время возникновения её новых объектов, то есть новых состояний мира, более длительно, нежели время возникновения любых других сущих, ибо последние всегда являются составляющими для первых. Таким образом, онтология всеобщего значительно ближе к практике, чем конкретно-научное знание глобального развития

мира, актуальность которой лежит в области целостного мироощущения человека.

В плане оценки актуальности конкретно-научного знания глобального развития следует сказать о том, что конкретно-научное знание глобального развития мира в целом отличается от актуальности различных его разделов, актуальность которых также отличается друг от друга. Так, актуальность анализа переходов от физического к химическому и от химического к биологическому совпадает с актуальностью философских вопросов естествознания, интерес к которой в настоящее время значительно угас в сравнении с социальной философией, с которой можно соотнести анализ перехода от биологического к антропологическому. Кстати, основными вопросами конкретно-научного знания глобального развития мира в этой области являются такие вопросы как: «откуда МЫ? кто МЫ? зачем МЫ? куда МЫ идём?».

Необходимо также учитывать и то обстоятельство, что актуальность той или иной философской проблемы зависит от времени. Существенное значение здесь имеет такая черта философии, как её политичность, когда изменение политической ситуации влияет на выбор приоритетных направлений внутри философского знания. Так, если главное направление современной российской политики — поворот от коллективности (безличности) к индивидуальности, то в настоящее время в центр российской философской проблематики поставлена именно индивидуальность, актуализировав тем самым проблему человека. В связи с этим в настоящее время крайне непопулярны онтологические проблемы, философские проблемы естествознания и, наоборот, «бесспорно» «главными» философскими считаются социальные проблемы, касающиеся человека. Учитывая сложившуюся ситуацию, актуальность проблематики конкретно-научного знания глобального развития будет меняться в зависимости от этапа её развития. Если за основу развития взять объективное развитие, то есть начать с анализа перехода от физического к химическому, то этот и следующий этапы будут восприняты как проблемы философии в области естествознания. В русло современной проблематики более или менее начинаем входить с анализом перехода от биологического к антропологическому.

Оценивая перспективу развития конкретно-научного знания глобального развития мира, следует отметить и то обстоятельство, что на исследование того или иного перехода значительным образом влияет различная степень теоретического освоения различных областей науки. В более выгодном положении здесь находятся такие начальные уровни, как физический и химический.

Таким образом, критический анализ онтологии всеобщего выделяет два типа всеобщего: первоначальное и мобильное всеобщее. Для обоих типов всеобщего невозможно констатировать необходимость их существования, то есть такое существование допускается лишь в возможности. Кроме того, первоначальное всеобщее не существенно для всех элементов бытия, а для мобильного всеобщего характерна локальность. Последнее ставит проблему философии глобального развития мира, предметом которой выступает обоснование и раскрытие необходимости развития мира как последовательных переходов от одного этапа к другому. Можно обозначить два подхода к решению этой проблемы. Первый — это решение с позиции онтологии всеобщего. При этом онтологический подход следует ограничить в его экспансии в глубь сущности конкретного сущего. В развиваемой нами онтологии это ограничение определяется происхождением вещного, антропологического и теологического сущих. Второй подход — это решение с позиции междисциплинарного знания. Актуальность такого решения обеспечивается её мировоззренческой функцией и интегративными способностями.

Послесловие
Релятивная онтология о культуре

Культуру мы понимаем как специфическое преобразование человеком действительности, а культурологию — как наиболее общее знание о таком преобразовании. Ключевым понятием здесь выступает понятие «преобразование». Определяя культуру, мы специфицируем преобразование введением антропологического фактора, то есть, мы говорим о человеческом преобразовании.

В определении культуры речь идет о преобразовании как самого человека, например: о воспитании своих чувств, эстетического вкуса, этического поведения; так и о преобразовании того, что окружает человека, например, преобразование природного ландшафта посредством вырубки лесов и распахивания освободившихся земель под овощные культуры. Поэтому культурология есть наиболее общее знание как о человеческом творчестве, возделывании, преобразовании окружающей его среды, так и о преобразовании самого человека.

Следующее уточнение понятия «культура» связано с историческим фактором. О всякой ли человеческой деятельности следует говорить как о культурной деятельности? Прежде всего, здесь имеется в виду человек с точки зрения своего исторического становления. Мы считаем, что исторически культура возникает при качественной смене стратегии человеческого поведения. Речь идет об отказе человека от стратегии собирательства и переход на стратегию воспроизводства средств жизнеобеспечения. Поэтому культура есть преобразование человеческим обществом своего окружения и связанного с этим преобразованием самого человеческого общества в целом и человека, в частности, при этом само человеческое общество использует для своей жизнедеятельности тактику воспроизводства средств жизнеобеспечения.

Однако данное определение культуры во многом есть внутреннее определение. Под внешним определением культуры следует понимать такое определение, которое позволяет охарактеризовать ее с внешней стороны, то есть, выходя за рамки культурного процесса. Внешнее определение культуры возможно лишь тогда, когда культура, как феномен глобального мирового развития, будет поставлена в один ряд с другими феноменами этого развития. Именно в этом смысл внешнего характера определения культуры.

Такой подход обеспечивает онтология. Взяв предметом своего исследования сущее в его предельной всеобщности, онтология распространяет достижение своих исследований и на сферы частного сущего. Одним из таких частных проявлений сущего и можно рассматривать культуру. Кроме этого, онтология представляет мир не только в его предельной всеобщности, но и в развитии предельного масштаба, то есть представляет мир в его глобальном развитии. Оба эти аспекта образуют онтологический фундамент культуры, тем самым укореняя её в более глобальных процессах развития мира.

На протяжении своей длительной истории в философии были развиты разные онтологические концепции, дающие отличающиеся картины мира. Если же исходить из предположения об объективном единстве философского знания, то необходимо признать существование некоторых «инвариантов» в качестве парадигм, концепций, положений, сохраняющихся на протяжении развития всего философского знания. Подобного рода парадигмы, хотим мы того или нет, присутствуют в нашем осмыслении историко-философского материала. Такое осмысление без центральной парадигмы просто невозможно.

Одним из аспектов такой парадигмы является единство материального и идеального. Развитие сущего здесь есть результат взаимодействия идеального и материального. Мировое сущее проходит три этапа своего становления: вещное сущее, антропологическое сущее и теологическое сущее.

Культура, таким образом, как частное проявление антропологического сущего может быть представлена как единство материальной и идеальной компоненты. Такое двуединство культуры представлено не только как проявление дуализма самого челове-

ка, что достаточно очевидно, но и в более широком смысле. Например, к материальной компоненте культуры («телу» культуры), кроме человеческой телесности, можно отнести и результаты культурной деятельности человека в сфере материального, то есть материальные продукты культуры. Продуктами культуры являются и мысли, которые могут быть зафиксированы вне человеческого сознания на иных материальных носителях, например, мысли, представленные в книгах, живописных полотнах, архитектурных ансамблях, промышленных технологиях, то есть идеальная составляющая культуры, в данном случае, выходит за пределы человеческого сознания. Релятивная онтология задаёт некоторую парадигму культуры, в которой она не сводится только к мыслям или только к производимым вещам, а есть и мысли, и вещи.

Диалектика культуры связана с таким аспектом, как преобразование (возделывание, преображение) действительности (естественности, естества). Преобразование предстаёт здесь как взаимодействие мыслей культуры с окружающей её естественностью. Результатом такого взаимодействия является новая действительность и новые мысли. На языке онтологии это взаимодействие есть взаимодействие материального и идеального. В антропологическом сущем представлены оба канала взаимодействия: зависимость идеального от материального и зависимость материального от идеального. В отличие от вещного сущего у антропологического сущего появляется будущность, как независимая способность изменения в сфере идеального без соответствующего материального изменения, например, человек способен порождать новые идеальные элементы (фантазии, планы), аналогов которых в материальной компоненте нет. Благодаря этой способности перед будущим человека могут открыться не одна, как в вещном детерминизме, а сразу несколько возможностей.

Культура, как проявление антропологического сущего, поставлена в определенные внешние границы, которыми являются вещное сущее, с одной стороны, и теологическое сущее, с другой стороны. В этих границах культура занимает неустойчивое положение, обеспеченное наличием двух возможностей антропологического сущего. Культура может действовать либо с оглядкой на вещное сущее, либо с взглядом на теологическое сущее. Эти

тенденции культуры есть результат онтологии мирового развития.

Именно эти две тенденции и были представлены нами в историческом факторе определения культуры. Антропологическое сущее, поведение которого, например, основано на стратегии собирательства, обращено в сторону теологического. Антропологическое сущее, поведение которого основано на стратегии воспроизводства средств жизнеобеспечения, обращено в сторону вещного. Таким образом, культура есть проявление антропологического сущего, обращенного к вещному. Этот результат находит свое яркое подтверждение в том, как используется сознание человеком культурным и человеком, ведущим, например, жизнь собирателя.

Возникновение культуры как антропологического сущего связано с происхождением самого человека. Возникновение человека с позиции онтологии есть качественный скачок в глобальном мировом развитии, когда человек может воздействовать на своё окружение не только своим телом (материальный канал), но и своим сознанием (идеальный канал). С позиции диалектики количественных и качественных изменений возникновение нового сущего, сопровождаемое образованием новых качеств, всегда идёт с установлением новой количественной меры для возникшего качества. Новая мера является потенцией изменения нового качества, которая возникает, так сказать, с большими резервами своих изменений в рамках новой меры. Однако с момента своего возникновения новое качество тесно образом связано с прежним, старым качеством.

Применительно к глобальному мировому развитию это означает следующее. Новое мировое состояние генетически связано с предыдущим (по своему развитию) мировым состоянием. Одним из аспектов такой генетической связи выступает положение, согласно которому новое мировое состояние несёт в себе все черты предыдущего мирового состояния, за исключением тех свойств, которые отрицаются новым состоянием. Действительно, химическое состояние может быть рассмотрено и как чисто физическое состояние; биологическое, в свою очередь, является и физическим, и химическим объектом, аналогично и для антропологического мирового состояния; ведь человек одновременно и живот-

ное, и химическое соединение, и физический объект. Поэтому в самом своём начале развития объекты нового мирового состояния, с одной стороны, ещё находятся во власти старых «поведенческих» (функциональных) моделей, обусловленных их «генетикой», а с другой стороны, благодаря новой мере перед ними открываются возможности новых «поведенческих» моделей.

Эту ситуацию можно пояснить такой аналогией: маленькому ребёнку (новый объект) дают поиграть какую-то сложную вещь, например, калькулятор (новое качество нового объекта). Ребёнок ещё не знает, для чего нужна эта новая вещь (неиспользованная мера), и вполне естественно, что вначале он приспособит её только для своих прежних игр (новое качество находится в начале своей меры), девочка, например, сделает из калькулятора куклу, а мальчик может использовать его как игрушечную машину или молоток, забивая калькулятором гвозди (старые «поведенческие» модели).

Подобно этому человек, получив при своём возникновении, такое новое качество как мышление, вначале ещё не умеет им пользоваться и обращается с мышлением, как ребёнок с калькулятором, то есть, приспосабливая его к своей генетически-прежней деятельности. Прежней поведенческой моделью для человека является поведение животных, для которых основной жизненной стратегией выступает удовлетворение, как мы сейчас говорим, своих естественных (животных) потребностей, например: питание, размножение, среда обитания. Если мы проанализируем основные тенденции деятельности современного человеческого общества, то увидим, что человек использует своё новое качество мышление в основном именно для удовлетворения своих естественных потребностей: питание, среда обитания, размножение; то, что составляет основу его материальных ценностей.

Разумеется, человек осуществляет эту деятельность специфическим (человеческим) образом, что качественно отличает его от животного. Об одной такой специфике говорилось выше — это мышление. Другая специфика состоит в том, что если животные довольствуются лишь необходимым уровнем удовлетворения своих потребностей, то человек пошёл дальше: он давно перешагнул рубеж необходимости и занимается «утончением» жи-

вотных потребностей, например, он совершенствует своё питание, среду обитания и так далее. Поэтому преобразование действительности есть средство в руках человека для реализации старых поведенческих стратегий. Преображение (возделывание) окружающей человека среды в направлении удовлетворения его изнеженных телесных (биологических) потребностей всячески способствует деградации человека как живого организма. Стало быть, преобразование человеком действительности направлено не только против самой действительности, но и против присутствия биологического качества в самом человеке.

Приоритет материальных[1] ценностей в реализовавшейся и реализующейся культуре есть обращённость культуры в сторону вещного сущего. Эта обращённость проявляется и в способах преобразования действительности: в использовании преимущественно материального канала воздействия и лишь частичном задействовании идеального канала воздействия. Ведь идеальный канал не сводится только к воздействию идеального данного сущего на его материальное, но и предполагает воздействие идеального одного сущего на материальное другого сущего.

Как известно, основная аксиологическая проблема западноевропейской культуры состоит в попытке совмещения ценностей прогресса с христианскими ценностями. Прогресс основан на стратегии воспроизводства средств жизнеобеспечения. Поэтому он обращён в сторону «вещного», ибо основное направление культурного преобразования человеком связано с его биологическими потребностями. При этом культура преображает окружающую человека среду в направлении удовлетворения его изнеженных телесных (биологических) потребностей. Таким образом, человек как антропологическое сущее обращен к вещному сущему, в то время как общий онтологический подход предписывает ему обращённость к теологическому сущему.

Ценности прогресса во многом есть выражение в человеке вещного сущего, а ценности христианские — выражение в нём теологического сущего. Эта проблема имеет разную окраску в зависимости от того, с каких позиций мы её рассматриваем. Если

[1] Значение понятий «материальное» в онтологии и «материальные ценности» в аксиологии не совпадают.

мы находимся на позициях прогресса, то мы удивляемся, почему христианские ценности не соответствуют ценностям прогресса. Отсюда попытки к стремлению реформации христианской доктрины в сторону ценностей прогресса? Если мы ведём жизнью не суетную, религиозную, то мы удивляемся несоответствию ценностей прогресса ценностям христианства. По-видимому, именно эта позиция объясняет участие христианской церкви в делах «мирских», например, в политике, где проявляется попытка «внедрения» христианских ценностей в практику прогресса. Онтологическое неравновесное существование человека между вещным сущим и теологическим сущим не обеспечивает ему устойчивости. Человек обречён на постоянное «перебегание» с позиций прогресса на позиции религиозные и обратно.

Если несовместимость христианских ценностей с ценностями прогресса лежит, что называется, на поверхности, то проявление онтологической неустойчивости человека, например, в области эстетики не так очевидны. Мы имеем здесь в виду противоречие между христианскими ценностями и ценностями эстетическими. Казалось бы, о каком противоречии здесь может идти речь? Ведь христианские ценности ни в коей мере не противоречат ценностям эстетическим, даже наоборот, произведения искусства и являются выразителями христианских ценностей: иконопись, христианская архитектуру, религиозная музыка. Да, это действительно так. Однако по — христиански ли наслаждаться человеческими страданиями? Конечно же, нет. Но ведь произведения искусства, очень часто, если не всегда, есть результат крайнего эмоционального напряжения и психологического надрыва их создателей. Порою, художник стоит, в буквальном смысле, на грани жизни и смерти. Кризис, конфликт, трагедия — вот источники создания шедевров искусства. А те, кто испытывает наслаждение при восприятии этих шедевров, являются опосредованными садистами. Разве это по — христиански?

Состояние между двумя противоположностями не могло не сказаться на мировоззрении человека. Здесь мы хотим обратить внимание на такое достижение западноевропейской философии как диалектика. С этих позиций вполне допустимо антропологическое обоснование диалектики со своим центральным положением о всеобщности противоречия. Может быть, именно поэтому

принцип противоречивости всякого сущего даёт наилучшие результаты при рассмотрении антропологических сущих, и начинает буксовать при нашем понимании устойчивых процессов, в частности, такими устойчивыми процессами являются процессы теологического сущего. Это хорошо видно на проблемах, с которыми сталкивается человек, пытаясь понять Абсолют.

Онтологическая неустойчивость антропологического сущего обеспечивает трагизм человеческого существования. И самое печальное в этом то, что этот трагизм есть сущностный признак человека, то есть такой его признак, без которого он перестаёт существовать именно как человек. Человек стремится к безмятежности своего существования, но, достигнув этого состояния, его одолевает скука, он начинает тосковать по новым приключениям, странствиям, риску. И человек вновь отправляется в дорогу, отказавшись от уюта, тепла, устроенной и спокойной, уравновешенной жизни.

Таким образом, если описанное выше преобразование человеком действительности вполне закономерно и оправдано в самом начале существования антропологического сущего, ибо обусловлено его «животной генетикой», когда человечество находится в «детской» фазе своего развития, то поведение современного и близкое к нему в прошлом человечества уже выросло из «младенческого возраста». О чём, в частности, свидетельствует то, что современное человечество уже имеет достаточно средств для полного уничтожения как самого себя, так и всей окружающей его биосистемы на Земле. Поэтому преобразование действительности становится препятствием в развитии человека, ибо акцентирует своё внимание лишь на самом первом этапе отпущенной для него меры.

В религиозной, философской, культурологической, экологической литературе отмечается то обстоятельство, что человек подходит к своей критической черте развития. После выхода из этого кризиса ему придётся принципиально отказаться от системы старых ценностей, то есть последующему человечеству придётся отказаться от стратегии утончения «животных» потребностей. Осмысление бесперспективности предыдущей стратегии поведения возможно только на основе осознания перспектив дальнейшего развития.

Культуре, в широком смысле этого термина, свойственен практицизм. Он проявляется, в частности, в том, что если она (культура) вызывает к жизни новый вид знания, а именно: культурологию, то, следовательно, на то есть практические причины, обуславливающие данный культурологический заказ. Культура в своём развитии подходит к некоему рубежу (этапу), после которого меняется тенденция (направление) её развития. На уровне такого антропологического сущего как человек нам хорошо известен такой опыт, когда осмысление (или переосмысление) человеком своего прошлого, например, как это имеет место в психоанализе, способно значительно повлиять на дальнейшее поведение человека. Культура на уровне своего собственного сознания (аналог общественного сознания) в рамках культурологии пытается проанализировать своё прошлое для определения тенденций своего будущего развития.

Онтологические основания культуры определяют контуры перспектив её развития. Прежде всего, это связано с развитием антропологического сущего в сторону теологического сущего, а именно, в сторону расширения возможностей идеального канала воздействия. Новая стратегия поведения человека связана с новыми формами использования мышления и сознания. Расширение сферы влияния идеального в культуре имеет следствием то, что сам процесс продуцирования идеального увлекает, захватывает человека, причём эта увлечённость способна существенно снизить или подавить в нём совсем значимость материальных ценностей. В этой ситуации происходит переориентация шкалы ценностей, когда материальное уже подчинено идеальному, материальное становится менее интересным, а порою совсем неинтересным.

Разумеется, повсеместное снижение интереса к материальным ценностям неминуемо приведёт к общекультурной катастрофе. Приоритет материальных ценностей в современной культуре священен и неприкасаем. Фундаментальность материальных ценностей означает бесперспективность какой-либо широкой пропаганды, направленной против их приоритета, например, проповедование аскетизма. Если вы осознали стагнацию культуры на основе приоритета материальных ценностей, то это не означает, что надо становиться общественным трибуном пропаган-

ды аскетизма. Об этом следует говорить только в узком кругу людей, способных вас понять[1].

Выход из сферы культуры с приоритетом материальных ценностей предполагает вход в другое. Отвернувшись от вещного сущего, мы одновременно поворачиваемся к теологическому сущему. Отчасти выражением теологического сущего являются идеальные ценности. Современная культура содержит три аспекта идеальных ценностей: знание, искусство и религия.

Знание в основном реализуется в форме науки, которая с самого своего зарождения была подчинена материальному производству. Поэтому ценности науки — это опосредованные материальные ценности. Но дело даже не в том, кто и для каких целей будет использовать полученное тобою научное знание. Дело в том, что в научном знании отсутствуют свободы выбора, ибо направления исследования находятся либо под контролем материальных производителей, либо под контролем государства, которое в конечном итоге выражает потребности тех же материальных производителей. Возможность заниматься научными исследования вне этих сфер, то, что можно обозначить, как исследование для себя, так же сильно ограничена, ибо, как правило, даже чисто теоретическое исследование требует экспериментальной корректировки и проверки. Общее правило здесь такое: чем абстрактнее уровень интересующего тебя знания, тем слабее зависимость этих исследований от внешних воздействий. В этом плане в максимально выгодном положении оказывается философия. Всё это делает мало перспективным реализацию поворота человека в сторону теологического сущего.

Зависимость от финансирования является решающим фактором в занятии некоторыми видами искусства, например, кино, театр, музыка, живопись. Поэтому такие виды деятельности, как правило, финансируются не самим художником, а заказчиком. Но существуют и такие сферы искусства, которые не требуют

[1] То, что мы пишем об этом, вовсе не противоречит выше сказанному. Мы уверены, что эти строки прочтут не так уж многие, думаю, что большинство из них не разделят подобных взглядов, и это хорошо, правильно. Этот фрагмент, возможно, пишется всего для одного человека. При чтении статей или книг у меня иногда возникала мысль о том, что прочитанное было написано только для меня.

значительного финансового обеспечения, например, к такой деятельности следует отнести работу писателя, она так же мало расходна, как и у философа. В сфере искусства очень значима социальная ценность, ценность признания другими результатов твоего творчества. В этом художник попадает в зависимость от мнения других людей. Правда, у художника всегда есть выход заниматься эстетическим самоудовлетворением, творить для самого себя подобно герою романа «Луна и грош» Сомерсета Моэма художнику Стрикленду, который отказался от суетной жизни и полностью отдался живописному творчеству ради удовлетворения своей потребности творить изображения. Создав в конце жизни шедевр, он «достиг того, чего хотел. Его жизнь была завершена. Он сотворил мир и увидел, что он прекрасен. Затем из гордости и высокомерия он уничтожил его»[1]. Однако такое занятие искусством обрекает художника на одиночество. И далеко не каждый художник может справиться с этим чувством, ибо иногда чувство одиночества приводит его к добровольному отказу от жизни. Сравнивая науку, кроме философии, и искусство, последнее, при известных условиях, имеет больше возможностей выйти из-под влияния культуры, ориентированной на материальные ценности.

Третья такая возможность лежит в сфере религии. Там действительно отсутствует приоритет материальных ценностей. Однако человек образованный, как правило, испытывает противоречивое чувство к религии, как административному институту. Мы уже указали суть этого противоречия, которое состоит в том, что религия вмешивается в дела «мирские». Поэтому, выйдя из жизни «мирской» и войдя в жизнь религиозную, понимаешь, что это выход, в общем-то, и не состоялся. Двойственность религии порождает к ней недоверие. Для некоторых это обстоятельство играет решающую роль в их отношениях с религией. Другое обстоятельство, которое настораживает принятие религиозной позиции, состоит в её открытом вызове культуре с приоритетом материальных ценностей. За этот свой вызов религия не раз подвергалась гонениям со стороны государства, и, по большому счёту, нет никаких оснований полагать, что этого не будет вновь.

[1] *Моэм С.* Луна и грош. Театр. Рассказы. М., 1983. С. 194.

Наличие самого вызова, пожалуй, совершенно неважно, каково основание этого вызова, религиозное или какое-либо иное, например, вызывающая одежда, уже означает вашу активную позицию в отношении «мирской» жизни. А это уже противоречит изначальной позиции выхода из неё, ибо выход означает пассивность: уходя, уходи. Несмотря на всю свою противоречивость, именно в религии наиболее последовательно осуществляется отказ от приоритета материальных ценностей, с одной стороны, и решается проблема человеческого отчуждения, с другой стороны, ибо в лоне религии человек не одинок, с ним всегда Бог, при этом Его присутствие всегда положительно эмоционально окрашено.

Таким образом, релятивная онтология показывает, что человек как антропологическое сущее находится между вещным сущим и теологическим сущим. Это промежуточное состояние задаёт неустойчивость человеческого существования, проявляющегося в противоречивости его деятельности. Онтологическая направленность развития сущего от вещного к антропологическому и далее к теологическому сущему, показывает, что перспективы человека могут быть связаны с его обращённостью в сторону теологического сущего. Эта тенденция может быть реализована только путём расширения возможностей в сфере мышления и сознания. Современная культура, в основном, предлагает три традиционных аспекта реализации такой возможности: наука, искусство, религия. Каждому из этих аспектов присущ свой комплекс противоречий, что не обеспечивает подлинной реализации теологических тенденций человека. Наибольшее поле для этого предоставляет религия. Однако за рамками нашего рассмотрения оказались нетрадиционные формы реализации теологической устремлённости человека. Мы вполне допускаем, что в них могут находиться зёрна зарождения нового человека.

Наряду с этим, традиционным, способом расширения сферы идеального в культуре, существует ещё и другой, нетрадиционный, когда идеальное одного сущего непосредственно воздействует на материальное другого сущего, такой способ условно можно обозначить как «магический». Если ранее человек относился к идее как к средству, то в новых условиях возможно иное

отношение к идее, а именно: как к цели. Это отношение способно координально изменить тенденцию развития будущей культуры.

Расширение сферы идеального может привести, во-первых, к снижению ценности материальных потребностей, к удовлетворению их на необходимом уровне, то есть к тому, что мы наблюдаем у животных. В этом смысле человек станет «истинным» животным. Это и естественно, ибо человек наряду с физической и химической составляющей является и биологическим элементом. Поэтому человек должен обеспечить нормальное (истинное) условие существования как на физическом, химическом, так и на биологическом уровне. Это означает отказ от стратегии утончения животных потребностей. В частности, это может быть реализовано за счёт полных функциональных возможностей используемых человеком вещей. Ведь современное производство во многом основано на частичном использовании человеком выпускаемых товаров. Особую роль в этом играет реклама и воспитание соответствующего эстетического вкуса, согласно которому нас призывают выбросить, например, старый шкаф не потому, что он больше не может выполнять свои функции, а лишь потому, что он не соответствует определённым эстетическим вкусам, «морально» устарел. Неполное функциональное использование товара лежит в основе целого направления в торговле: «Second hand».

Во-вторых, в условиях активного использования идеального канала воздействия могут быть разрушены барьеры, защищающие от проникновения в индивидуальное сознание. Это может привести к качественному изменению роли (ценности) индивидуализма и к пересмотру вообще принципа индивидуальности.

В-третьих, предполагаемая открытость индивидуального сознания сделает невозможной ложь как таковую. А ведь ложь выступает одним из краеугольных камней, по крайней мере, с тех пор, как человек отказался от стратегии собирательства и перешёл к стратегии воспроизводства средств жизнеобеспечения.

Интересно отметить, что такая стратегия поведения уже имела место в истории человечества. Примером этому являются австралийские аборигены. Их деятельность «не является попыткой господствовать над природой ... это скорее способ выражения нужд человека, особенно его потребности в том, чтобы сохранился ес-

тественный порядок вещей в природе ...»[1]; их деятельность «не является попыткой вызвать нерегулярное или необычное, это попытка сохранить регулярность»[2]. Разумеется, для обеспечения себя необходимыми жизненными средствами австралийские аборигены используют мышление и сознание. Однако уровень этого использования незначителен, он мало чем отличается от того уровня, который присущ животным. Именно это обстоятельство является основой мнения о «дикости» подобных народов. При этом мы упорно не желаем принимать во внимание другую особенность их мышления. «Аборигены не ограничивают свои раздумья временем, связанным только с определёнными событиями, они имеют вечную тему для размышлений - эпоху сновидений[3], мифологическое представление, которое они могут постоянно носить в уме. ... Абориген не только заучивает миф в прозе или более точных поэтических формах, со временем он должен придти к пониманию его значения - тесной связи мифа с его родиной, с совершаемым ритуалом и с социальной жизнью.»[4] Таким образом, австралийские аборигены преимущественно мыслят не о делах бытовых, но о мире в целом, затрагивая при этом и посюстороннюю, и потустороннюю действительность, связь между которыми выражена в их сознании гораздо гармоничнее, нежели у нас. Стало быть, австралийский абориген использует мышление и сознание для совершенно иного, что не свойственно никакому животному. Его сознание обращено в сторону теологического сущего.

Мысль о единстве материального и идеального в рамках человеческой сущности сегодня тривиальна, в то время как на уровне всеобщности эта мысль просто фантастична. Снизить уровень фантастичности возможно, например, путём реализации на практике выводов релятивной онтологии. Правда, фантастичность самой мысли, как правило, означает (или влечёт) фантастичность практики. Человеческий аспект практики релятивной

---

[1] *Элкин А. П.* Австралийские аборигены. // Магический кристалл: Магия глазами учёных и чародеев. М., 194. С. 134.

[2] Там же.

[3] Эпоха сновидений - это период творения мира. См. *Элкин А. П.* Указ. соч. С. 136-137.

[4] *Элкин А. П.* Указ. соч. С. 145.

онтологии никак не вписывается в основную стратегию культуры. Ведь суть этой стратегии в утончении животных потребностей человека путём преобразования материального окружающей среды. При этом основной механизм, приводящий культуру в действие, есть принцип превосходства индивидуального над общественным, который может быть обеспечен только в условиях ценности лжи.

Теоретические выводы релятивной онтологии, прежде всего, показывают такую перспективу антропологического сущего, которая состоит в увеличении роли идеального в его жизнедеятельности. Для культуры такая перспектива означает следующее, во-первых, отказ посткультурного человека (сверхчеловек) от стратегии утончения животных потребностей. Для этого может использовать не только материальный, но и идеальный канал воздействия на сущее.

Во-вторых, в условиях активного использования идеального канала воздействия могут быть разрушены барьеры, защищающие от проникновения в индивидуальное сознание. Это может привести к качественному изменению роли (ценности) индивидуализма и к пересмотру вообще принципа индивидуальности.

В-третьих, предполагаемая открытость индивидуального сознания сделает невозможной ложь как таковую.

В силу этого осуществление практики релятивной онтологии ставит вне культуры самого практикующего. Мысль о разрыве между теорией и практикой — мысль негативная, она ведет к раздвоенности, к неуравновешенности человека в жизни. Это чувство раздвоенности может повлиять на отношение к основному принципу релятивной онтологии. Ведь изменить теорию гораздо легче, чем изменить практику. Вот как о подобного рода раздвоенности писали А. Н. Стругацкий и Б. Н. Стругацкий: «Девяносто процентом люденов совершенно не интересуются судьбами человечества и вообще человечеством. Но есть группа таких, как я. Мы не хотим забывать, что мы — плоть от плоти вашей и что у нас одна родина, и уже много лет мы ломаем голову, как смягчить последствия… Ведь фактически всё выглядит так, будто человечество распадается на два вида. И никуда вам не деться от ощущения унижения при мысли о том, что один из вас ушел далеко за пределы, непреодолимой для ста тысяч. А этому

одному никуда не уйти от чувства вины за это. И самое страшное, что трещина проходит через семьи, через дружбы…».

Единственно позитивная ценность раздвоенности — это то, что раздвоенность, как конфликт, есть источник творчества, в данном случае как источник творения релятивной онтологии. Но долго этот конфликт продолжаться не может. Нужна какая-то определенность, выход. С одной стороны, принятие релятивной онтологии вряд ли позволит вернуться к подлинно культурной жизни. С другой стороны, житейский опыт подсказывает, что не следует делать резких движений, то есть, не следует резко обрывать свое культурное существование и выйти полностью из культуры. Более правильная стратегия индивидуального поведения заключена, по-видимому, в том, что следует постепенно менять свою культурную практику в сторону практики релятивной онтологии. Делать это надо так, чтобы не чувствовалось напряжения и противодействия со стороны культуры, ибо культура умеет мстить и быть беспощадной к своим отступникам. Надо перехитрить культуру квазимедленными шагами своего побега. Эта стратегия есть в большой степени стратегия китайской мудрости: двигаясь маленькими и медленными шагами можно дальше уйти, нежели двигаясь шагами большими и быстрыми. Надо попробовать получать удовольствие, то есть быть счастливым от постепенного преобразования своей практики.

Практика релятивной онтологии состоит в освоении человеком идеального канала взаимодействия между сущими. Умение менять идеальное сущего приводит к тому, что изменение идеального изменяет в соответствии с собой и соответствующее материальное. Такая практика открывает принципиально иной способ воздействия на материальное мира. В жизни культурного человека такая практика должна быть либо запрещена, либо должна быть эзотерична. Закрытость практики идеального канала воздействия обусловлена преступным характером культуры, ибо культура есть развитие в человеке тактики утончения животных потребностей.

Культура сделала из человека зверя с человеческим лицом. Если уж человек поставил сознание на службу своим животным потребностям, то нет никакого сомнения в том, что освоение идеального канала воздействия будет использовано для еще бо-

лее эффективного воздействия на материальное мира в целях утончения все тех же животных потребностей: питание, среда обитания, размножение.

Может быть, именно поэтому многие из тех, кто владел или владеет техникой идеального канала воздействия, оберегали это знание от зверо-человеков. Примеров подобного рода много. Одним из них, по-видимому, может служить случай, когда американец прибалтийского происхождения научился в строительных целях обращаться с многотонными каменными глыбами в одиночку, из которых он один построил многоэтажный дом, огородил его и украсил внутренний двор скульптурными композициями. После своей смерти он не оставил разгадку, считая, что человек еще не готов воспринять эту практику.

Другой аспект практики релятивной онтологии вообще не связан с преобразованием материального, а лишь с преобразованием идеального. Говоря о сознании, мы часто сводим его к познанию. Когда речь идет о сознании в целом, то эта позиция оправдана. Однако когда мы пытаемся отыскать иные способы реализации сознания, то для нас на первый план выступают всякого рода нюансы, которыми мы ранее пренебрегали. И одним из таких нюансов является фантазирование. Фантазирование, безусловно, является творческим процессом в независимости от решения вопроса об универсалиях.

У идеального, полученного посредством фантазии, и у идеального, полученного посредством познания, совершенно разный уровень новизны. Познание не является творческим актом, ибо, познавая, мы не творим идеальное, а лишь его воспроизводим с той или иной степенью истинности. Совершенно иное дело с идеальным как результатом фантазии. Оно не имеет аналогов в материальном, а значит, не может совпадать с идеальным как в случае познания. Стало быть, идеальное как фантазия, обладает отличием как в сфере идеального, так и в сфере материального, что обеспечивает ей максимальную степень новизны.

Проблема идеального как познания и как фантазии может иметь непосредственное отношение к выработке новой стратегии поведения антропологического сущего. Как будет реализовываться эта стратегия? Ясно, что не в рамках культуры и не в условиях собирательства. Очарование жизнью, которую ведут со-

биратели, сразу же исчезает после приведения всего одного факта из жизни индейского племени акурио: «мужчины редко достигали пятидесятилетнего возраста, женщины доживали в лучшем случае до сорока»[1].

Хотя здесь не все так печально, ибо можно выработать новую стратегию собирательства в условиях современной жизни. Это позволяет сделать значительный переизбыток культуры в области материальных ценностей необходимых для жизнеобеспечения. Мы имеем в виду тему «Second hand». Многие современники, например, хиппи, понявшие суть культуры, уже давно освоили жизненную тактику полусобирательства. Они как бы сбросили с себя оковы культуры и стали свободными. Главное для них — это смена переживаний.

В современной культуре расширение сферы идеального, казалось бы, можно связать с возможностями интернета. Думаем, что именно с этим культурная общественность, отстаивающая стратегию преобразования действительности, начинает бить тревогу, ибо понимает, что этим самым она позволяет значительному числу граждан уходить за границы этой стратегии. Эта часть культуры не будет мириться с потерей своих граждан. Необходимо также учитывать и то обстоятельство, что у неё есть мощнейший рычаг воздействия, ибо интернет находится в ее руках, поэтому за этой частью культуры всегда останется последнее слово, а история убедительно показывает, что она умеет себя защитить.

Интернет значительно усиливает идеальную компоненту антропологического сущего. И в этом смысле он как бы возвращает нас в прошлое, когда сущность жизни была невозможна вне медитаций. Однако есть принципиальная разница между путешествием в интернете и мистическими путешествиями. Если путешествие по интернету, это — путешествие по субъективному идеальному, то есть, созданному человеком, то мистическое путешествие это — путешествие по объективному идеальному, которое существует вне человека. Поэтому виртуальное идеальное — это суррогат по отношению к объективно-идельному. Обращённость человека к объективно-идеальному — это взгляд вперед, — это

[1] *Линдблад Я.* Человек — ты, я и первозданный. М., 1991. С. 19.

поворот человека в сторону теологического сущего, — это взгляд в будущее.

Таким образом, релятивная онтология позволяет обеспечить культуре онтологический фундамент, суть которого состоит в следующем. Первое. Культура как сущее содержит в себе две стороны: материальную и идеальную. Второе. Культура как одно из проявлений антропологического сущего реализуется как зависимость материального от идеального и как зависимость идеального от материального. Третье. Культура как антропологическое сущее в глобальном мировом развитии является этапом между вещным сущим и теологическим сущим. Это позволяет на философском уровне понять вопрос о возникновении культуры, специфику её современного состояния, перспективы её развития. При этом (четвёртое) возникновение культуры связывается с возможностью человеческого мышления продуцировать идеальное, минуя материальное. Пятое. Современное состояние культуры обусловлено её ориентацией на вещное сущее. Культура больше связана с возделыванием в сфере материального, что проявляется в стратегии удовлетворения излишних биологических потребностей. Шестое. Перспективы культуры направлены к теологическому сущему, когда культура будет преимущественно связана с возделыванием в сфере идеального. Седьмое …

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие……..	**3**
Введение. Мир……...	**7**
Глава 1. Бытие, небытие……...	**12**
Глава 2. Соотношение……..	**23**
Глава 3. Бытие-небытие……...	**50**
Глава 4. Сущее (одно и другое)……...	**58**
Глава 5. Сущее (одно среди многих)……..	**79**
Глава 6. Презентативность……..	**107**
Глава 7. Взаимодействие…….	**119**
Глава 8. Развитие……..	**172**
Заключение. Перспективы развития релятивной онтологии……...	**193**
Послесловие. Релятивная онтология о культуре……..	**208**

Н а у ч н о е и з д а н и е

Колычев Петр Михайлович

Релятивная онтология

Печатается без издательского редактирования
с оригинал-макета автора

Лицензия ИД №05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 25.04.2006 Формат 60 × 84 1/16 Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,25 Заказ
Издательство СПбГУ.
199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21
Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22
E-mail: editor@unipress. ru
www.unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.